

ЕВРОПА-2017:

ОТ ПЕЧАТНОГО СЛОВА К ЗНАНИЮ: ЛОКАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ГЛОБАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД

Материалы XIX международной
студенческой научной конференции

6–7 мая 2017 г.

Вильнюс

Европейский гуманитарный университет

ВИЛЬНЮС

2018

ЕЎРОПА-2017:

**АД ДРУКАВАНАГА СЛОВА ДА ВЕДАЎ:
ЛАКАЛЬНЫЯ ТРАДЫЦЫІ І ГЛАБАЛЬНЫ
ПЕРАХОД**

Матэрыялы XIX міжнароднай
студэнцкай навуковай канферэнцыі

6–7 мая 2017 г.
Вільнюс

Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт

ВІЛЬНЮС

2018

EUROPE-2017:

FROM PRINTED WORD TO KNOWLEDGE: LOCAL TRADITIONS AND GLOBAL TRANSITION

Proceedings of the XIX International
Student Scientific Conference

May 6–7, 2017
Vilnius

European Humanities University

vilnius
2018

УДК 32+34+7+008](4)+940

ББК 66+67+85+71+63.3(4)

E24

Рекомендовано к изданию

*Редакционно-издательским советом Европейского гуманитарного университета
(протокол № 4 от 10 апреля 2018 г.)*

Редколлегия:

О. Бреский, М. Жук, Е. Иванова, С. Любимов, Г. Миненков (отв. ред.), И. Столпер,
С. Стурейко, Н. Черепан, Т. Щитцова

Editorial Board:

O. Bresky, M. Zhuk, E. Ivanova, S. Liubimau, R. Miniankou (editor-in-chief), I. Stolper,
S. Stureika, N. Cherepan, T. Shchitsova

**With funding by
the European Union**

**Financed through Swedish
development assistance**

This issue was produced with the financial assistance of the European Union and Sweden.
The views expressed herein can in no way be taken to reflect the official opinion
of the European Union or Sweden

E24 Европа-2017. От печатного слова к знанию: локальные традиции и глобальный переход : сб. науч. тр. [Электронный ресурс] / редкол. : Г. Я. Миненков (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс : ЕГУ, 2018. – 198 с.

ISBN 978-9955-773-91-7 (online)

В сборник включены материалы международной научной конференции студентов «Европа-2017. От печатного слова к знанию: локальные традиции и глобальный переход», состоявшейся в Европейском гуманитарном университете в мае 2017 г.

Для преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных специальностей.

The volume includes the proceedings of the International Student Conference “Europe-2017. From printed word to knowledge: local traditions and global transition” that took place at European Humanities University in May 2017.

Intended for teachers, Ph.D. students and students of humanities.

УДК 32+34+7+008](4)+940

ББК 66+67+85+71+63.3(4)

ISBN 978-9955-773-91-7 (online)

© ЕГУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
<i>Карина Кисель</i>	
Политика памяти в Республике Беларусь в отношении советского периода (на примере школьных учебников и учебно-методических пособий по истории).....	13
<i>Никита Хазов</i>	
Между рукописной и печатной традициями: к проблеме сохранения национальной идентичности польско-литовских татар в конце XIX – начале XX в.	19
<i>Константин Савицкий</i>	
Католицизм как фактор сохранения польской этнокультурной идентичности (на примере Западной Беларуси и Западной Украины).....	26
<i>Мargarита Крылова</i>	
Восстановление Храма Христа Спасителя в общественно-политической дискуссии в период выборов мэра г. Москвы в 1990-е гг.	32
<i>Artur Marharian, Krystsina Bahrets</i>	
Spatial behavior of tourists in Aveiro: does the gender of tourist make a difference?	39
<i>Kajetan Suchecki</i>	
The role of digital media sources in the development of tourism on the Way of St. James	51
<i>Ксенія Тарасевіч</i>	
Рэкламная функцыя афармлення беларускамоўных мастацкіх кніг: асноўныя тэндэнцыі развіцця.....	58
<i>Александра Комлева</i>	
Проблемы становления гражданского общества как основы международного сотрудничества по противодействию коррупции.....	67
<i>Kanstantsin Piatrouski</i>	
The Anti-Tax Avoidance Directive as a method to ensure better protection in the taxation sector.....	72
<i>Ирина Понедельник</i>	
Концепция устойчивого развития в праве Всемирной торговой организации	79
<i>Дарина Парадник</i>	
Смертная казнь в Республике Беларусь: «отменить» или «оставить»?	84

<i>Федор Рубцов</i>	
Соотношение принципа неприменения силы в международных отношениях и права на самооборону по статье 51 Устава ООН	93
<i>Nino Gozalishvili</i>	
How does contemporary Polish asylum policy come in compliance with Polish nationalism and how is it legitimized?	99
<i>Alena Rusenchyk</i>	
Setting aside the international arbitral award. Main features and differences in the Republic of Belarus and the European Union	111
<i>Olga Ploshchadniaia</i>	
Parliament and Russian-speaking people in Estonia: peculiar features of legislative policies in 1990–1999	118
<i>Сергей Шошин</i>	
Общепризнанные принципы и нормы международного права: российский миф или реалии международного права	124
<i>Юлия Батура</i>	
Жаночыя маршруты і гіды беларускай Вільні як рэвізія традыцыяналісцкага бачання культурнай спадчыны	132
<i>Владимир Грисюк</i>	
Сексуальный контент в украинских медиа: гендерный и этический аспекты в социальном измерении.....	139
<i>Александра Федькина</i>	
Белорусские женщины и научная деятельность: гендерный аспект	146
<i>Marta Dziabiola</i>	
A step towards the “smart city”: the restoration of the old observatory in Minsk via Talaka.by platform	152
<i>Matas Šiupšinskas</i>	
Urban and rural: collective gardens in a Soviet city	162
<i>Алина Стрелковская</i>	
«Пиллюля нормальности»: практика приема антидепрессантов в дискурсе «пациента»	170
<i>Елизавета Ковтяк</i>	
Депрессия в публичном дискурсе: представления минчан о расстройствах настроения и способах борьбы с ними.....	182
<i>Елена Огорельшева</i>	
Общественные движения против рака груди как вызов традиционным подходам в медицине.....	189

CONTENTS

Foreword	11
<i>Karyna Kisel</i>	
The policy of memory in the Republic of Belarus with respect to the Soviet period (on the example of school textbooks and teaching aids on history)	13
<i>Nikita Khazov</i>	
Between handwritten and printed traditions: on the problem of preserving the national identity of Polish-Lithuanian Tatars in the late 19th – early 20th centuries	19
<i>Kanstantsin Savitski</i>	
Catholicism as a factor of conservation of Polish ethnocultural identity (on the example of Western Belarus and Western Ukraine)	26
<i>Margarita Krylova</i>	
Restoration of the Cathedral of Christ the Savior in sociopolitical discussion during the election of Moscow's mayor in the 1990s	32
<i>Artur Marharian, Krystsina Bahrets</i>	
Spatial behavior of tourists in Aveiro: does the gender of tourists make a difference?	39
<i>Kajetan Suhecki</i>	
The role of digital media sources in the development of tourism on the Way of St. James	51
<i>Kseniya Tarasevich</i>	
Advertising design feature of Belarusian art books: main trends	58
<i>Aleksandra Komleva</i>	
The problems of the formation of civil society as the basis for international cooperation in fighting against corruption	67
<i>Kanstantsin Piatrouski</i>	
The Anti-Tax Avoidance Directive as a method to ensure better protection in the taxation sector	72
<i>Iryna Ponedelnik</i>	
The Concept of Sustainable Development in the WTO Law	79
<i>Daryna Paradnik</i>	
Death penalty in the Republic of Belarus: “abolish” or “retain”?	84
<i>Fedor Rubtsov</i>	
Correlation of the principle of non-use of force in international relations and the right to self-defense under Article 51 of the UN Charter	93

<i>Nino Gozalishvili</i>	
How does contemporary Polish asylum policy come in compliance with Polish nationalism and how is it legitimized?	99
<i>Alena Rusenchyk</i>	
Setting aside the international arbitral award. Main features and differences in the Republic of Belarus and the European Union	111
<i>Olga Ploshchadniaia</i>	
Parliament and Russian-speaking people in Estonia: peculiar features of legislative policies in 1990–1999	118
<i>Sergey Shoshin</i>	
Universally recognized principles and norms of international law: Russian myth or realities of international law	124
<i>Yuliya Batura</i>	
Women's routes and guide-books of Belarusian Vilnius as a revision of traditionalist vision of cultural heritage.....	132
<i>Vladimir Grisyuk</i>	
Sexual Content in Ukrainian Media: Gender and Ethical Aspects.....	139
<i>Alexandra Fedkina</i>	
Belarusian women and scientific activity: gender aspect	146
<i>Marta Dziabiola</i>	
A step towards the “smart city”: the restoration of the old observatory in Minsk via Talaka.by platform	152
<i>Matas Šiupšinskas</i>	
Urban and rural: allotment houses in a Soviet city	162
<i>Alina Strelkovskaia</i>	
The normality pill: antidepressants treatment in the 'patient' discourse.....	170
<i>Elisabeth Kovtiak</i>	
Depression in public discourse: ideas of Minsk about mood disorders and ways to deal with them.....	182
<i>Alena Aharelysheva</i>	
Public movements against breast cancer as a challenge to traditional medicine.....	189

ПРЕДИСЛОВИЕ

Студенческая научная конференция ЕГУ в 2017 г. организовывалась и проводилась под знаком двух знаменательных дат: 500-летия издания Франциском Скориной первой белорусской печатной книги (и первой печатной книги на восточнославянском языке) и 25-летнего юбилея Европейского гуманитарного университета. Конечно, 500 лет и 25 лет – несоизмеримые отрезки времени. И тем не менее очевидна глубинная связь двух названных событий – прежде всего с точки зрения их роли в развитии белорусской культуры.

Печатное слово в целом в истории любого народа становилось основой его вхождения в мир образования и культуры и, соответственно, в глобальное социальное и культурное взаимодействие. С деятельностью Франциска Скорины мы закономерно связываем истоки белорусской культуры, белорусского слова, белорусского национального сознания.

В конце XX столетия начался новый этап в истории белорусской государственности, что вело к радикальной переориентации тенденций национального развития в контексте сложного взаимодействия локальных и глобальных процессов в современном мире. Распад прежнего миропонимания, сформированного коммунистической идеологией, потребовал освоения новых социальных и культурных языков и, соответственно, утверждения новых образовательных практик. Именно в этом видел и видит свое назначение Европейский гуманитарный университет.

Стоит напомнить в этой связи формулировку миссии университета: «Приоритетом ЕГУ является производство и распространение социально ответственного критического знания в сфере социальных и гуманитарных наук, обеспечение качества образования в единстве учебных программ с исследованиями, творческими и прикладными проектами. ЕГУ использует свой потенциал для формирования европейского интеллектуального пространства без границ, возвращения знания в Беларусь, установления инновационного социального партнерства, развития гражданского образования, расширения прав и возможностей человека посредством свободы слова, мысли и исследования». Этим задачам университет оставался верен в течение всей своей исторически краткой, но предельно насыщенной истории.

Буквально на наших глазах формируется качественно иное общество, формы деятельности в котором будут все более радикально отличаться

от привычных. Согласно многим прогнозам, сама система образования в ближайшие 2–3 десятилетия радикально изменит свой облик. Очевиден нарастающий отказ от узкопрофессиональной подготовки студентов, образование все больше переориентируется на развитие культуры мышления учащихся, что требует углубленного освоения социального и гуманитарного знания.

Предлагаемый вниманию читателя сборник студенческих работ вполне отвечает этим тенденциям как по тематике и содержанию, так и по способам их представления. В своих докладах студенты обращаются к актуальным и, зачастую, малоисследованным проблемам социальной жизни. Традиционно много внимания авторы посвящают актуальным проблемам современного права, что естественно, поскольку быстрые социальные изменения требуют и столь же быстрого обновления нормативного регулирования отношений между людьми в самых различных областях. Как и прежде, студенты активно обращаются к анализу различных практик освоения культурного наследия, что тоже обусловлено потребностями современного общества, когда быстрые и радикальные социальные изменения побуждают задумываться об истоках наших идентичностей, о том, что в них может быть устойчивым и постоянным. В этом плане вполне закономерно обращение авторов к гендерным и городским исследованиям. Хотелось бы также акцентировать внимание на появлении в данном сборнике серии значимых работ, посвященных медико-психологическим проблемам современного человека. Это весьма симптоматично. Думаю, что с движением общества к тому состоянию, которое все чаще называют «постчеловеческим миром», интерес к такого рода исследованиям будет кумулятивно нарастать.

Конечно, авторы представленных в сборнике материалов делают только первые шаги в качестве исследователей актуальных социальных проблем. Далеко не все из них изберут в качестве своей карьеры научно-исследовательскую работу. Однако в любом случае опыт исследовательской работы не будет для них бесполезным. И прежде всего потому, что мы живем в такое время, когда фактически решение любой персональной, профессиональной или социальной проблемы становится своеобразным исследованием. И этому нужно учиться. Участие в студенческих конференциях – один из способов такого обучения.

Григорий Миненков,
профессор

FOREWORD

The 2017 EHU scientific conference was organized to commemorate two glorious dates: 500th anniversary of the publication by Francysk Skaryna of the first Belarusian printed book (also the first printed book in an Eastern European language) and the 25th anniversary of the European Humanities University. Of course, 500 years and 25 years are incomparable time fragments. However, there is an obvious deep connection between the two events, primarily from the point of view of their role in the development of Belarusian culture.

In general, the printed word in the history of any nation became the basis for its entry in the world of education and culture and, consequently, in the global social and cultural interaction. It is no surprise that we connect the beginnings of Belarusian culture, the Belarusian Word and Belarusian national conscience with Francysk Skaryna.

A new stage in the history of Belarusian nationhood started at the end of the 20th century that led to the radical reorientation of the tendencies in the national development in the context of the complex interaction of local and global processes in the contemporary world. The collapse of the previous worldview that had been formed by communist ideology required the acquisition of new social and cultural languages and, consequently, the affirmation of new educational practices. This is exactly what has been and continues to be the goal of the European Humanities University.

In this connection let me remind of the formulation of the mission of the university: “EHU focuses on producing and spreading socially responsible critical knowledge in the sphere of social sciences and the Humanities, on ensuring the quality of education in the unity of scholarly curricula, research and creative and application-oriented projects. EHU uses its potential for the formation of border-free European intellectual space, for the return of knowledge to Belarus, for establishing innovative social partnership, for developing civil education and for widening a human’s rights and possibilities through freedom of the word, thought and research”. The university has remained faithful to these tasks throughout its historically short but extremely intensive history.

Literally, we see before our eyes the formation of a qualitatively different society; its forms of activity will be radically different from those we are accus-

tomed to. According to various predictions, the very system of education will be dramatically changed in the next 2–3 decades. There is an obvious refusal to train students in a restricted professional sphere; there is a growing re-orientation of education towards developing their culture of thinking, which requires a deep acquisition of social and humanitarian knowledge.

The present collection of students' papers is wholly compliant with these tendencies in both its subject matter, contents and ways of representation. In their papers the students address topical and oftentimes under-investigated problems of social life. Traditionally, the authors pay a great deal of attention to the acute problems of contemporary law, which is quite natural, because swift social changes require a renewal of the normative regulation of the relations between people in various areas that must be just as swift. As before, the students actively approach the analysis of various practices of cultural heritage acquisition, which is also determined by the requirements of contemporary society when swift and radical social changes make one think of the sources of our identity and of what can be sustainable and permanent in them. From this perspective, the authors' handling of gender and urban inquiry is quite natural. I would also like to draw attention to a series of the collection's meaningful papers dealing with the contemporary person's medical and psychological problems. It is quite symptomatic. I think that as the society moves to the stage, which is more and more often called the "posthuman world", interest in this kind of studies will cumulatively increase.

Of course, the authors of the papers collected in the book make only their first steps as researchers of topical social problems. Not all of them will choose research for making a career. But anyway, their research experience will not be useless for them. Mainly because we live at a time when the factual solution of any personal, professional or social problem becomes a kind of research. It is necessary to learn to do it. Participation in student conferences is one of the ways to learn it.

Prof. Ryhor Miniankou

Карина Кисель
(Беларусь/Литва)

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (на примере школьных учебников и учебно-методических пособий по истории)

This study is an analysis of the transformation of the delivery of key topics in study guides. The hypothesis is the following: history is still politicized and the degree of politicization increases with each new textbook; despite the fact that Belarus has been independent for more than 20 years, the narrative introduced through textbooks still largely relies on the Soviet past. The study includes a theoretical part with an introduction into the research environment of the policy of memory; the second part of the legacy is practical resulting from the analysis of the themes of the Second World War, Stalin's repressions, and socio-economic and socio-political development of the BSSR.

Знания об истории, как мировой, так и национальной, человек получает в школе, с 5-го по 11-й класс. Именно эти знания, как правило, задают основу будущего мировосприятия и формирования личных ценностей. Аналитик Татьяна Островская пишет: «Важным элементом в процессе национально-культурной идентификации является принятие, усвоение предлагаемых в рамках школьного образования смыслов» [6].

При отражении истории Беларуси в виде ленты времени и разделении ее на соответствующие основным этапам отрезки одним из наиболее неоднозначных является советский период – период явственного несовпадения того, что мы знаем сегодня об истории XX в., и тем, что написано в школьных учебниках. Из фильмов, научной и художественной литературы мы узнаем одно, а из школьных учебников – совсем другое. Под советским периодом понимается временной отрезок с 1920-х по 1990-е гг., когда Белорусская Советская Социалистическая Республика находилась в составе Советского Союза вплоть до его распада в 1991 г.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости изучения политики памяти относительно советского прошлого, реали-

зуемой через школьные учебники. В белорусском кейсе политику памяти можно отождествить с государственной идеологией. Таким образом, анализ подачи наиболее важных тем советской истории в школьных учебниках, а также сопоставление их подачи, изучение того, как менялись или не менялись подходы, какие именно темы отобраны в качестве ключевых, как они интерпретируются, какую трансформацию претерпевают, позволяют нам проследить эволюцию политики памяти.

Объектом исследования данной работы является политика памяти в отношении советского периода в независимой Беларуси. Предмет исследования – учебники и учебно-методические пособия белорусского издания в период с 1991 по 2016 г., а именно отраженные в них темы Второй мировой войны, сталинских репрессий, социально-экономического и общественно-политического развития БССР. Эти темы, за исключением темы сталинских репрессий, определены в качестве ключевых в учебных пособиях.

Рассматривая политику памяти с точки зрения ее освещения в школьных учебниках, можно выдвинуть гипотезу, что история по-прежнему политизирована и степень политизированности увеличивается с каждым новым изданием; несмотря на уже более чем 20-летнюю независимость Беларуси, нарратив, вводимый через учебники, до сих пор во многом опирается на советское прошлое.

Данное исследование является первым детальным анализом политики памяти, реализуемой через школьные учебники и учебно-методические пособия, в отношении советского периода в независимой Беларуси. Данные, полученные в результате исследования, позволяют говорить о политизации истории в нашей стране. Материал, представляемый в учебных пособиях, является рефлексией на нестабильный политический контекст государства, т.е. история «меняется также благодаря смене интересов и критериев, на основе которых производятся описания» [4]. В данном случае смена интересов и критериев полностью зависит от политики, реализуемой белорусскими властями.

Данная проблема изучалась белорусским аналитиком Т. Островской в рамках исследования «Генеалогия исторической памяти белорусов в контексте образовательных практик», в котором проанализированы интерпретации исторических событий – от объяснения происхождения белорусов, Кривской унии и Грюнвальдской битвы до участия Беларуси во Второй мировой войне и распада СССР. Учебные издания, взятые Т. Островской для анализа, выпущены в промежутке 1993–2009 гг. Эта тема затрагивалась Инной Соркиной в работе «Адлюстраванне дасяг-

нення незалежнасці Беларусі ў падручніках па айчынной гісторыі» [8], в которой анализировался материал о ключевых событиях в становлении белорусской государственности (образование БНР, Беларусь в составе СССР), преподносимый в учебных пособиях 1992–2010 гг.

Также автором данного исследования была изучена литература по политике памяти. Прежде всего это работа Алексея Миллера «Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти», в которой был рассмотрен процесс конструирования национальных нарративов в странах бывшего коммунистического лагеря. Интерес представляет и исследование Александры Гуджон (Alexandra Goujon) «Memorial Narratives of WWII Partisans and Genocide in Belarus», изучившей национальный нарратив о подвиге белорусских партизан и о зверском истреблении евреев Беларуси. Мемориализацию автор рассмотрела на примере учебного процесса, музеев и мест памяти. Исследование Григория Миненкова «Политика идентичности для постсоветского пространства: введение в проблематику» направлено на истоки и суть политики идентичности и ее приложений в Беларуси и в постсоветском пространстве.

Однако специального исследования, которое было бы посвящено изучению подачи советского периода истории в школьных учебниках и учебно-методических пособиях, еще не проводилось. Для данной работы были взяты изданные в период 1991–2016 гг. учебники и учебные пособия – 14 учебников и 30 учебно-методических пособий. Это позволило не только выявить ключевые общие темы, заметить нововведения, но и проследить трансформацию трактовок относительно ключевых событий.

Для формирования любой нации на этапе национального строительства важно использование исторического прошлого. Однако в белорусском кейсе это использование сильно политизировано. «Любая система образования является политическим способом поддержания или изменения форм присвоения дискурсов – со всеми знаниями и силами, которые они за собой влекут», – писал Мишель Фуко [7]. В данном исследовании речь идет об исторических дискурсах, вводимых в общество через школьные учебники и учебные пособия, одобренные министерством, т.е. одобренные с политической и идеологической точки зрения. По мнению исследовательницы из Германии Алейды Ассман, «слово “идеология” подразумевает, что образы одновременно служат эффективным средством внушения опасного и ложного мировоззрения или системы ценностей; то и другое подлежит обязательной критике и развенчанию» [2].

Личные воспоминания конкретного человека составляют индивидуальную память. Но это лишь одна составляющая памяти любого человека. Представления, знания, воспоминания о прошлом, которыми обладают члены одной социальной структуры, в нашем случае жители Беларуси, составляют коллективную память. Очень важно то, что коллективная память всегда актуальна, т.е. является своеобразной рефлексией на современную ситуацию в социальной структуре, отвечает на запросы и нужды настоящего. Также коллективная память подвергается деформациям при смене поколений. А. Миллер пишет, что «политическим изменениям сопутствуют не меньшие по масштабу изменения в коллективной памяти» [3].

По утверждениям социолога Даниила Аникина, политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик [1]. Таким образом, политика памяти – это использование прошлого в качестве ресурса.

Политика памяти воздействует на процесс определения идентичности социальной структуры, т.е. на политику идентичности. «С самого начала политика идентичности была направлена на такую организацию политического действия, которая позволяла бы выявлять и легитимизировать прежде подавленные голоса различных социальных групп» [5].

Следовательно, политика идентичности и политика памяти – деятельность, осуществляемая государственной властью с определенными целями. Цель реализации политики идентичности заключается в формировании государственно оформленного общества как определенной социальной структуры; цель реализации политики памяти – формирование и контроль главного государственного нарратива о прошлом.

В результате проведенного исследования можно сформулировать следующие основные выводы.

Исследование определило понятие политики памяти как контролируемой деятельности по репрезентации прошлого. Контроль этой деятельности осуществляется государственной властью. Были проанализированы основные подходы к изучению реализации политики памяти в современном обществе. Из существующих подходов – изучение исторических событий, мест памяти, проведение транснациональных и локальных исследований и анализ деформации коллективной памяти

под насаждающимся со стороны государства нарративом – для данного исследования был выбран подход по изучению образовательной стратегии в белорусском государстве. Таким образом, в данной работе была исследована политика памяти, реализуемая через учебные материалы по отечественной истории.

С целью анализа в данном исследовании выделены следующие темы: начало Второй мировой и Великой Отечественной войн на территории Беларуси, фашистский оккупационный режим, партизанское движение, освободительные операции и провозглашение мира, сталинизм, репрессии, коллективизация, послевоенное развитие, период «оттепели», восстановление народного хозяйства, перестройка и распад СССР. Проведенный анализ позволил прийти к выводу, что существенным трансформациям подверглись темы фашистского оккупационного режима на территории Беларуси, отображение образа Сталина, репрессии, перестройка, причины распада СССР и влияние распада на белорусское государство. Изменения полностью отсутствуют в темах начала войны на территории Беларуси, партизанского движения, освободительных операций, коллективизации, хрущевской «оттепели» и восстановления народного хозяйства.

Большинство трансформаций были отмечены в учебниках и пособиях, изданных после 2002 г.

В ходе проведения исследования была подтверждена гипотеза о высокой степени политизированности учебников по истории Беларуси, а также о том, что нарратив, который предлагается школьникам, во многом опирается на советское прошлое. Это выражается через сохранение структурного деления учебного материала и совпадение ключевых тем.

Также необходимо отметить, что в изданиях после 2004 г. имеет место сильная идеологизация исторического нарратива. Идеология белорусского государства так или иначе оперирует историей, т.е. история используется в интересах политического режима.

При проведении общего анализа также были замечены трансформации визуального оформления учебных материалов: символы «Погони» и бело-красно-белого флага исчезают с обложек начиная с 1997 г. Количество картин, репродукций, фотографий значительно возрастает в учебниках и пособиях, изданных после 2003 г. Также обязательным для учебников и пособий 2003–2016 гг. является наличие перечня подвигов героев войны.

Совершенно очевидно, что постоянно воспроизводится советское структурирование: Великая Отечественная война, общественно-поли-

тическое и социально-экономическое положение. В подаче материала полностью отсутствуют новые подходы. Нет дискурса об истории повседневности, истории антропологии, новой культурной истории.

Опущен целый ряд фактов, являющихся важными для белорусской истории и имеющих большой образовательный потенциал: в учебниках и пособиях отсутствуют упоминания о Союзе освобождения Беларуси, нет информации о местах памяти, таких как Куропаты и Тростенец.

Литература

1. Аникин, Д. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. 2012. № 2. С. 34–38.
2. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 18.
3. Миллер, А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика. 2016. № 1. С. 111–121.
4. Миллс, Ч.Р. Социологическое воображение. М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001. С. 167.
5. Миненков, Г. Политика идентичности для постсоветского пространства: введение в проблематику // Перекрёстки. 2009. № 1-2. С. 5–20.
6. Островская, Т. Генеалогия исторической памяти белорусов в контексте образовательных практик // Исследование. 2010. № 1.
7. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 70.
8. Соркіна, І. Адлюстраванне дасягнення незалежнасці Беларусі ў падручніках па айчынай гісторыі // Першы міжнародны кангрэс даследчыкаў Беларусі: працоўныя матэрыялы / пад рэд. А. Казакевіча. Каўнас: Выдавецтва Універсітэта Вітаўта Вялікага, 2012. С. 227–232.

Никита Хазов
(Российская Федерация)

МЕЖДУ РУКОПИСНОЙ И ПЕЧАТНОЙ ТРАДИЦИЯМИ: К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИХ ТАТАР В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

The Polish-Lithuanian Tatar culture is the most interesting phenomenon of Eastern Europe. At the end of the 14th century Tatars appeared on the Lithuanian, Belarusian and Polish areas, but by the 16th century they forgot their mother tongue. A unique phenomenon arose: kitab – the anthology of Belarusian texts, which was written in a modified Arabic alphabet. This authentic tradition, as a religion, became one of the conservation factors of Lithuanian Tatars' identity. However, in the book printing development epoch Lithuanian Tatars, in contrast with others Tatars, did not create their own culture of printing. In this article the author tries to find cultural and religious reasons, which fended off the evolutionary conversion from the handwriting tradition to the printing.

Одним из самых интересных феноменов, родившихся в извечном кросскультурном взаимодействии народов Европы, по праву может считаться самобытная культура польско-литовских татар. Появившись на территории современных Литвы, Беларуси и Польши в конце XIV в., тюркское население уже к XVI в. отходит от употребления родного языка, переняв вначале старобелорусский, а затем и польский. Языковая, культурная и даже частично религиозная ассимиляция однако же не привела к исчезновению самостоятельной этнокультурной группы польско-литовских татар. Этому способствовало сохранение ими своей религии – ислама и непосредственно связанного с ним арабографического письма. По мнению литовской исследовательницы Г.А. Мишкинене, именно использование иной системы письменности «способствовало сохранению культурных и религиозных особенностей литовских татар, не позволило им полностью ассимилироваться» [10, с. 48].

Сочетание употребления славянских языков с арабским письмом привело к появлению еще одного необычного явления культуры польско-литовских татар – китабов, книг, содержащих белорусскоязычные

тексты, записанные модифицированным арабским алфавитом. Изучению китабов в разное время были посвящены работы таких исследователей, как А.К. Антонович, В.И. Нестерович, Я. Станкевич, Ч. Лапич, З.И. Канапацкая, Г.А. Мишкинене и др. Китабы хорошо исследованы с кодикологической, палеографической и лингвистической точек зрения, однако в то же время многие известные экземпляры до сегодняшнего дня не были подвергнуты глубокому текстологическому анализу. По сути, мы можем говорить только об отдельных работах межвоенного периода Я. Шинкевича (J. Szyrkiewicz), а также современных исследователей Г. Янковского (H. Jankowski) и Ч. Лапича (Cz. Łapicz), Г.А. Мишкинене.

Несмотря на разработанность предмета нашего исследования, в современной науке остался практически незатронутым весьма важный, на наш взгляд, вопрос о том, почему в среде польско-литовских татар так и не сложилось печатной традиции. Эта проблема является еще более примечательной потому, что само изготовление китабов сохранялось вплоть до первой половины XX в., а их использование фиксировалось исследователями даже в начале XXI в. [8, с. 280]. То есть традиция польско-литовских татар, заставшая появление мусульманской типографии в Казани в 1800 г. и бум татарской периодической печати в межреволюционный период, по неизвестным причинам оказалась невосприимчива к происходящим вокруг технологическим преобразованиям. В нашем исследовании мы постараемся понять не столько социальные, экономические или политические, сколько культурные и религиозные причины, которые не допустили эволюционного перехода от рукописной традиции к печатной.

Появление уникальной славяноязычной арабографической традиции принято связывать с особенностями формирования самой этнокультурной группы польско-литовских татар, которое происходило в два этапа. Первые значительные миграционные процессы пришлось на конец XIV в., когда в 1397 г. хан Тохтамыш, потерпев поражение в борьбе за золотоордынский престол, был вынужден бежать в Литву. Именно «с конца XIV – начала XV в. в ВКЛ постепенно формируется этническая группа населения, получившая в дальнейшем название “литовских татар”» [4, с. 7]. Второй этап проникновения тюрок принято относить к XVI–XVII вв., когда на территории ВКЛ произошло расселение татар – выходцев с Крымского полуострова.

Обращение к проблеме этногенеза польско-литовских татар стало особенно актуальным в конце XIX – начале XX в. Наметившееся возрождение национальной мысли тюркских народов Российской империи

в этот период столкнулось с необходимостью ограничить уникальную культуру польско-литовских татар идеологическими рамками. В этой связи особый интерес представляют исследования татарской периодической печати начала XX в., в которой вопрос происхождения польско-литовских татар ставился не единожды. Так, в журнале «Шура»¹ только в период за один год (1908–1909) мы находим значительное количество статей по данному вопросу, из которых особый интерес представляют две публикации: очерк «Туктамыш хан» (№ 7, 1908), где акцентируется внимание на том, что предки польско-литовских татар были беженцами из Золотой Орды [14], и путевые заметки Юсуфа Акчуры (№ 8, 1909), в которых обосновывается происхождение литовских татар от воинов крымского хана Хаджи Гирея [1]. Несмотря на то что обе точки зрения отчасти правомерны, заметно, что авторы актуализируют только какую-то одну часть истории литовских татар. И это не удивительно. Так, автора очерка «Туктамыш хан» принято отождествлять с редактором журнала «Шура» Р. Фахреддином [13, р. 76], предки которого сами были вынуждены в свое время бежать из деревни Шырдан, боясь насильственной христианизации.

Автор же путевых заметок Юсуф Акчура – видный деятель пантюристского движения, один из ключевых идеологов турецкого национализма начала XX в., автор работы «Три вида политики», также не случайно старался акцентировать внимание именно на крымских (а через них и осmano-турецких) культурных корнях татар ВКЛ.

В противовес этим политически ориентированным работам выступают исследования самих представителей польско-литовского этноса, например сравнительно недавно ставшая известной работа «Литовско-польские татары» Г.И. Юзефовича. В данном очерке не только упоминаются две версии происхождения тюркского меньшинства в ВКЛ, но и отмечаются обратные процессы эмиграции (а значит, и влияния) татар из Речи Посполитой (при Сигизмунде III) в Крым и Турцию (подробнее см. в [2]).

Таким образом, мы можем увидеть, что в XIX – начале XX в. польско-литовские татары начинают испытывать давление не только славянского большинства, но и иных татарских групп внутри Российской империи. Тот же Р. Фахреддин, разбирая этимологию слова «липка», возводит его не иначе как к слову «олакмак» («улакмак»), что значит «потерялся, исчез, канул» [13, р. 78]. Уникальной культуре польско-литовских татар

¹ Издавался в 1908–1917 гг. в Оренбурге.

тем самым отказывалось в самобытности, а сами они воспринимаются только лишь как «потерянный» или «исчезнувший» народ. То же самое можно сказать и в отношении официальной власти, не воспринимавшей польско-литовских татар в качестве отдельного этноса, что отразилось, например, в наделении их равными с русскими земельными правами в Западном крае.

В такой непростой ситуации, когда важно сохранить собственную культурную и этническую самостоятельность, польско-литовские татары так и не обращаются к одному из самых распространенных способов развития национальной культуры, а именно к формированию собственной печати. Значительная прослойка татарской интеллигенции, среди которой были видные военные деятели, представители культуры, науки и медицины, такие как А.О. Тальковский, М.А. Сулькевич, Я.Д. Юзефович, С.С. Кричинский, С.М. Янович-Чаинский, даже не ставят вопрос о введении книгопечатания на белорусском/польском языке *арабским алфавитом*.

Стараясь понять, с чем мог быть связан подобный отказ, мы обратились к анализу существовавшей книжной культуры польско-литовских татар, ключевое место в которой занимал феномен китаба. Исследовав информацию об известных китабах, мы обнаружили, что практически все тексты, входящие в данные рукописные сборники, носят явно выраженный религиозно-сакральный характер. Очень красочно отношение к китабам описывает И.Ч. Кевра: «Главная функция китабов в отличие от других религиозных книг (тефсиры, хамаилы, теджвиды, суфры) – познавательная; они являлись энциклопедиями религиозных знаний и давних традиций. В дни мусульманских праздников татары собирались вместе послушать старые предания из китабов» [6, с. 6]. В то же время мы должны отметить, что в состав китабов могут входить не только непосредственно религиозные тексты, но и сочинения, казалось бы, не имеющие отношения к религии, например восточные авантюрные повести [9, р. 104]. Однако литовская исследовательница Г.А. Мишкинене находит этому факту логическое объяснение: «Впечатление того, что сюжеты, сменяя друг друга в хаотичном порядке, не имеют между собой ничего общего, появляется после первичного, поверхностного знакомства с текстом рукописей. При глубинном анализе очерчивается единая система» [11, с. 120]. Попытка дать верующему цельную совокупность представлений об исламе в сокращенном виде приводила к формированию энциклопедического характера китабов, что разительно отличало их от остальной духовной литературы (тефсиров, хамаилей и др.). В

то же время это нисколько не мешало самим читателям, как в случае с китабом М. Шагидевича из Слонима (1852 г.), воспринимать подобные энциклопедии религиозной жизни как «истинное слово Всевышнего» («...prawdziwem słowem najwyższego Boga») (цит. по: [15, s. 377]).

Таким образом, религиозный характер китабов, да и в целом татарских книг, написанных арабским алфавитом, очевиден. Именно этот факт, на наш взгляд, мог сыграть ключевую роль в невозможности формирования печатной культуры у польско-литовских татар. Трепетное отношение к религиозным текстам, выделение особой значимости работы переписчика долгое время являлись отличительной особенностью мусульманской книжной культуры. Так длительное сопротивление созданию мусульманских типографий в Османской империи подкреплялось именно религиозными основаниями. Только в 1727 г. была обнародована фетва османского шейх-уль-ислама Абдуллы-эфенди, дававшая духовную санкцию на открытие типографий, вслед за которой был издан султанский фирман, разрешавший «ввести книгопечатание, печатать и продавать книги по философии, медицине, астрономии, географии и истории, *кроме книг, касающихся религии, книг, содержащих в себе божье слово* (курсив мой. – Н.Х.)» [12, с. 398–399]. Таким образом, мы можем видеть, что отказ от типографского печатания религиозных книг для защиты духовного наследия от профанации не был чем-то необычным в мусульманском мире. Однако чисто религиозный запрет, на наш взгляд, оказал более глубокое, можно сказать, тектоническое влияние на судьбу польско-литовских татар как этноса.

Китаб сохранял самые важные знания, которые были нужны польско-литовским татарам в условиях соседства со славянским большинством, знания об их главной особенности – религии. Как и любая религия, ислам для польско-литовских татар кроме собственно духовной выполнял и ряд важных социальных функций, в том числе и интегрирующую, что было особенно важно в условиях постоянного взаимодействия с другими религиозными и этническими группами. Первоочередность ислама перед этнической и родовой общностью становится совершенно очевидной, стоит только узнать, что сами татары с эпохи ВКЛ называли себя не иначе как «мусульмане» [5, с. 298]. Поэтому и не удивительно, что в начале XX в. татары могли оперировать подобными дефинициями: «Мы не татары, но шляхта мусульмане» [3, с. 17].

Исходя из этого мы должны понимать, что зачастую рукописное наследие рассматривалось не через призму светских представлений, а как тексты, несущие важные религиозные и вместе с тем социальные функ-

ции. При этом интегрирующая функция китабов проявлялась даже в процессе их публичного чтения, когда «татары собирались вместе послушать старые предания». Подобные способы передачи информации являются отличительной особенностью аудиальной культуры, в которой отсутствует жесткая граница между чтением и декламацией [7, с. 127]. Да и сам способ воспроизведения рукописных текстов сродни устной речи, поскольку допускает определенную вариативность, плюралистическую организацию, при которой каждый следующий переписчик иногда совершенно невольно добавляет от себя что-то новое: описки, ошибки или собственные трактовки.

Таким образом, китаб как явление одновременно и особой религиозной культуры, и уходящего аудиального мира являлся уникальным артефактом, который отличал культуру польско-литовских татар не только от христианской культуры славянских народов, но и от печатной культуры остальных татар Российской империи. Восприятие польско-литовскими татарами своей национальной идентичности через призму религиозных идей накладывало на китабы еще и важную миссию национального ориентира. Из защиты сакральных текстов от профанации логично выросло осознание необходимости сохранения собственной культурной идентичности. Польско-литовские татары так и не сформировали своей самостоятельной печатной традиции. Только в 30-е гг. XX в. в Польше начинают выпускать бюллетень «Рочник татарски» и журнал «Жиче татарске», которые, однако, публикуются на польском языке уже *латиницей*, в чем мы можем усмотреть влияние идеологических тенденций польского национального государства. Уникальному синтезу арабского алфавита и славянского языка в эпоху жесткой актуализации национальных идей места уже, к сожалению, не нашлось.

Литература

1. Акчура, Й. Сяэхэт хатирэлэре // Шура. 1909. № 8. С. 241–243.
2. Байрашаускайте, Т. Пробуждение идентичности: Георгий Иосифович Юзефович и его очерк о литовско-польских татарах (конец XIX в.) // Гасырлар авазы – эхо веков. 2015. № 3/4. С. 136–156.
3. Добрянский, Ф. О литовских татарах. Вильна: тип. «Рус. почин», 1906.
4. Думин, С.В. Татарские князья в Великом княжестве Литовском // Acta Baltico-Slavica. XX. Wrocław, 1991. С. 7–49.
5. Канапацкая, З. Духовная культура татар Беларуси. Проблема сохранения и развития исторического наследия (XIV–XX вв.) // Ислам в России и за ее пределами: история и культура общества: сборник материалов межрегиональной науч-

- ной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. Спб.: Магас, 2011 С. 298–304.
6. Кевра, И.Ч. *Китаб Ибрагима Хосеневича 1861 года из собрания Национальной библиотеки Республики Беларусь как исторический источник: диплом. работа.* Минск: БГУ, 2015.
 7. Маклюэн, М. *Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры.* К.: Ника-Центр, 2003. С. 432.
 8. Мишкинене, Г.А. Об археографических исследованиях в области татаристики // *Acta Orientalia Vilnensia.* 2003. № 4. С. 273–283.
 9. Мишкинене, Г.А. О текстологии рукописных китабов литовских татар: легенда Мирадж // *Slavistica Vilnensis (Kalbotyra).* 2013. № 58 (2). С. 99–117.
 10. Мишкинене, Г.А. *Очерк истории и культуры литовских татар // Диаспоры.* 2005. № 2. С. 40–61.
 11. Мишкинене, Г., Намавичюте, С., Покровская, Е. *Каталог арабскоалфавитных рукописей.* Вильнюс: Издательство Вильнюсского ун-та, 2005. С. 138.
 12. Оссон, И.М. *Полная картина Оттоманской империи: в двух частях: первая замыкает в себе законоположение магометанства; другая историю Оттоманския империи.* СПб.: При Имп. Акад. наук, 1795. С. 429.
 13. Сибгатуллина, А. *Татарская периодическая печать начала XX века о литовских мусульманах // Tiurkų istorija ir kultūra Lietuvoje.* Vilnius, 2014. P. 73–80.
 14. *Туктамыш хан // Шура.* 1908. № 7. С. 193–196.
 15. Woronowicz, A. *Kitab Tatarów litewskich i jego zawartość // Rocznik Tatarski.* Zamość. 1935. T. 2. S. 376–394.

Константин Савицкий
(Беларусь)

КАТОЛИЦИЗМ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на примере Западной Беларуси и Западной Украины)

The article deals with the Polish ethnocultural identity of the population of Western Belarus and Western Ukraine, and the role of Catholicism in preserving this identity. On the basis of eleven non-standardized interviews, collected within the framework of the project «Polacy na Wschodzie» and of the use of the methodology and methods of qualitative research, four potential roles of religion during the period from 1939 to 1991 were identified in the study region.

В ходе польского похода Красной Армии (17–29 сентября 1939 г.) были заняты значительные территории, население которых с 1918 г. проживало в рамках независимого государства – Второй Речи Посполитой. Присоединение территорий Западной Украины и Западной Беларуси стало следствием пакта Молотова – Риббентропа (23 августа 1939 г.). На внеочередной V сессии Верховного Совета СССР были приняты следующие законодательные акты: Закон СССР «О включении Западной Украины в состав Союза ССР с воссоединением ее с Украинской ССР» (1 ноября 1939 г.), а также Закон СССР «О включении Западной Белоруссии в состав Союза ССР с воссоединением ее с Белорусской ССР» (2 ноября 1939 г.), которые и определили статус присоединенных к СССР территорий.

Развитие человека в рамках определенного государства всегда выражает определенный социокультурный отпечаток. Польский социолог А. Садовский описывает критерии принадлежности к польской общности так: «Автоидентификация польской национальной принадлежности опирается преимущественно на католическую религию, на культуру локальных сообществ, а также на дифференцированное чувство связи с Польшей как идеологической родиной» [9]. Данные характеристики А. Садовским были выделены относительно поляков, проживающих на белорусских землях, но, на наш взгляд, их можно транспонировать на

поляков украинско-польского пограничья, земель, входивших в состав Второй Речи Посполитой.

Категория «этнокультурная идентификация» в данном исследовании понимается как психологический процесс отождествления индивидом себя с этнической общностью, позволяющий ему усвоить необходимые стереотипы поведения, нормы образа жизни и культурные ценности. Идентификация индивида с этносом происходит на основе принципа самоопределения этнической принадлежности. Таким образом, этнокультурная самоидентификация – это сознательный акт этнического и культурного самоопределения человека, отнесения им самого себя к определенной этнической общности.

Цель данного исследования – выявить роль католицизма в сохранении польской этнокультурной идентичности населения Западной Беларуси и Западной Украины с 1939 по 1991 г.

В ходе данной работы были использованы методология и методика качественного исследования, позволяющие на основе нестандартизированных интервью получить и проанализировать эмпирические данные, отвечающие целям и задачам исследования.

Генеральной совокупностью в данном исследовании является архив устной истории «Polacy na Wschodzie». Архив содержит в себе нестандартизированные интервью с жителями земель Беларуси, Украины, Литвы, Латвии, входивших в межвоенный период в состав Польской Республики, а также с депортированными в результате сталинских репрессий жителями данных территорий в Россию и Казахстан. Выборочная совокупность исследования была сформирована по принципу теоретической выборки согласно предмету исследования и составила одиннадцать интервью, отнесенных на данном электронном ресурсе к тематическому блоку «Костел и религиозная жизнь до 1990 года», причем восемь респондентов являлись жителями Украины, а три – жителями Беларуси.

В ходе анализа интервью, составивших выборочную совокупность, было выявлено пять различных ролей религии, в частности католицизма, на белорусских и украинских землях.

В рамках исследования первоочередным был поиск категории, соответствующей тезису А. Садовского, который гласит, что католическая религия является основным компонентом при аутоидентификации польской национальной идентичности.

Удалось выделить схожую категорию: *религия как компонент польской национальной идентичности*. Довольно иллюстративными являются здесь воспоминания респондентки, семья которой в 1930-е гг. была

депортирована с Западной Украины в Казахстан. Она считает, что именно религия и, в частности, молитвы на польском языке поспособствовали сохранению польского языка и польской национальной идентичности во время ее пребывания в вынужденной депортации в Казахстане:

«[Kazachstan, Woronicz, obwód akmoliński, 1936] My tam mówiliśmy do siebie po polsku, bo się modliliśmy polską mową. Gdyby nie polska mowa, język, modlitwa, to nie mielibyśmy rozmowy polskiej, to nas trzymało, modlitwa. Książeczki były, po ojcu została jednak książeczka, jeszcze mama jedną dostała. Modliliśmy się, śpiewaliśmy litanie, godzinki, pasje w post, krzyżową drogę. Kolędy my lubiliśmy śpiewać. Mało nas było, ale zbieraliśmy się do chaty, to do jednej, to do drugiej. Troszkę pomodlimy się, pośpiewamy» [12].

Респондентка из Постава упоминает, что советские власти «отобрали» православную церковь и сделали в ней склад, а костел остался у прихожан, как подчеркивает она, «поляки держали», т.е. не отдавали:

«Chodzili pod kościół modlić się, jak zamknęli. Płacili, jak trzymali, ale nie dali komunistam kościół nasz. Przyjeżdżał potem modlić się taki stary ksiądz, a potem, jak już można było, przysłano księdza polaka. I trzymali, i płacili, nie dawali, zbierali się wszyscy parafianie pod kościół, nie dali! A cerkiew była prawosławna, tam jakiś skład zrobili, w cerkwie. A polacy tam trzymali!» [8].

В ходе исследования также удалось выявить следующую категорию: *религия как признак принадлежности к локальной общности*. Респондент из Гродно утверждает, что костелы закрывали чаще всего после смерти ксендза. Костел можно было отстоять лишь при активной гражданской позиции прихожан парафии:

«Potem więc przez jakiś czas księży pouminali. I u nas w Gieranonach, ten ksiądz Michał Żeludźwicz, i w Lipniskach - Stefan Seczko. Również w 1960-ych latach już pouminali.

I co? Kościoły pozamykali. Gdzie może parafianie więcej nalegali, więcej przeciwstawiali temu, znaczy tam księdza nie było, kościół był otwarty i parafianie chodzili modlić się. A gdzie parafianie, no tak, mniej ważyły, to kościół został odebrany na różne tam rządwe sklady...przeznaczone dla rządu» [6].

Респондентка из Ивана-Франковска отмечает, что религиозные праздники праздновали все вместе, несмотря на госслужбу и административные должности, исключающие возможность религиозности индивида:

«Nie można było mówić, że pani coś wierzy w jakiegoś Boga. Każdy u siebie w domu pomodlił się, a święta nie można było czy polskie, czy ukraińskie – to nic. Ale chodziliśmy, zapraszała wszystkich. I też i kegebiści chodzili do mnie na święta. Bronik, dyrektor [szkoły] mówi:

- Kutiu zwaryła?
- Zwaryła.
- Przynieś» [5].

Также к данной категории можно отнести прецеденты в селе Стара Красношора (Буковина) и в селе Торчин (Волянь). Респонденты свидетельствуют о том, что молитва осуществлялась всеми жителями села: в первом случае – поляками и немцами, а во втором – поляками, немцами и украинцами, что может свидетельствовать об отсутствии дифференциации по национальному признаку, а также принадлежности к локальной, сельской общности:

«[Stara Krasnoszora, lata 30., 40. i współcześnie] Niemców było więcej, Polaków mało. Do Polski, jak teraz odjechali, to nie jechało pięć rodzin: Drozdki, Lechockie, Zielińskie, Zielonki i Derczyki. Do kościoła chodzili. I Niemcy chodzili, i Polaki. Modlili się. Pół mszy było po polsku, pół po niemiecku. Potem, jak śpiewali na wejście do kościoła, to my zaśpiewali jedną zwrotkę, i Niemcy po niemiecku śpiewali. A bywało, że jak śpiewali, to my po niemiecku z nimi, a oni po polsku z nami się godzili. Księża byli dwaj, jeden po niemiecku mówił, a jeden po polsku» [4];

«[Torczyn, lata 40.] Mnie ochrzcili, jak Niemcy weszli. Do Wołodarska mnie zaprowadzili, i pamiętam, jak mnie tam ochrzcili. Miałam już 9 czy 10 latek. A we wsi to tak było: dzieci zbierały się, i to tak od chaty do chaty. Jedna niedziela - do tych poszli, różaniec, modlimy się, godzinki czy gorzkie żale - do drugiej chaty. Do nas często przychodzili, ale najczęściej to młodzież przychodziła, bo był duży pokój u dziadków. Ale zawsze na różaniec, na godzinki, na gorzkie żale - cała wioska zbierała się, modlili się. W wiosce mieszkali też Ukraińcy i Niemcy, to jeszcze Ukraińcy rozmawiali po polsku, i Niemcy rozmawiali po polsku. My na ten czas po niemiecku dobrze rozmawiali, teraz ja już nic nie umiem w tym wieku, ale wtedy to rozumieli, wszystko rozmawiali» [1].

Религиозная жизнь в приграничных районах Украины воспринималась как *инструмент удовлетворения мистических потребностей*. В контексте данной категории для индивида важен сам факт молитвы либо религиозного обряда, несмотря на конфессиональные различия. Так, в 1940-е гг. в селе под Луцком детей, чьи родители были католиками, крестил православный священник: «Tu wszyscy ochrzczeni nie w kościele, a w cerkwie i to nie w cerkwie, a w domu. Tam sąsiad był ojciec, to przyszedł cichutko pochrzcił dzieci» [11].

Значимым также является *восприятие религии как института этнокультурной социализации*. В большинстве интервью были упомя-

нуды следующие прецеденты: обучение детей по религиозным книгам, в частности польскому языку. Подобное описывает респондент из Каменца-Подольского: «W czasie, kiedy nie było szkoły, to znaczy latem. Trzy razy w tygodniu czytali pismo święte i za pomocą tej wielkiej książki uczyli się» [10]. В целом придавалось большее значение религии, чем учебным заведениям. Об этом свидетельствуют высказывания респондентки из Ивана-Франковска о том, что день начинался с молитвы в храме, а затем дети шли в школу и пели гимн СССР: «Z początku chodziliśmy do kościoła. Najpierw do kościoła, pomodlić się przed lekcjami, a potem przychodzimy do szkoły i mamy śpiewać hymn Związku Radzieckiego» [3]. В белорусском Краславе дети вместо школы пошли в костел на Рождество, за что и были подвергнуты гонениям со стороны школьной администрации:

«[Borek, lata 50.] Było Boże Narodzenie i tatuś nam powiedział: „Nie idźcie do szkoły, święto jest”. Przyszliśmy do szkoły na jutro, a nauczycielka pyta: „Czego nie byli w szkole?”. A my jej powiedzieli, że święto było. Nas zostawili po lekcji, a krótki dzień był przed Bożym Narodzeniem i 5 kilometrów trzeba było chodzić do szkoły. Potem tato przychodził do szkoły do nich» [7].

Следующая категория – *религия как один из компонентов локальных традиций*. Респондент, описывающий послевоенный быт в селе Яблонне, что на Житомирщине, отмечает, что у местной молодежи религии, воспринимаемой как часть локальных традиций, придавалось большее значение, чем развлечениям:

«[Jabłonne, powiat Nowogród Wołyński, Ukrainśka SRR, lata 30. -50.] Kościół jabłonecki zamknęli jakoś w 1936 roku, majątek zniszczyli, a w 1941 roku, jak przyszli Niemcy, otworzyli go z powrotem. Potem gdzieś do 1951 roku był otwarty i znów zamknęli, kopułę zdjęli, zrobili tam klub młodzieżowy. A jednak była u nas silna tradycja polska: mimo że władza sowiecka i że represje były, młodzież do klubu nie chodziła tańczyć. Postać tak klub z rok i zrobili sklep, a nie klub» [2].

Данный вывод респондент делает из следующего прецедента: после Второй мировой войны в костеле был устроен клуб, но из-за сильных традиций, связанных с религией, молодежь его не посещала.

Подводя итоги, можно отметить, что тезис А. Садовского был подтвержден: действительно, католичество являлось одним из основных признаков осознания принадлежности к польской национальной идентичности. Также в ходе исследования были выявлены четыре категории, которые могут быть рассмотрены как значимые характеристики роли католичества в повседневной жизни жителей украинских и белорусских земель в период с 1939 по 1991 г.:

- 1) религия как признак принадлежности к локальной общности;
- 2) религия как механизм удовлетворения мистических потребностей;
- 3) религия как институт этнокультурной социализации;
- 4) религия как один из компонентов локальных традиций.

Литература

1. Bals, W. Polacy na Wschodzie. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polacynawschodzie.pl/index.php?page=osoby&id=2204&id_nag=200&action=txt&lang=pl Дата доступа: 01.02.2017.
2. Baszyński, N. Polacy na Wschodzie. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polacynawschodzie.pl/index.php?page=osoby&id=2205&id_nag=154&action=txt&lang=pl Дата доступа: 01.02.2017.
3. Bilczuk, M. Polacy na Wschodzie. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polacynawschodzie.pl/index.php?page=osoby&id=1819&id_nag=94&action=txt&lang=pl Дата доступа: 01.02.2017.
4. Drodzek-Korablowa, E. Polacy na Wschodzie. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polacynawschodzie.pl/index.php?page=osoby&id=2190&id_nag=283&action=txt&lang=pl Дата доступа: 01.02.2017.
5. Iwanicka, B. Polacy na Wschodzie. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polacynawschodzie.pl/index.php?page=osoby&id=673&id_nag=93&action=audio&lang=pl Дата доступа: 01.02.2017.
6. Komiaga, A. Polacy na Wschodzie. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polacynawschodzie.pl/index.php?page=osoby&id=173&id_nag=60&action=audio&lang=pl Дата доступа: 01.02.2017.
7. Naumczyk, W. Polacy na Wschodzie. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polacynawschodzie.pl/index.php?page=osoby&id=2515&id_nag=493&action=txt&lang=pl Дата доступа: 01.02.2017.
8. Rodziewiczówna, B. Polacy na Wschodzie. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polacynawschodzie.pl/index.php?page=osoby&id=2299&id_nag=258&action=audio&lang=pl Дата доступа: 01.02.2017.
9. Sadowski, A. Pogranicze polsko-białoruskie. Tożsamość mieszkańców. Białystok: Trans Humana, 1995.
10. Sandecka, I. Polacy na Wschodzie. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polacynawschodzie.pl/index.php?page=osoby&id=2384&id_nag=365&action=audio&lang=pl Дата доступа: 01.02.2017.
11. Tołkaczowa, J. Polacy na Wschodzie. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polacynawschodzie.pl/index.php?page=osoby&id=2265&id_nag=317&action=audio&lang=pl Дата доступа: 01.02.2017.
12. Wróblewska, R. Polacy na Wschodzie. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polacynawschodzie.pl/index.php?page=osoby&id=2193&id_nag=147&action=txt&lang=pl Дата доступа: 01.02.2017.

Маргарита Крылова
(Российская Федерация)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ В ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ В ПЕРИОД ВЫБОРОВ МЭРА г. МОСКВЫ В 1990-е гг.

Using Moscow's mayor pre-election campaign materials the theme of The Cathedral of Christ the Savior's restoration in Moscow in 1990s is considered. The author analyzes the main issues of this sphere such as the ambitious ideological significance of the cathedral's reconstruction, inconsistent activities of Luzhkov, conflicts between urban development plan and the formation of protection zones. In spite of the participation in election of representatives of different political forces, the protection of cultural heritage was addressed in their political programs in a similar way.

Задача уполномоченных по охране объектов культурного наследия органов государственной власти – разрешать конфликты между потребностями и желанием застроить или перестроить ряд объектов и угрозой разрушения уникальных памятников истории и культуры. Так как эта проблема являлась публичной и значимой для избирателей, вопросы сохранения наследия были отражены в предвыборных программах кандидатов в мэры Москвы в рассматриваемый период. В 1990-е гг. выборы мэра столицы РФ проходили несколько раз. Поэтому представляется возможным рассмотреть, какую роль играли вопросы охраны памятников истории и культуры (и культовых объектов как одной из их категорий) в политической борьбе за эту должность.

Проблемы, связанные с темой статьи, поднимаются в научных изданиях [4; 6; 7; 9]. Однако специального исследования вопроса сохранения памятников истории и культуры в ходе борьбы за пост мэра Москвы не предпринималось.

В качестве основного источника выступают предвыборные агитационные материалы на пост мэра в 1990-х гг. Чаще всего они представляли собой листовки, которые создавались в свободной форме, поэтому могли содержать информацию довольно разного плана – биографию кандидатов, основные положения их программ, приглашения на общественно-

политические мероприятия, статьи на социально значимую тему, визуальные изображения с лозунгами и т.д. Следует отметить, что цель предвыборных листовок заключалась в привлечении голосов избирателей, поэтому информация в них могла иметь откровенно публицистский характер, содержать недостоверные сведения и навязывать выгодное кандидату мнение. При этом тиражи листовок обычно составляли несколько десятков тысяч экземпляров, активно распространялись среди населения и, соответственно, имели довольно широкий охват. Однако нельзя с достаточной уверенностью говорить, что каждый, кто получал эти материалы, вникал в их содержание детально. Листовки раздавались случайным людям, помещались на стендах с информационными материалами, опускались в почтовые ящики. Поэтому о том, какое воздействие на взгляды людей оказывало их содержание, выводы делать сложно. Но те проблемы, которые выносились в подобные предвыборные материалы, обычно касались вопросов, способных вызвать значительный общественный резонанс.

Храм Христа Спасителя – кафедральный собор Русской Православной Церкви, разрушенный в ходе проведения реконструкции Москвы советскими властями в 1931 г. и восстановленный в 1990-е гг. [4]. Его возрождение связывалось с переосмыслением прошлого, настоящего и будущего России, достижением общественного согласия и национального единства. Обсуждение вопросов, связанных с восстановлением храма, началось уже в середине 1980-х гг. и было обусловлено возросшим интересом к православным святыням, что можно объяснить двумя факторами:

- 1) «перестройкой» (1985–1990 гг.), повлекшей за собой ослабление влияния коммунистических ценностей и обращение населения к новым (религиозным) идеологическим основам;
- 2) повышением интереса к религиозным вопросам у части общественно-политических деятелей в связи с празднованием Тысячелетия Крещения Руси в 1988 г.

Конечно, в первую очередь для Русской Православной Церкви данные два момента стали поводом, чтобы напомнить общественности о себе и начать активный процесс привлечения населения в сферу своего влияния [2, с. 3, 6–7]. Это было актуально в условиях демократизации общества и официального разрешения политического плюрализма. К тому же власти понимали, что такая памятная дата, как Тысячелетие Крещения Руси, – это крупное историко-культурное событие с международным резонансом, которое нельзя обойти стороной [2, с. 3, 6–7]. От-

разился этот подход и на деятельности органов государственной власти Москвы – в том числе в отношении Храма Христа Спасителя.

Вопрос восстановления Храма Христа Спасителя постоянно присутствовал на страницах предвыборных материалов, в разные избирательные кампании приобретал новое содержание. В предвыборной программе В. Родионовой в 1991 г. выдвигался тезис о том, что храм необходимо восстановить: «...передать все храмы, по согласованию со священнослужителями, занятые другими организациями, церкви, предоставив организациям другие помещения. Восстановить Храм Христа Спасителя» [1]. Однако вопрос этот поднимался не впервые: так, в 1988 г. уже создавалась инициативная группа, которая выступала за восстановление храма, а через два года был заложен памятный камень на месте будущего строительства [11].

Несмотря на то что проблема воссоздания храма являлась общероссийской, данный вопрос в основном решался на уровне Москвы [8, с. 6]. Это нашло свое отражение и в предвыборных программах кандидатов в мэры столицы. В 1996 г. Ю. Лужков отмечал высокие темпы работ по восстановлению Храма Христа Спасителя и ряда других церквей, что, по его мнению, «украшает и преображает Москву, одновременно сохраняя ее историко-культурную среду» [3]. К тому моменту строительство храма шло второй год, поэтому, возможно, в предвыборных материалах конкурентов Лужкова данная проблема не была отмечена. Она всплыла позже в контексте критики деятельности мэра, находившегося во главе столицы с 1991 г. Можно отметить три аспекта дискуссии об обстоятельствах восстановления храма:

- 1) неоправданно высокие затраты на строительство;
- 2) несоответствие храма его первоначальному облику;
- 3) коммерческое использование культового объекта.

Идеология национально-патриотического фронта «Память» основывалась на обращении к дореволюционным истокам, православным традициям и авторитету церкви с целью возрождения «былой России». Поэтому лидер данной организации Д. Васильев в 1999 г. резко осуждал ту форму, в которой проводилось воссоздание храма: «...Все меркнет перед фарисейством строительства Храма Христа Спасителя. Получается огромная подделка, поглотившая колоссальные суммы денег... Я уже и не буду обсуждать материалы и художественные элементы самого Храма...» [8, с. 6]. Именно потому, что эту точку зрения сформулировал идеолог правонационалистического движения, она указывала на те проблемы, которые были важны для людей, относившихся к данному храму

и как к культовому объекту, и как к памятнику истории и культуры. Архитектурный памятник, который задумывался как олицетворение величия русского народа и крепости православных основ, не соответствовал в полной мере оригиналу. В связи с этим и вставал вопрос, считать ли храм именно тем символом, которым он должен был стать. Как показывала позиция Д. Васильева, часть общества сомневалась в этом. Эта точка зрения поддерживается и рядом исследователей, например искусствоведом А.И. Комен: «...Это связано с непониманием ценности подлинников. Трудно представить себе, чтобы человек, у которого есть этюд Рубенса, пожелал его стереть и нарисовать более яркими красками. Но по отношению к зданиям, пейзажам города – это происходит на каждом шагу... Подлинник не ценится, подлинник легко переделывается. Восстановили, не повторив ни в чем, храм Христа Спасителя – ни в технике, ни в декорации фасада, ни в материале, но это обществу преподносится как образец реставрации. И общество привыкает к тому, что созданное заново – подлинник. Созданное заново при реставрации допустимо, но это всегда трагедия» [6]. То есть в оценке исследователей также можно увидеть сомнения по поводу заявленного художественного и культурного содержания вновь восстановленного храма.

Скептические высказывания о значении и последствиях восстановления данного культового объекта можно найти и в других предвыборных материалах. В 2001 г. газета коммунистической направленности с сарказмом предрекала: «И лужковскому восстановленному Храму, построенному тем же методом, что и московские автомобильные шоссе, добра не видать, потому что уже сейчас его используют как объект для бизнеса» [5, с. 7]. В данном случае речь шла о нерациональном распределении средств на строительство храма (часто сопряженном с коррупцией) и о проведении внутри храма мероприятий, не соответствующих христианской идеологии, но направленных на получение коммерческой выгоды (например, проведение новогодних елок, строительство подземной парковки).

Агитационные материалы оголяли «болевы точки» общественного мнения, а также положительные и отрицательные стороны деятельности Ю. Лужкова в области защиты культурно-исторического наследия. Ход восстановления Храма Христа Спасителя продемонстрировал несколько проблем в сфере охраны культурного наследия. В экономическом отношении были высказаны сомнения в рациональном использовании затраченных на проект финансовых средств. С позиции идеологических

принципов и символов возражение вызывало использование храма в коммерческих целях.

С точки зрения политики в области охраны культурного наследия воссоздание такого крупного объекта, как Храм Христа Спасителя, стало поводом для обсуждения сложной проблемы «новодела». Можно ли считать построенное по образцу утраченного объекта сооружение таким же памятником истории и культуры, как и оригинал? Агитационные материалы кандидатов в мэры Москвы подтверждали важность и сложность отмеченных проблем как для общества, так и для специалистов, занятых охраной памятников истории, и дискуссия вокруг Храма Христа Спасителя только на одном примере показала болевые точки политики в данной сфере.

Стоит отметить, что заострение внимания на культовых объектах – это скорее не осознание религиозно-культурной значимости памятника, а попытка получить голоса верующих. 1990-е гг. – это время поиска новых идеологических основ (взамен рухнувшего коммунистического мировоззрения), поэтому обращение к религии стало одним из его результатов.

Несмотря на то что тематика поднимаемых вопросов по восстановлению Храма Христа Спасителя в политической борьбе за замещение должности мэра является схожей на протяжении 1990-х гг., можно выделить некоторые особенности в характере подачи материалов по данному вопросу. В 1991 г., когда еще не сложился спектр политических сил в России, в программах большинства кандидатов фигурировали тезисы, связанные с призывами к восстановлению храма. Это считалось актуальным, проблемным вопросом, и, следовательно, избирателям было важно увидеть пути его решения.

В выборах 1996 г. в предвыборной стратегии Ю. Лужкова был сделан акцент на стабильность, на продолжение сильных сторон его деятельности на посту действующего мэра Москвы. Работа по сохранению памятников в общем и восстановлению Храма Христа Спасителя в частности показывается в том же ключе. На следующих выборах (1999 г.) Лужков придерживается того же подхода в предвыборной борьбе. Если в 1996 г. политические конкуренты действующего мэра практически не касались вопросов культурного наследия, то кандидаты 1999 г. активно обращаются к ним. Их постановка вопроса по отношению к замыслу и ходу восстановления Храма Христа Спасителя заключалась в основном в критике деятельности Лужкова.

Соответственно, сложно соотносить различия отношения кандидатов в мэры Москвы к восстановлению Храма Христа Спасителя в их предвыборных материалах в данный период и партийную принадлежность претендентов на должность главы столицы. Скорее следует говорить о трех стратегиях в публичной презентации кандидатов в мэры: «официальной», «критиканской» и «игнорирующей». В первом случае говорится о программах главы города Ю. Лужкова, в которых показывались положительные черты процесса восстановления храма. Для второго (ультраправое движение, коммунисты) характерна критика деятельности под руководством действующего мэра Москвы. Стоит отметить, что критика касалась разных аспектов восстановления Храма Христа Спасителя – и символического, и эстетического, и художественного, и морального. К «игнорирующему» направлению отнесены те деятели, которые в своих программах практически не касались охраны культурного наследия в целом и проблем Храма Христа Спасителя в частности. В связи с этим понятно минимальное внимание к вопросу С. Кириенко (Союз правых сил) и А. Митрофанова (Либерально-демократическая партия России). В их тезисах обозначались только те вопросы, решения которых требовала социальная база данной партии.

Литература

1. Голосуйте за В. Родионову и А. Волкова. 24 мая 1991 года / Выборы Мэра Москвы. 1991, 1993, 1999, 2003 // Коллекция нетрадиционной печати. ГПИБ России. НП4/319.
2. Гордиенко, Н.С. Крещение Руси: Факты против легенд и мифов – полемические заметки. Л.: Лениздат, 1984. 287 с.
3. Его знает каждый москвич! / Выборы Мэра Москвы. 1991, 1993, 1999, 2003 // Коллекция нетрадиционной печати. ГПИБ России. НП4/319.
4. История храма // Храм Христа Спасителя: официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.xxc.ru/istoriya/index.htm> Дата доступа: 09.12.2017.
5. Ковалев, К. В России – время ворон и попов. Взгляд из Нью-Йорка. 10–11 января 2001 года // Молния. Газета КПСС. Орган Исполкома «Трудовой России». № 3. 2001. С. 7.
6. Михайлов, К. Как мы храним свое наследие // Наше наследие. 2000. № 55. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/5501.php> Дата доступа: 09.12.2017.
7. Молева, Н. Проблемы исторической среды современного города // Архитектура и строительство Москвы. 1987. № 6. С. 13–16.

8. Москва – столица православной России // Память. 1999. № 3. С. 6.
9. Прохорова, Ю.А. Предвыборные агитационные материалы как объект экспертного исследования // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 624–635.
10. Соколовский, В.И., Булочников, В.А. Основные направления реставрации, реконструкции, воссоздания объектов историко-архитектурного наследия в историческом центре Москвы. М., 1995. 176 с.
11. Тысячелетие Крещения Руси. 25 лет второму Крещению Руси // Община. Возродившие Храм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://obchina-xxc.ru/news/tysjacheletie_kreshhenija_rusi_25 лет_vtoromu_kreshheniju_rusi/2013-07-23-178 Дата доступа: 09.12.2017.

Artur Marharian, Krystina Bahrets
(Belarus/Lithuania)

SPATIAL BEHAVIOR OF TOURISTS IN AVEIRO: DOES THE GENDER OF TOURISTS MAKE A DIFFERENCE?

В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление особенностей поведения туристов в зависимости от гендерной самоидентификации. Для проведения этого исследования были использованы качественные и визуальные методы. В исследовании участвовали 6 человек (3 мужчины, 3 женщины), которые посетили Авейру с туристическими целями. Был выявлен ряд отличий и совпадений в пространственном поведении изучаемых групп туристов. Разработаны рекомендации по улучшению маркетинговой политики, увеличению потоков и развитию туризма с учетом гендерного измерения.

1. Introduction

Since the middle of the last century tourism has become a massive process, which includes more and more segments of the population, as the level of income and the availability of free time allow people to travel. Currently, tourism has reached a stage where it occupies one of the most important components of the economy of many countries [10]. In recent decades, tourist consumption acts as the global behavioral practice that requires theoretical understanding. Successful activity on the tourism market includes forecasting the needs and requests of customers. However, consumer behavior is not a simple and easily predictable trend because many factors affect it. The aim of this work is to study the specifics of consumer behavior on the travel services market of Aveiro, Portugal depending on the gender of the tourist. Before proceeding directly to the research itself, a brief description of the tourist destination should be provided.

Aveiro is one of the most beautiful ancient cities of Portugal. The city is situated on the Atlantic coast, 220 km north of the Portuguese capital Lisbon and 58 km south of Porto. Because of its location, Aveiro is popular with tourists

as an intermediate destination, which is famous for its fabulous atmosphere and beaches.

The city is called the Venice of Portugal because a river passes through the city, along which “Molisejush” (boats of unique shape and color) sail. All this reminds tourists of the canals in Venice, but they are less crowded.

Aveiro has many attractions: the famous Museum of Aveiro; a former Dominican monastery Convento de Jesus, whose fame spread in the 15th century; the 15th century Cathedral of San Domingos as well as an impressive and lively fish market Praça do Peixe, around which there are many cafes, bars, and restaurants. A few kilometres south of Aveiro is Ilhavo Maritime Museum, the factory of the well-known Portuguese company Vista Alegre, which produces porcelain, and the highest lighthouse in Portugal, which is situated in Barra.

Another attraction for tourists is the location near the beach of Costa Nova, which surrounds the city, and the delta. Aveiro is also famous for its traditional dish, which is sold in all catering establishments – sweets “ovos molesh” [20]. All these attractions make Aveiro a popular tourist destination among different types of tourists from all over the world.

2. Literature review

2.1. Spatial Behavior in Tourism

Consumer behavior is defined as a set of actions that are carried out by people during the purchase, consumption, and exemption of goods and services as well as the processes of decisions that precede this activity and follow it [17]. Knowledge of consumer behavior is necessary to develop the activities of the producer of goods or services. The fact is that consumer behavior guides organizations, which, in their turn, build a more effective marketing policy (including price, range, methods of promotion), depending on the needs and interests of the consumer [23].

Consumers' behavior is studied by representatives of various scientific disciplines. It is also one of the most studied topics in the field of tourism [15]. A lot of works deal with the behavior of tourists; for instance, Lew McKercher studies tourist flows and their distribution according to space [11], Decrtop identifies personal aspects of tourists in the decision-making process [4]. Consumer behavior in tourism sphere was also studied by Cohen, S. A., Prayag, G. & Moital, M. (2014), and L Moutinho (1987).

It is difficult to satisfy the needs of all the consumers of tourist services without exception because each tourist is unique; everyone has their own pref-

erences, desires, experience, and expectations. Nevertheless, tourists (as well as consumers in other spheres) can be grouped according to certain characteristics, which are called segmentation. The meaning of market segmentation is that the provider of a service or product does not disperse his/her efforts to ensure that the product is universal for all consumers, but concentrates his/her activities for the most profitable segment of customers [14]. Experts identify three main groups of segmentation, based on which the tourist organizations carry out the directions: geographic, socio-demographic, psycho-behavioral, including gender and age [24].

2.2. Consumer spatial behavior depending on the gender of the tourist

Gender is a social construct that determines the behavior of a person in society, for example, with the help of norms, roles, and relationships, and how this behavior is perceived [5]. Behavior is not genetically inherited but acquired in the process of socialization, for example, formed in the features of family education of boys and girls under the influence of cultural models [19].

The question of whether there are differences in consumer behavior depending on gender and which ones have been actively discussed lately. According to the research of Mitchell (2009) and Walsh, gender plays a significant role in consumer behavior. They claim that people want different products depending on the gender self-identification, and they are likely to have different ways of liking and obtaining them [6]. Akturan (2004) suggests that there are differences between the behavior of men and women because of expectations, wants, needs, lifestyles, etc [1]. Products are sex-typed, which means that any product takes on masculine or feminine characteristics, according to Solomon et al (2010) [18].

Studies of the differences and similarities of behavior in relation to gender in tourism have also been carried out. Wang (2004) found out that women are the main decision-makers when it comes to family celebrations. According to the results of the research work of Dubkova and Kastunova, some differences in the behavior of males and females in the sphere of tourism were found [21; 22]. Their conclusions about the differences in the behavior of tourists depending on gender identity are presented in Table 1 and are the hypotheses of this paper. However, Carr's study (1999), in which an in-depth interview was used, showed that gender does not affect the perception of tourists [2].

Table 1 - Differences in the behavior of tourists depending on gender

Criteria	Women	Men
Choosing places to visit	Visit travel agencies, tourist centers	Use Internet, read the reviews, find out information from friends and colleagues
Leisure time	Passively	Actively
	Shopping, spa	Sport events, extreme tourism
Ways of transportation	Walking small distances, travel buses	Cycling, walking and hiking
Preference to travel with	Family members	Friends
Orientation in the city	Using signs	Using maps

Source: [21, 22].

To sum up, there are 2 types of research results: those which show that there is no difference between the spatial behavior of men and women, and those where the difference was identified. The authors take into consideration differences only in the spatial behavior of tourists depending on gender identity (female or male). In addition, other previously unanswered questions about the best and worst memories will be considered.

3. Methodology

In order to improve the reliability of research results, qualitative approaches to the phenomenon will be applied [13]. For this purpose, the following qualitative and visual methods will be used in this study:

1. A questionnaire survey (a small written survey with closed questions, taking into consideration a tourist profile was created).

2. Data collection using maps of the city and region to determine the route through which the respondents passed and visited places as well as the orientation level by the map.

3. Visual methods: collecting photos of the most memorable sights of tourists to identify the brightest impressions during the trip.

4. Interviewing involves personal contact with the respondents, where the researcher asks questions and records the answers. In this paper, the interview was face-to-face and structured, the scenario was thought over before an interview [9].

The method of the questionnaire is psychological, verbal and communicative, in which the person collecting information from the respondent uses a specially designed list of questions – a profile. Using the questionnaire method can be cost-effective, but at the same time, it is superficial [16].

To determine the most memorable places, the tourists were asked to show pictures of these places. The fact is that most of the tourists (especially Generation Y) make photos of the brightest moments of travel and share it through social media [8]. Also, the collection of information was carried out with the help of maps that would understand the route of tourists more accurately, as well as possible difficulties with the names of places.

All the methods of collecting information as part of this study were carried out by the authors. All interviews were conducted during the tourists' stay as Airbnb guests between November 21st and December 10th 2016. In total, 6 tourists (3 male- and 3 female-participants) took part in the survey. The average age of the interviewed women is 41, of men – 23. Everyone, except one male participant, is employed and has a college or university degree.

All the participants were interviewed, at least after one day of staying in Aveiro. Firstly, male's answers will be analyzed. The respondents were from Poland, Netherlands, and Spain (Table 2).

Table 2 - Profiles of male-participants

Country of Residence	Reasons for tourism	Previous visit
Spain	Business	-
Netherlands	Holiday	-
Poland	Holiday, VFR	+

Source: authors.

As mentioned above, three women from different countries: Belarus, France and the United States were interviewed (Table 3).

Table 3 - Information about female-participants

Country of Residence	Reasons for coming	Visiting before
----------------------	--------------------	-----------------

USA	Holiday	-
France	Holiday	+
Belarus	VFR	-

Source: authors.

The participants were tourists who stay in the city of Aveiro with minimum one overnight stay in a room provided by the authors of the research on the Airbnb platform. Airbnb is an online platform, which permits people from all over the world to rent accommodation from locals. This may be a room, a flat, a house, or even a tent in the garden [7]. In our case, it is a room with a private bathroom, access to shared kitchen and living room. During the time of interview the housing price was 15 Euros, which is one of the cheapest options, but, at the same time, the proposal is more attractive than the offers in some more expensive apartments.

4. Result and analysis

4.1. Collection and analysis of data

The main reasons for visiting Aveiro among women were “holiday, leisure and recreation” (2 respondents) and “visiting relatives” (1 respondent). As for men respondents, each had his own reason for visiting Aveiro. They chose the following options: “holiday”, “visiting relatives” and “business”. The average number of nights spent in Aveiro by women (2.6 nights) is more than by men (1 night). One member from both studied groups visited Aveiro before. The same can be said about choosing Aveiro as a major destination. Most tourists come to the city alone, only one man was accompanied by his friend. However, one person from each group came to visit a member of the family and spent most of his/her time with relatives. Only one woman from all the participants took part in an organized tour.

Each respondent answered 27 questions. The questions can be divided into several groups: general information about the respondent (gender, age, education etc.), destination and activities (“what is the the reason for coming to Aveiro”, “did you plan the route before coming to the city”, “what activities were done during your stay in Aveiro” etc.), the way of transportation and orientation in the city (strategies to find the way, “how did you orient in the city”), respondents’ satisfaction (“what did you like”, “what did you dislike” etc.).

Destination and activities

The respondents were asked: “why did you come to Aveiro?” The reason on 2 out of 3 female respondents was nostalgic memories because “I worked here as a tourist guide about 12 years ago, I liked this city and decided to repeat my visit” and “It was a stop between Lisbon and Porto”; 1 out of 3 female came to VFR, while one of the male respondents came to VFR, the second had some business meeting and the third stayed in Aveiro because “it is the best option, not far from Porto and we have never been there”. The respondents were asked about the attractions, which they visited in Aveiro. Several similarities and differences were found. All the tourists went to Costa Nova. A representative of each study group took the boat tour and visited the museum of Aveiro. As for differences, 2 men and one woman were at the mall, 2 men were in Parko de Santo Antonio, as for women none of them went to the park, but they were in churches and the University of Aveiro. All the respondents traveled around the region and agreed that they would visit other places if they were with other companions.

The way of transportation and orientation in the city

All the respondents answered that they had not planned their trip beforehand. One of the questions, which allowed the authors to identify the differences in orientation in the city by tourists depending on the gender self-identification was: “which landmarks have you used to navigate around today/yesterday?” 2 out of 3 women used GPS for navigation, at the same time all of them used landscape marks. But all of the men used google maps and signs for orientation in the city. However, it was observed that transport influences the way of transportation and discovering the city: 2 out of 3 men discovered the city by walking and bus and the third one used a bicycle, while 2 out of 3 women used a car for transportation and the other one went walking. The most surprising difference is connected with the way how tourists count the distance: men respondents use kilometers, while women respondents use minutes.

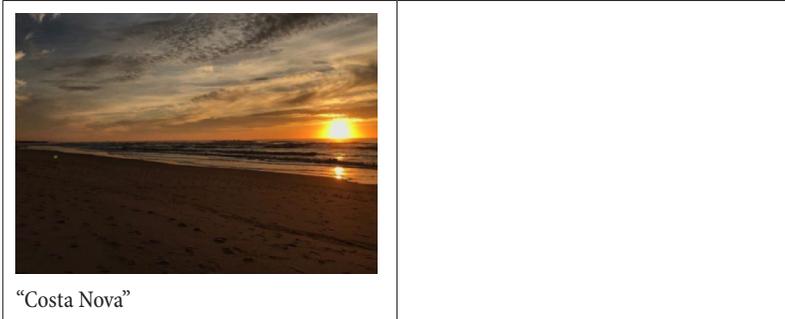
Respondents’ satisfaction

A couple of questions were asked by the authors to identify differences or similarities depending on the gender self-identification regarding the general satisfaction with the visit. 6 out of 6 enjoyed the calm atmosphere in the city

Aveiro and would recommend it. As for the question: “What do you remember most from this day?” 4 out of 6 respondents’ answers were connected with Costa Nova. The respondents were asked to send one of the pictures, which they did during the stay. They are shown in Table 4. According to them, the women mostly sent photos of themselves and the men – of the surroundings. The main difference that was identified is connected with the question: “what was your most negative impression? Why?” 2 out of 3 female respondents disliked service and overcrowded entertainments while 3 out of 3 male respondents said that negative situations happened because of local people.

Table 4 - Respondents’ photos

Women	Men
 <p data-bbox="161 819 382 843">Sunny day in Costa Nova</p>	 <p data-bbox="554 819 900 843">“the nice picture of the railway station”</p>
 <p data-bbox="161 1197 382 1221">“I am with Airbnb hosts”</p>	 <p data-bbox="554 1197 824 1221">“My lunch with my girlfriend”</p>

Source: authors.

Based on the results of the questionnaires, interviews and additional ways of collecting information, a comparative analysis of the responses of females and males was carried out, and the general and distinctive features in their behavior are presented in Table 5.

Table 5 - Differences and similarities in the behavior of males and females

Women	Men
3 out of 3 tried national cuisine and 2 of them twice	2 out of 3 tried national cuisine, but only once
2 out of 3 used GPS for navigation, at the same time all of them were using landscape marks.	All of them used google maps and signs for orientation in the city.
2 out of 3 used a car for transportation and the other one went walking.	2 out of 3 discover the city by walking and bus. The third used a bicycle.
2 out of 3 disliked service and overcrowded entertainments	3 out of 3: negative situations happened because of local people
Associate distance in min.	Associate distance in km.
2 out of 3 relied on the host's experience and visited places that were recommended by hosts.	All of them relied on the host's experience and visited places that were recommended.
2 out of 3 - the best memories happened in Costa Nova.	

3 out of 3 didn't plan the trip.
1 out of 3 used the shortest strategy to find a way, 2 -random.
3 out of 3 enjoyed the calm atmosphere in Aveiro.
3 out of 3 will share their experience

Source: authors.

Huge differences in the spatial behavior of female and male respondents have not been identified. A qualitative study was carried out, that is, a survey of a few people.

This research defines that 67 % respondents searched information about Aveiro and used such sources as Wikipedia and TripAdvisor. The authors suggest adding more tourist information on the above-mentioned sites in different languages. In order for Aveiro to become a recognizable tourist destination the following suggestion is proposed: to create a homepage on the city in different language versions. It could be a good source of information for tourists, where they could easily find information about the destination, attractions, how to get to attractions, prices, working hours, events, and feedback. This could help to distribute tourists from overcrowded places to less popular sights.

None of the participants planned their trip before coming in Aveiro, 67% of respondents used the train to get to Aveiro. It makes sense to open a tourist information center near the railway station to manage the tourist's flow for those who start discovering the city from the railway station.

Female respondents more than males are interested in shopping and local cuisine. This can be useful, for example, for stores that need to develop their development strategy based on the data from potential customers. At the same time, as a result of the study, it was found that women associate distance with time unlike men who measure it in km. This can be used for advertising, for example, it is better to write the distance in minutes on advertisements and posters where the audience is female.

All of the respondents used Airbnb to search for accommodation and today Airbnb is becoming more and more popular every year. There are 264 Airbnb ads in Aveiro, 73 of which are separate rooms in an apartment. 83.4 % of the respondents used recommendations of hosts, where they were living, for visiting destination's attractions because tourists trust real people and their experience. It is reasonable to "use" Airbnb hosts who share their flat with guests (tourists). For instance, they can send them brochures with information

about destination's attractions. It is possible to make some kind of partnership between tourist organizations and hosts: provide free tickets to museums (Museu Marítimo de Ilhava, Museu da Vista Alegre), unique souvenirs (bardala Pinheira), tasting and discounts in restaurants for hosts. As a benefit for those organizations, tourists who live in Airbnb flats will get a feedback from hosts. It leads to the distribution of Airbnb guests who stay with hosts and, as a result, will help them to get a not typical but unique experience and provide a reason for coming back or telling other people about Aveiro.

Conclusion

The difference in spatial behavior according to gender in the tourist sphere on the example of Aveiro was discussed. 6 tourists took part in the survey. This amount of respondents is not enough to make a reliable conclusion about the spatial behavior of tourists according to gender. During the analysis of 6 surveys (3 of respondents identify themselves as female, 3 - as male) differences and similarities were identified, which became the basis for ideas how to improve implications for the destination marketing: necessity of activities for females, creating more active ways of spending time for men, opening a tourist information center near railway station, adding the information about tourist possibilities in Aveiro in the Internet, advertising through Airbnb hosts.

References

1. Akturan, U. Tüketicilerin Cinsiyetlerine İlişkin Olarak İçgüdüsel Alışveriş Eğilimlerindeki Farklılıkların Belirlenmesi: Üniversite Öğrencilerine Yönelik Pilot Bir Araştırma. *Yönetim Dergisi*. 2009, 20 (64), pp. 62–77.
2. Carr, N. A study of gender differences: Young tourist behaviour in a UK coastal resort. *Tourism Management*. 1999, 20(2), pp. 223–228.
3. Colen, S.A., Prayag, G. and Moital, M. Consumer behaviour in tourism: Concepts, influences and opportunities. *Current Issues in Tourism*. 2014, pp. 872–909.
4. Decrop, Alain. Personal Aspects of Vacationers' Decision Making Processes: An Interpretivist Approach. *Journal of Travel & Tourism Marketing*. 1999, Vol. 8(4), pp. 59–68.
5. Gender [online]. [View December 5, 2017]. Access via the Internet <<http://www.who.int/gender-equity-rights/understanding/gender-definition/en/>>.
6. Gender differences in German consumer decision making styles. *Journal of Consumer Behavior*. 2004, 3(4), pp. 331–346.
7. Guttentag, D. Airbnb: Disruptive innovation and the rise of an informal tourism accommodation sector. *Current Issues in Tourism*. 2015, Vol.18, No 12, pp. 1192–1217.
8. Ihsanuddin, R. and Annuar, F.I. The Influence of Social Media Communication Attributes of Instagram on Generation Y Sharing Travel Photo Behavior. [View December 5, 2017]. Access via the Internet <<https://www.researchgate.net/pub->

[lication/315878436_The_influence_of_Instagram_communication_attributes_on_Generation_Y_sharing_travel_photo_behaviour>](#).

9. Jennings, Gayle R. Interviewing: A focus on qualitative techniques. *Tourism Research. Methods: Integrating Theory with Practice*. 2005, pp. 99–119.
10. Ketter, Eran. The role of marketing in tourism planning: overplay, underplay or interplay. *Tourism*. 2016, № 64, pp. 135–148.
11. Mckercher, Bob; and Lew, Alan. Tourist Flows and the Spatial Distribution of Tourists. *A Companion to Tourism*. 2008, № 1, pp. 36–48.
12. Moutinho, L. Consumer behaviour in tourism. *European Journal of Marketing*. 1987, 21(10), pp. 5–43.
13. Northcote, Jeremy and Macbeth, Jim. Limitations of Resident Perception Surveys for Understanding Tourism Social Impacts The Need for Triangulation. *Tourism recreation research*. 2005, Vol. 30(2), pp. 43–54.
14. Personen, Juho. *Developing Market Segmentation in Tourism: Insights from a Finnish Rural Tourism Study*. University of Eastern Finland, 2013, p. 61.
15. Prayag, Girish and Fuciu, Mircea. Consumer behaviour in tourism: Concepts, influences and opportunities. *Current Issues in Tourism*. 2014, November, pp. 876–909.
16. Questionnaires [online]. [View October 8, 2016]. Access via the Internet <<http://www.simplypsychology.org/questionnaires.html>>.
17. Reid, Louise and Ross, Heather F. Online fashion purchase: how the barriers and enablers are influencing the consumer's decision-making process. *International Journal of Sales, Retailing and Marketing*. 2015, Vol. 4, № 2, pp. 44–54.
18. Solomon, M. R., Bamossy, G., Aaskeggard, S. *Consumer Behaviour, A European Perspective*. 4th edition, Prentice Hall Europe, 2010.
19. Tannenbaum, Cara, Greaves, Lorraine and Graham, Ian D. Why sex and gender matter in implementation research? *BMC Medical Research Methodology*. 2016, pp. 12–19.
20. Things To do in Aveiro [online]. [View December 5, 2017]. Access via the Internet <<http://portoportugalguide.com/aveiro/things-to-do-aveiro.html/>>.
21. Дубкова, К.С., Харитоновна Т.В. Гендерные особенности поведения потребителей туристских услуг. *Современные тенденции развития науки и технологий*. 2015. С. 1–4, 6–8.
22. Катунюва, В.В. Гендерные аспекты социальных установок в области туризма // *Вестник Костромского государственного университета*. 2011. Т. 17. С. 142–145.
23. Поведение потребителей: типы, управление и мотивация [online]. [View December 5, 2017]. Access via the Internet <<https://www.kom-dir.ru/article/1263-qqq-16-m6-01-06-2016-povedenie-potrebiteley>>.
24. Чудновский, А.Д., Жукова, М.А. *Управление потребительскими предпочтениями в сфере отечественного туризма и гостеприимства и основные направления реализации туристского продукта*. М.: Федеральное агентство по туризму. 2014. 304 с.

Kajetan Suhecki
(Poland)

THE ROLE OF DIGITAL MEDIA SOURCES IN THE DEVELOPMENT OF TOURISM ON THE WAY OF ST. JAMES

Исследование посвящено изучению источников информации о Пути Святого Якуба для паломников. В ситуации недостаточного туристско-информационного обеспечения выдвигается гипотеза о том, что веб-сайты (форумы, социальные сети, блоги) являются основным источником информации для паломников о Пути Святого Якуба. Цель исследования – отразить доминирующую роль цифровых медиа и интернета как источника и платформы для обмена информацией о Пути Святого Якуба для паломников.

Introduction

The Way of St. James (Camino de Santiago) is a large, European-bound, pilgrimage road dating back to the ninth century, when a grave of James the Apostle was discovered in the area of today's Autonomous Region of Galicia in Spain. The discovery led to the creation of today's capital of Galicia – Santiago de Compostela, which quickly became the third major pilgrimage center of Christian Europe, after Rome and Jerusalem.

The paper examines the sources of information about the Way of St. James among pilgrims with a limited number of guidebooks. The paper is based on the Polish pilgrims on the Way of St. James case – the sources of information examined are sources in the Polish language. This article attempts to verify the hypothesis that websites (forums, social networks, blogs, etc.) are the main source of information for pilgrims on the Camino de Santiago, and the purpose of the study is to show the dominant role of the Internet as a source of information about the Way of St. James for pilgrims and showing the Internet as a tourist information exchange market C2C (consumer to consumer).

Route of St. James – genesis and basic information

Route of St. James (in Spanish Camino de Santiago) is a pilgrimage road leading to Santiago de Compostela in Spain. The origin of the pilgrimage dates

back to the ninth century, when, according to tradition, the tomb of St. James was discovered. Santiago de Compostela quickly became one of the three main sites (along with Jerusalem in Israel and Rome in Italy), to which Christians went on a pilgrimage in medieval Europe [2, p. 7].

The Way of St. James was the first European Cultural Route recognized in 1987 by the Council of Europe. Later the Cistercian Trail, the Celtic or the Hanseatic trails got on the list. These trails are, according to the Council of Europe, a contribution to raising awareness of the common centuries-old European heritage, preserving and protecting cultural heritage, emphasizing the individual rights of countries, nations and communities and cultivating solidarity and tolerance in local communities. Thus, traveling the Way of St. James makes it possible to carry out tourist functions in relation to culture, i.e., the protection, enrichment and popularization of cultural possessions. Culture itself inspires the development of tourism. It is an important motive for traveling. Therefore, in the case of the Camino de Santiago pilgrimage, one can talk about cultivating cultural tourism. The 1987 novel *The Pilgrimage*, by the Brazilian writer Paulo Coelho also played a major role in the Way's rediscovery.

The document, which identifies a person walking Camino de Santiago as a pilgrim (in Spanish – peregrino), is a pilgrim's passport called the credential, in which the person collects confirmation of the passage of individual stages of the route in the form of stamps of hostels for pilgrims (albergues), bars and other institutions. This document is the basis for issuing a certificate of pilgrimage – the so-called Compostela. The condition for receiving it is the passage of the last 100 kilometers walking or the last 200 kilometers of cycling or horse riding. The pilgrim's passport also allows one to take advantage of the cheapest accommodation on the Way in the aforementioned pilgrims' hostels. As a rule, peregrino can stay only for one night in each place [4, p. 150–155].

The basic element of the tourist infrastructure is the hostels for pilgrims, called albergues. They are run by municipalities, the church or private enterprises. Their standards are different. Usually they have a low price of accommodation (lower than in boarding houses or hotels). Various institutions and organizations are responsible for the physical marking of pilgrimage routes – local governments, associations, foundations, and parishes,. This results in the lack of unification of signs and symbols that can be found on the route. Typical are the yellow arrow and the shell of St. James; however, its shape and form may be different depending on the region or the choice of a particular route.

Tourism on the Way of St. James is growing very quickly; increasingly, it is sometimes associated with a certain adventure, action, something interesting and unusual. Over 30 years, the pilgrimage became part of the mass move-

ment of pilgrims to the area of Spain, Portugal and other European countries. They began to form a new route of pilgrimage to the tomb of the apostle, also in Poland and other countries, where there are already several thousand kilometers of marked trails referring to the tradition of the medieval pilgrimage. However, they are not as popular as on the Iberian Peninsula, where the Way of St. James pilgrimage is part of national culture, and often pride [8, p. 115–124].

The insufficient number of printed guidebooks led to the development of websites that could substitute them and sometimes supplement and upgrade the existing paper sources.

The demand for information about the Way of St. James will grow, which will affect both the increase in the number of paper publications and websites of all kinds. More and more digitization gives hope that the importance of web resources will increase, although the problem may be over-accumulation causing information noise and making decisions difficult. It is, therefore, possible to increase interest in exchanging information in C2C as a source of more reliable and personalized information. The development of the Consumer2Consumer relationship became possible thanks to the low commercialization of the Way of St. James, among other things.

Access to information is possible thanks to the social work of people interested in the Camino de Santiago theme and involved in the development of the Way and increasing information about it in various countries.

Social media, online forums and mobile applications are developing very quickly, and their usefulness is also discovered by pilgrims. It seems that in this particular case technological advances may have a positive influence on the tradition of pilgrimage to the tomb of St. James, and their absence would be a serious obstacle to the re-development of this medieval trail.

Sources of the Way of St. James' information

The multitude of Jacob trails in Europe and their constant development and emergence (or re-marking existing in the past), as well as the increased interest in the pilgrimage of the Camino de Santiago increases the need for practical information on particular parts of the route. There is no possibility to create a guide that would include at least the most important branches of the Way of Saint Jacob. Existing publications refer to specific Routes (such as the French Way) or their fragments. As far as guidebooks are concerned, the Polish language does not always correspond to the quality of the pilgrims. At the end of 2016 there were two guidebooks available for the Camino Francés published in 2011 – by Jan Gać [2] published by Bernardinum Publishing House and

by Andrzej Kołaczkowski-Bochenek and Zbigniew Iwański [3] published by WAM Publishing House and one guidebook published in 2016 – by Szymon Pilarz [7] published by WAM Publishing House.

There are no guidebooks of the remaining routes on the Iberian Peninsula (including the Northern Route – Camino del Norte, popular with Polish pilgrims). There are paper guidebooks for some sections of the Way of St. James in Poland. However, these publications have a low circulation, often issued by local associations [1, 9 et al.]

The growing demand for information about the Way of St. James shows quite clearly the increase in the number of pilgrims coming to Santiago de Compostela (Table 1).

Table 1. Number of Pilgrims on the Way of St. James (2004–2016)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009
All Pilgrims	179944	93924	100377	114026	125141	145877
Polish Pilgrims	357	422	600	867	1102	1321
Number of Polish Pilgrims in relation to all Pilgrims	0,20%	0,45%	0,60%	0,76%	0,88%	0,91%

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
All Pilgrims	272135	183366	192488	215880	237.983	262.516	277.854
Polish Pilgrims	2040	1820	2307	2515	2964	3782	3919
Number of Polish Pilgrims in relation to all Pilgrims	0,75%	0,99%	1,20%	1,16%	1,25%	1,44%	1,41%

Source: own work based on: <http://peregrinossantiago.es/esp/servicios-al-peregrino/informes-estadisticos/> [13.12.2017].

From 2005 to 2013, the increase in the number of pilgrims amounted to almost 196% (2004 is not taken into account because it was the so-called Holy Year, that is, when the Feast of Saint James the Apostle – July 25 – falls on Sunday; there is an increased number of pilgrims on the Way – similarly in 2010). In the case of the number of Polish pilgrims, the increase was much larger,

more than nine times more for the years 2005–2013 and almost eleven times more for the years 2004–2013. The percentage of Poles in relation to the total number of pilgrims is also clearly growing. From 2004, when they made up only 0,2% of all those who reached Santiago, to 1.4% in 2016.

In December 2017, it can be said that it will be the first time in history when the pilgrims' bid will amount to more than 300,000 [12], so it should be recognized that this increase in the number of pilgrims on the Way of od St. James will be even more dynamic.

The Internet as the main source of information about the Way of St. James

Tourist information is treated as one of the higher needs, and its need is felt in connection with the cultivation of various forms of tourism. It is included in non-economic measures affecting the development of tourism. It can be both paid and free. Not only the information itself is important, but also the way it is forwarded so that it can reach the recipient waiting for specific information [5, p. 208–209].

The upward trend in the number of pilgrims on the Camino de Santiago routes allows us to accept the thesis that the need for information on various parts of Camino is also growing, and because of the insufficient number of printed guidebooks in Polish, they are looking for other sources, the most popular of which is the Internet and the increasing number of pages about the Way of St. James.

The most popular websites about Camino de Santiago are (by google.com web positioning): caminodesantiago.com (since 2004) [11], mypielperzysi.pl (means in Polish “We, pilgrims”) [16], santiago.defi.pl [17] and caminodelavida.pl (means in Spanish „Way of life”) [10]. On these websites one can find general information about the trail, tips, and guide data. The caminodesantiago.pl website, which is really the basis of information published by pilgrims, seems to be very extensive and useful for the pilgrims. As part of this site there are guides for different routes of the Way, which, in the form of comments on individual daily Way parts, can be supplemented by website visitors. Thanks to this, information can be updated very quickly in accordance with the actual condition. Noteworthy is the possibility of free export of such a guide (along with complementary comments) to the pdf format and printout on a selected scale, suitable for a pilgrim.

Noteworthy are funpages and groups on the Facebook social network. The most popular Polish funpage is Camino de Santiago-Poland [13], which has

8113 likes of users in December 2017 (on May 20, 2015 it was 4386). Also: Group with the same name [15], which has 3326 members in December 2017 (20 May 2015 it was 1262 people), and Caminodelavida site [10] 3649 likes in December 2017 in relation to 1360 likes in May 2015. These are the places where pilgrims and potential pilgrims exchange information, doubts and ideas. The caminodesantiago.pl website described above operates on a similar principle. It is a C2C (consumer to consumer) interaction in which consumers (in this case, consumers of tourist services on the Way of St. James) inform each other about good and bad experiences connected with the use of services.

It can be observed that in two and a half years interest in such websites and groups on facebook has increased significantly, which is another confirmation of the need for information about the Way of St. James.

It is an increasingly popular form of information flow, recognized as more reliable than transferred in B2C (business to consumer), that is from the part of entrepreneurs to consumers. B2C may contain distorted information because of business goals of companies, such as sales results. Interest in information in the C2C flow was observed as a result of our own observations as part of running [facebook.com/camino.from.poland](https://www.facebook.com/camino.from.poland). Although the website is about a specific individual trip, the administrator has received several requests and questions about information on the pilgrimage along the Route of St. James. Such information is considered reliable, and users in such a situation are sure that they are treated in an individual way.

Conclusions

Insufficient number of guides in printed form about the Way of St. James led to the development of websites, forums, and groups on social networks, which could substitute, supplement and update the existing paper sources. The Polish traditions of pilgrimages and the growing interest of the Camino de Santiago among Poles influenced the increase in the number of publications on the nature of reportages, but not necessarily of a guide character. In this situation, in the era of the ever-greater digitization of the world, it should be recognized that the importance of online sources will grow, although the danger may be too much accumulation, which causes information noise and makes decisions difficult. Therefore, it is possible to increase interest in direct exchange of information in the C2C relation as a source of more reliable and more personalized information. The development of the Consumer2Consumer relationship was possible, among others, thanks to the low, until now, commercialization of the Way of St. James on the Polish market, although one

can notice a business element in this sphere of the tourist industry. Access to information is possible thanks to the social work of people interested in the subject of the Camino de Santiago and involved in the development of the Trail and increasing awareness of it in Poland.

Information that can be found through applications or via the Internet is more and more important in tourism, and the Way of St. James is no exception. Social media, online forums and applications for smartphones and tablets are developing very quickly, and their usefulness is also discovered by pilgrims. It seems that the development of new technologies is not a threat to the tradition of a centuries-old cultural route, but an opportunity for its further and greater development and increase in popularity among tourists in many European and non-European countries.

References

1. Białokrzyty, M., Mendyk, E. (ed.), *Droga św. Jakuba. Województwo Opolskie. Przewodnik Pielgrzyma*, Fundacja Wioski Franciszkańskiej, Janice, 2010.
2. Gać, J., *Szlak Francuski do Santiago de Compostela*, Bernardinum, Pelplin, 2011.
3. Iwański, Z., Kołaczkowski – Bochenek, A., *Santiago de Compostela. Przewodnik*, WAM, Kraków, 2011.
4. Jaworska, A., *Camino de Santiago. Tradycja i współczesność*, Petrus, Kraków, 2015.
5. Kruczek, Z., Walas, B., *Promocja i informacja w turystyce*, Proksenia, Kraków, 2010.
6. Oficina de Acogida el Peregrino, peregrinossantiago.es [13.12.2017].
7. Pilarz, Sz., *Camino de Santiago. Przewodnik dla pielgrzymów*, WAM, Kraków, 2016.
8. Suchecki, K., *Integracja europejska, a rozwój turystyki na Szlaku św. Jakuba* [in:] P. Roszak, F. Mróz (ed.), *Droga do Composteli – przeszłość i teraźniejszość*, Czuwajmy, Kraków, 2016.
9. *Żytańska Droga św. Jakuba. Droga św. Jakuba Gniezno – Zgorzelec – Praga. Część południowa*, Fundacja Wioski Franciszkańskiej, Janice, 2010.
10. caminodelavida.pl [15.12.2017].
11. caminodesantiago.pl [13.12.2017].
12. facebook.com/caminodelavida [15.12.2017].
13. facebook.com/CaminoPolska [13.12.2017].
14. facebook.com/camino.from.poland [13.12.2017].
15. facebook.com/groups/CaminoPolska [13.12.2017].
16. myPielgrzymi.com [13.12.2017].
17. santiago.defi.pl [13.12.2017].
18. swjakub.pl [13.12.2017].

Ксенія Тарасевіч
(Беларусь)

РЭКЛАМНАЯ ФУНКЦЫЯ АФАРМЛЕННЯ БЕЛАРУСКАМОЎНЫХ МАСТАЦКІХ КНІГ: АСНОЎНЫЯ ТЭНДЭНЦЫІ РАЗВІЦЦА

The article deals with the main trends in the field of promotion and art of Belarusian-language fiction books. The following negative domestic book market trends were highlighted: an annual reduction in the number of fiction titles, consistently low percentage of Belarusian-language books at the domestic market, reduction of readers' and publishers' activity. The possible solutions to these problems are more activities aimed at promoting reading in the Belarusian language as well as more efficient use of the advertising function of book elements laid down in its very nature. Among them, there are information components (f. щ089ex. text blocks on the cover and some pages of the book); decoration elements (illustrations, the author's portrait, etc.); construction components (book jacket, format, etc.); extra-elements (promotional calendars, book-marks, CD-ROM with an audio version, etc.).

На сённяшні дзень развіццё беларускамоўнай мастацкай літаратуры ў агульнай сістэме айчыннага кнігавыдання адбываецца ў няпростых умовах. Фарміраванне галіны абумоўлена наступнымі існуючымі на кніжным рынку тэндэмамі.

1. Зніжэнне агульнай выдавецкай актыўнасці. Нягледзячы на тое што агульны працэнт актыўных выдаўцоў за апошнія пяць гадоў нязначна павысіўся (з 63,1% у 2011 г. [4] да 63,9% у 2016 г. [6]), працягваецца зніжэнне ліку арганізацый, якія выпускаюць у год больш за 10 найменняў кніг. Так, калі ў 2011 г. такіх прадпрыемстваў было 144, у 2016 г. іх колькасць упала да 126 [4, 6].

2. Зніжэнне аб'ёмаў выдання мастацкай літаратуры па найменнях і тыражах на фоне павелічэння колькасных паказчыкаў вучэбнага кнігавыдання. Сёння мастацкія творы займаюць толькі 6% агульнага выпуску выданняў [6] (у параўнанні з 16,9% у 2011 г. [5, с. 39]). У той жа час тыражы вучэбнай літаратуры з 2011 г. паступова павялічваліся і ў выніку дасягнулі 51% (84,8% усіх беларускамоўных кніг) [8].

3. Стабільна невысокі працэнт беларускамоўных выданняў на айчынным рынку. Нягледзячы на падвышэнне паказчыкаў у 2015 і 2016 гг., кнігі на нашай роднай мове складаюць усяго 11,7% агульнай колькасці назваў і 16,2% па тыражах [8].

4. Падзенне сацыяльнага і культурнага прэстыжу чытання. Найхутчэй працэс адбываецца ў моладзевым і падлеткавым асяроддзі (хоць сярод студэнцкай моладзі кніга не губляе сваёй актуальнасці) [2, с. 112]. Апытанне, праведзенае ў Беларусі ў 2012 г., выявіла: траціна насельніцтва ніколі не бярэ ў рукі кнігу [7].

У такіх умовах далейшае развіццё нашага кнігадруку нам бачыцца ва ўзмацненні папулярнасці выданняў на роднай мове. Сёння ў сваёй дзейнасці айчынным выдаўцы факсіруюцца больш на знешніх маркетынгавых мерапрыемствах (прэзентацыі, рэклама ў інтэрнэце і СМІ, конкурсы, акцыі і інш.). Аднак адсутнасць належнага дзяржаўнага фінансавання галіны, асабліва прыватных выдавецтваў, што складаюць вялікую частку айчыннага кніжнага рынку (каля 60% [11]), малая актыўнасць сродкаў масавай інфармацыі ў асвятленні выдавецкіх будняў і пэўная недакладнасць у статыстычнай апрацоўцы даных пра стан айчычнай кніжнай сферы падштурхоўваюць многія выдавецкія арганізацыі да пошукаў новых, нетрадыцыйных спосабаў прасоўвання сваёй прадукцыі на рынак. На нашу думку, найбольш эфектыўным з іх можа стаць правільнае выкарыстанне рэкламнага патэнцыялу ўнутраных элементаў кнігі, закладзенага ў саму прыроду друкаванага выдання, бо, як вядома, высокая культура кнігі з'яўляецца адным з найважнейшых фактараў яе поспеху [1, с. 64].

Замежныя і айчыныя спецыялісты па-рознаму падыходзяць да тыпалогіі семіятычных элементаў выдання, але згаджаюцца ў адным: актыўнае выкарыстанне рэкламнага складніку афармлення кніг дазваляе вылучыць яго ў асобны тып кнігавыдавецкай рэкламы нароўні з аптовай, спажывецкай і сумеснай [10, с. 841]. Перш за ўсё варта размежаваць тэрміны «складнік кнігі» і «складнік рэкламы кнігі». Пад **складнікамі кнігі** мы будзем разумець знешнія і ўнутраныя элементы, што непасрэдна ствараюць выданне. Так, у межах дадзенага артыкула мы разгледзім **вокладку** (элемент канструкцыі). **Складнік рэкламы кнігі** – гэта той элемент, які непасрэдна ўплывае на жаданне спажывецка набыць кнігу. Згодна з прадстаўленымі відамі інфармацыі, складнікі рэкламы кнігі могуць быць **інфармацыйныя** (тэкставыя блокі ў межах кнігі і на вокладцы: імя аўтара і назва кнігі, анатацыя, цытаты з твора, рэкламныя слоганы і інш.; асобныя старонкі: рэклама іншых кніг серыі), **сімвалічныя** (ілюстрацыі, партрэт аўтара, выдавецкая марка і г.д.) і **фактурныя**

(розныя тыпаграфскія рашэнні) [10, с. 845]. У той жа час па-за межамі тыпалогіі застаюцца **дадатковыя ўкладкі** (рэкламныя календары, закладкі, CD-дыск з аўдыяверсіяй і да т.п.), што ў працах даследчыкаў згадваюцца толькі мімаходзь. Між тым, на нашу думку, яны ў нейкай ступені таксама ўваходзяць у канструкцыю выдання і таму не мусяць разглядацца асобна.

Такім чынам, вокладка будзе разгледжаная не як рэкламны складнік, а як прастора, што іх утрымлівае. Асобна засяродзім увагу на жанры анатацы, якая раней была выключна інфармацыйным тэкстам, а сёння, на наш погляд, з'яўляецца адным з найважнейшых сродкаў рэкламавання кнігі. Мэта ж даследавання – раскрыць рэкламны патэнцыял складнікаў кнігі і магчымасці яго рэалізацыі ў маркетынгавай дзейнасці айчынных выдавецкіх арганізацый.

Вокладка кнігі і супервокладка – найбольш актыўная тэрыторыя з пункту гледжання рэкламнага напаўнення афармлення [10, с. 845]. Дзіця сацыяльна-эканамічнага і прамыслова-тэхнічнага развіцця грамадства XV–XVI стст., яна ад самага пачатку свайго існавання мела за мэту персаналізацыю кнігі. Сёння падчас афармлення вокладкі выдаўцы кіруюцца яе эстэтычнай функцыяй, часта забываючыся на апырэчны рэкламны складнік. Між тым якаснае спалучэнне стылю і рэкламы дапаможа павысіць агульную культуру выдання і стварыць адпаведны «парадны ўваход у кнігу».

У беларускай выдавецкай практыцы сёння існуюць розныя падыходы да афармлення вокладкі. Першы – традыцыйны, які захаваўся яшчэ з савецкіх часоў, – выкарыстанне абстрактных выяў, звязаных са зместам твора (перавыданні твораў У. Караткевіча «Каласы пад сярпом тваім» (1998), «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» (1998), І. Навуменкі «Гасцініца над Прыпяццю» (1994), А. Макаёнка «Выбачайце, калі ласка» (1992)). Гэтая ж выява, толькі паменшаная, альбо іншая, вельмі падобная па стылістыцы, часта размяшчаецца на другой старонцы вокладкі (перавыданні рамана «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» 1998 і 2007 гг.). Як бачым, у такім выпадку галоўным рэкламным элементам з'яўляецца акурат ілюстрацыя; у серыйных выданнях пэўную рэкламную функцыю выконвае і лагатып серыі. Афармленне тэкставых блокаў не адрозніваецца самабытнасцю: звычайныя шрыфтавыя і колерныя вылучэнні (паўтоўстае напісанне, павелічэнне кеглю, усе прапісныя), у асобных выпадках дапоўненыя віньеткамі. Часам для аздобы выкарыстоўваюцца цікавыя фактурныя рашэнні, напрыклад ціценне фольгай (аднак не так часта, як у савецкіх кнігах) на тытульных элементах (выданні ў серыях

«Мая беларуская кніга» і «Беларускі Кнігазбор»), а таксама на карашку (перавыданне рамана У. Караткевіча «Хрыстос прыязміўся ў Гародні» 2000 г.).

Другі падыход – імкненне да мінімалізму і перавагі сродкаў тыпаграфікі над ілюстрацыяй (кніга А. Макаёнка «Зацюканы апостал» (2006), выданні серыі «Мая беларуская кніга» (пачынаючы з 2015 г.), збор твораў І. Навуменкі (2015)). Асноўную рэкламную функцыю набываюць тэкставыя складнікі і лагатып серыі. Папулярнымі становяцца гульні са шрыфтамі, іх памерам, спалучэннем з дадатковымі элементамі (віньеткамі, лагатыпам і інш.), незвычайным размяшчэннем імя аўтара і назвы кнігі на вокладцы (перпендыкулярна ці пад вуглом). Варта заўважыць, што паэтычныя выданні часцей, чым праязныя і драматычныя, маюць нестандартны памер, набліжаны да «покетбукаў» (зборнікі М. Танка «Мой каўчэг» (1994), «Errata» (1996), «Абвяржэнне» (2012); «Нясвіжскі альбом» Францішкі Уршулі Радзівіл). У дадзеным выпадку гэта робіцца для падкрэслівання вартасці, элітарнасці змешчаных у кнізе твораў – і такі прыём для чытача натуральны. Выданні прозы і драматургіі ўсё ж часцей выходзяць у стандартным фармаце (60×90/16). Мяккая вокладка пакуль застаецца непапулярнай сярод беларускіх пакупнікоў, часцей за ўсё паэтычныя кнігі, гэтак жа як праязныя і драматычныя, выходзяць у пераплёце. Можна сцвярджаць, што ў сьведомасці чытача – былога грамадзяніна СССР – стандартны фармат і наяўнасць пераплёту сведчаць аб якасці змешчанага ў кнізе твора [10, с. 846]. Мяккая вокладка, наадварот, асацыіруецца з нізкім грашовым і інтэлектуальным коштам прадукцыі. Напрыклад, пасля выхаду твораў У. Караткевіча ў фармаце покетбук (серыя «Мая беларуская кніга») некаторыя пакупнікі выказвалі жаданне набыць любімыя кнігі ў пераплёце [9; 12].

Змяніўся погляд і на анатацыю. Калі раней яна лічылася выключна інфармацыйным жанрам, то сёння ўсё часцей размяжоўваюць так званую даведчаную і рэкамендацыйную анатацыі. *Даведчаная анатацыя* ў сучасных беларускіх выданнях – неад’емная частка апарата кнігі. Існуюць розныя падыходы да яе напісання ў залежнасці ад чытацкай аўдыторыі, мэтавага прызначэння выдання – і нават яго матэрыяльнай канструкцыі. Першы – *спроба рэкламы твора*. Асабліва характэрны для тых выданняў, дзе з пэўных прычын (як правіла, праз адсутнасць дадатковых тэкставых элементаў у дызайне вокладкі) гэта адзіная магчымасць па ведаміць пра кнігу. Перад складальнікамі анатацый стаіць няпростая задача: такім чынам скамбінаваць інфармацыйны і рэкламны складнікі, каб аб’ектыўна ахарактарызаваць выданне і адначасова схіліць спажыўца да набыцця і прачытання кнігі. Аднак далёка не заўсёды гэта

атрымліваецца ўдала. Напрыклад, анатацыі да перавыданняў рамана У. Караткевіча «Каласы пад сярпом тваім» 1995–2002 гг. утрымліваюць наступную характарыстыку:

Кастусь Каліноўскі і трагічнае паўстанне 1863 года прыцягнулі ўвагу Караткевіча-празаіка. Пры ўсёй спрэчнасці аўтарскіх трактовак і палажэнняў такой шырыні ахопу вызначанай гістарычнай эпохі яшчэ не было ў беларускай прозе.

Ідэнтычныя характарыстыкі і ў другіх тамах двухтомных выданняў:

Другая кніга «Сякера пры дрэве» – працяг рамана У. Караткевіча «Каласы пад сярпом тваім».

Першая анатацыя адпавядае стандартам па аб'ёме, размяшчэнні і дапаўненні даных бібліяграфічнага апісання (далей – БА). У той жа час падобная фармулёўка не раскрывае дакладна час дзеяння (падзеі рамана адбываюцца ў 1863 г., раней ці пазней), галоўных герояў (у цэнтры аповеда знаходзіцца Аляксандр Загорскі, а не Кастусь Каліноўскі), няма ніякай інфармацыі пра тэму твора і перыяд, калі ён быў напісаны, чытацкі адрас. Выдавец спрабуе прыцягнуць увагу патэнцыйнага пакупніка ўнікальнасцю рамана з пункту гледжання шырыні ахопу гістарычнай эпохі (якой «*яшчэ не было ў беларускай прозе*»), аднак у той жа час робіцца акцэнт на спрэчнасці аўтарскіх трактовак і палажэнняў, што, з аднаго боку, адпавядае патрабаванням ДАСТу адносна аб'ектыўнай характарыстыкі выдання, а з другога боку, можа збярэжыць чытача. Недасканалая з пункту гледжання маркетынгу з'яўляецца таксама анатацыя да другога тома, бо яна дубліруе даныя бібліяграфічнага апісання і не дае ніякай дадатковай інфармацыі пра змест выдання ў выглядзе тэксту. Між тым, згодна з патрабаваннямі, яна павінна картава характарызаваць выданне ў цэлым і чарговы том асобна [3, с. 5].

Другі падыход да напісання даведачнай анатацыі – *наведанне пра змест кнігі*. Такія анатацыі афармляюцца па адным шаблоне і ўтрымліваюць наступную інфармацыю: імя аўтара, гады жыцця (не заўсёды), змест выдання, чытацкі адрас (таксама не заўсёды). Яскравы прыклад – анатацыя да зборніка твораў У. Караткевіча «Чазенія», выдадзенага ў межах серыі «Мая беларуская кніга»:

У кнігу выбраных твораў Уладзіміра Караткевіча (1930–1984) увайшлі паэма «Чазенія» і празаічныя творы малой жанравай формы.

Для шырокага кола чытачоў.

Як бачым, мова яе сухая і безэмацыйная, сам тэкст, хоць і адпавядае патрабаванням ДАСТаў адносна пазнакі чытацкага адрасу, літаратурнага жанру, перыяду творчасці аўтара і аб'ёму тэксту, не ўтрымлівае інфармацыі пра асноўную тэму і праблему твора, месца і час апісаных у

кнізе падзей, а таксама часткова паўтарае звесткі бібліяграфічнага апісання (аўтар і назва галоўнага твора тома). Хоць у дадзеным выпадку гэта кампенсуецца разгорнутай рэкламнай анатацыяй на апошняй старонцы вокладкі.

Трэці падыход – *кароткая характарыстыка выдання*. Звычайная, даўжынёй у адзін-два сказы, мовай яна такая ж сухая, як у папярэднім варыянце, і ўтрымлівае апісанне, мала зразумелае без БА. Так, у выданні І. Шамякіна «Сэрца на далоні» 2007 г. бачым: «Перавыданне вядомага рамана, прысвечанага жыццю гарадской інтэлігенцыі». Дадзеная анатацыя абсалютна не адпавядае адзначаным вышэй патрабаванням ДАСТу і, больш за тое, у прааналізаваным выданні з’яўляецца адзінай крыніцай інфармацыі пра кнігу. Між тым твор пабачыў свет у серыі «Школьная бібліятэка», таму значна пашыранае, цікавае зместам, метафарычнае апісанне было б больш дарэчы для юнага чытача, які ў межах школьнай праграмы з гэтага твора толькі пачынае сваё знаёмства з літаратурнай спадчынай І. Шамякіна.

На жаль, анатацыі другой і трэцяй груп у сучасных беларускіх выданнях сустракаюцца часцей, чым першыя. І часта ў кнізе яны не дапаўняюцца тэкставымі паведамленнямі на вокладцы ці іншымі элементамі апарата. Шырокае выкарыстанне такіх тэкстаў паступова фарміруе шаблоны падыход да напісання даведачнай анатацыі, што перашкаджае фарміраванню новага, сучаснага погляду на творы беларускай літаратурнай спадчыны. Між тым даследчыкі адзначаюць: сухая і чэрствая анатацыя, напісаная казённай мовай, тая, што яшчэ можа ў нейкай ступені задавоільць спецыяліста на вузкаспецыяльную кнігу, ніяк не падыходзіць да літаратурна-мастацкіх твораў [10].

Рэкамендацыйная анатацыя ў сучасных беларускіх выданнях пакуль выкарыстоўваецца не вельмі актыўна, хоць тыповая для еўрапейскага кнігадруку тэндэнцыя – размежаванне чыста даведачнай і чыста рэкамендацыйнай анатацыі, якая была папулярная ў нашай краіне ў 1980-х гг., вяртаецца на беларускі рынак. Між тым якасная анатацыя на вокладцы спрашчае доступ чытача да цікавай яму інфармацыі і дапамагае вызначыцца з выбарам.

Тэкст на вокладцы рэгламентуецца выключна існуючай традыцыяй і эстэтычным густам стваральнікаў кнігі, таму падыходы да яго напісання могуць быць рознымі. Найбольш характэрныя для беларускага кнігадруку тры:

1. *Мастацкае пераасэнсаванне* змешчанага ў кнізе твора. Звычайна з’яўляецца тэкстам асацыятыўным, яго галоўная мэта, хутчэй, у стварэнні

адпаведнага настрою, а не ў аб'ектыўным паведамленні пра асаблівасці зместу. Такія анатацыі дасканалыя і самабытныя, па-за межамі кантэксту яны могуць успрымацца як паўнаватасныя мастацкія замалёўкі – і ў гэтым, на нашу думку, іх мінус, бо для раскрыцця іх рэкламнага патэнцыялу неабходная адпаведная сістэма каардынат (размяшчэнне на сайце аўтара ці выдавецтва, у адпаведных суполках у сацыяльных сетках і г.д.). Прыкладам наступны тэкст:

Ніколі не ведаеш, што чакае цябе за паваротам: выпадковы мінак, які раптам выявіцца Ктулху, ці нейкі іншы цуд, вусцішны і чароўны. Прыгожае ад страшнага часта адзяляе ўсяго адзін крок, які і робіць містычная, магічная і гатычная літаратура. Чалавека заўсёды вабіла дзівоснае і жахлівае – бо часам толькі халодны пот і мурашкі на скуры сведчаць пра тое, што ты яшчэ жывы...

Дадзенае паведамленне па-за кантэкстам не з'яўляецца да канца ўніверсальным: чытач бачыць маркеры «містычная, магічная і гатычная літаратура», якія дазваляюць абраць пэўны накірунак думкі. Аднак вылучаная вобласць усё адно вельмі шырокая, і, нават ведаючы, што перад ім рэклама кнігі, чытач без спасылкі не зможа здагадацца, прапануецца яму мастацкі твор ці публіцыстычны. Аднак на вокладцы зборніка містычнага апавядання «Вусцішны пакой» серыі «Бібліятэка “Прайдзі-света”» дадзена анатацыя выглядае арганічна і, тыпаграфічна аформленая ў адпаведнасці з агульнай дызайнерскай задумай, стварае адпаведны антураж.

2. *Інфармацыя пра аўтара.* Як правіла, размяшчаецца на апошняй старонцы вокладкі разам з партрэтамі творцы. Асабліва часта сустракаецца ў кнігах маладых аўтараў, яшчэ не вядомых шырокаму чытачу. Афармляецца шаблонна і звычайна ўключае характарыстыку прафесійнай дзейнасці (пісьменнік, паэт, эсэіст і г.д.), сціслыя біяграфічныя звесткі (з указаннем апублікаваных раней твораў і, калі датычыць, навуковай ступені) і суб'ектыўную адзнаку творчасці. У залежнасці ад пастаўленых мэт можа быць кароткай і дакладнай або пашыранай і вобразнай.

3. *Цытата* – як знешняя (меркаванне вядомага крытыка ці літаратуразнаўцы), так і ўнутраная (самыя яркавыя, на думку ўкладальніка, рэдактара ці аўтара, радкі асноўнага тэксту). Унутраная цытата, гэтак жа як і мастацкае пераасэнсаванне, працуе на стварэнне адпаведнай атмасферы, дапамагае, хутчэй, «адчуць» напісанае і лепш яго зразумець. Таксама гэта можа быць непасрэдным каментарый з боку аўтара. Так, на вокладцы перавыдання твораў Я. Брыля бачым:

...Для гэтай кнігі я аддаў свайму герою многае з перажытага. А ўсё ж яна – «не аўтабіяграфія, а – біяграфія адной душы», расказ пра яшчэ адзін шлях да святла...

Янка Брыль

Знешняя цытата выкарыстоўваецца для надання вагі кнізе. Ва ўяўленні чытача станоўчыя водгукі вядомых людзей ці арганізацый з'яўляюцца гарантам якасці змешчанага ў кнізе твора. Аднак у сучаснай айчыннай выдавецкай практыцы, на жаль, часам яшчэ сустракаецца шаблонны падыход і да такіх відаў анатацыі: без уліку мэтавага прызначэння і новых рэалій для вокладкі бяруцца даўнія выказванні нашых класікаў, што на момант перавыдання ўжо з'яўляюцца не да канца актуальнымі і патрабуюць перапрацоўкі. Такую сітуацыю назіраем у перавыданні рамана І. Навуменкі «Сасна пры дарозе» 1991 г., дзе аўтар анатацыі, Іван Шамякін, робіць акцэнт на «выразнай класавай і партыйнай накіраванасці» твораў І. Навуменкі.

Такім чынам, у станаўленні рэкламнай функцыі кніжнага афармлення назіраюцца як станоўчыя, так і адмоўныя тэндэнцыі. З аднаго боку, мінімалізм у афармленні вокладкі і ўнутраных элементаў, усё больш смелыя эксперыменты з прасторай кнігі сведчаць пра паступовы адыход ад савецкіх канонаў і набліжэнне беларускага кнігадруку да еўрапейскага кантэксту. Таксама ўсё часцей з'яўляюцца спробы размежаваць чыста інфармацыйныя і рэкламныя тэкставыя складнікі з адпаведным афармленнем, што адпавядае сусветным традыцыям. У той жа час у кніжным афармленні ёсць яшчэ пэўныя рэзервы, якія могуць быць раскрыты. Як бачым, у большасці выпадкаў рэкламны патэнцыял выражаецца менавіта праз тэкставыя элементы. Аднак сёння мы амаль не сустракаем на вокладцы цытаты, слоганы, мала выказванняў крытыкаў, якія між тым нароўні з імем аўтара і назвай твора могуць «прадаваць» кнігу, асабліва маладога аўтара. З іншага боку, вялікая колькасць тэксту значна ўскладняе ўспрыняцце вокладкі чытачом – і тут вялікую ролю можа адыграць супервокладка, якая не толькі дапаможа рэкламе кнігі, але і захаве яе ад пашкоджанняў. Усё яшчэ досыць часта сустракаецца шаблонны падыход да напісання суправаджальных тэкстаў, асабліва ў перавыданнях беларускіх класікаў. Між тым такія анатацыі могуць быць на момант выхаду перавыдання ўжо неактуальныя зместам або раскрываць яго недастаткова поўна. Варта памятаць, што якасна распрацаванае афармленне дазволіць падняць прэстыж беларускамоўнай кнігі ў беларускім грамадстве і свеце, заахваціць нашых аўтараў, асабліва маладых, да пашырэння айчыннай літаратурнай прасторы і стварэння новых твораў на роднай

мове, а таксама дапаможа выдавецтвам знізіць затраты на арганізацыю і правядзенне рэкламных кампаній.

Літаратура

1. Викулова, Л. Г. Издательский дискурс в системе общения «Автор – Издатель – Читатель» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2. С. 63–69.
2. Зылевич, Д. Современные издательские тенденции в области художественной литературы // Труды БГТУ. 2015. № 9. Издательское дело и полиграфия. С. 110–114.
3. Издания. Выходные сведения: ГОСТ 7.4–2009. Введ. 13.03.2009. Минск: Госстандарт, 2009. 27 с.
4. Справочно-аналитическая информация о деятельности отрасли СМИ и печати в 2011 г. / Министерство информации Республики Беларусь. Минск, 2012. 145 с.
5. Справочно-аналитическая информация о деятельности отрасли СМИ и печати в 2013 г. / Министерство информации Республики Беларусь. Минск, 2014. 122 с.
6. Печатный рынок Беларуси. Акценты года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.slideshare.net/arpshow/ss-70489126?smtNoRedir=1> Дата доступа: 12.03.2017.
7. Абрамович, П. Книга – в мусор. Почему белорусы перестали читать // Белорусский журнал. [Электронный ресурс]. 29 октября 2015. Режим доступа: <http://journalby.com/news/knigi-v-musor-pochemu-belarusy-perestali-chitat-492> Дата доступа: 12.03.2017.
8. Весялуха, М. За мінулае год у краіне зарэгістравана 9581 назва кніг // Звязда. [Электронны рэсурс]. 28 студзеня 2017. Рэжым доступу: <http://www.zviazda.by/be/news/20170127/1485532908-za-minuly-god-u-kraine-zaregist-ravana-9581-nazva-knig> Дата доступу: 11.03.2017.
9. «Дзікае паляванне караля Стаха» Владимир Короткевич // Издательство Попурри на OZ.by [Электронный ресурс]. – Код доступа: <http://oz.by/books/more10442037.html>. – Дата доступа: 02.02.2016.
10. Передний, Д.М. Реклама: место в оформлении книги // Электронный научный журнал «Исследовано в России». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2005/081.pdf> Дата доступа: 02.02.2016.
11. Статистика / Министерство информации Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mininform.gov.by> Дата доступа: 19.05.17.
12. Читать или не читать / Аля Покровская // Газета «Витебский курьер». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vkkurier.by/47795> Дата доступа: 23.05.2017.

Александра Комлева
(Российская Федерация)

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

The formation of civil society is the most effective means in fighting against corruption. The Russian Federation is implementing a national plan to combat corruption. However, it encounters a lot of difficulties. It is necessary to have international legal cooperation at the level of formation of civil society.

Вовлечение в процесс борьбы с коррупцией различных общественных объединений, независимых средств массовой информации является одним из самых эффективных инструментов противодействия коррупции.

Индекс восприятия коррупции, разработанный международной неправительственной организацией Transparency International, имеет в своей основе оценку возможности осуществления общественного контроля над государственными органами и процессов антикоррупционной деятельности, в том числе и со стороны средств массовой коммуникации (наряду с уровнем взаимодействия бизнеса с властями страны, прозрачностью государственной службы и государственных процедур, наличием в государстве системы антикоррупционного законодательства и соответствующей правоприменительной практики).

Следовательно, общественный антикоррупционный контроль, его наличие в стране и уровень признаются международным сообществом не только средством противодействия коррупции, но и мерой оценки демократичности государства.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. [1] отметил, что «борьба с коррупцией требует профессионализма, серьезности и ответственности, только тогда она даст результат, получит осознанную, широкую поддержку со стороны общества».

Одной политической воли государства недостаточно для успешной борьбы с коррупцией. Успех напрямую зависит от степени участия на-

селения, четко осознающего свою роль в антикоррупционной деятельности, свое право контролировать профессиональную деятельность сотрудников органов власти, требовать у них отчета о расходовании государственных средств, проверять их профессионализм и нравственные качества. Законодательного закрепления положения о том, что государственный служащий является слугой народа, наемным работником, недостаточно. Необходимо внедрить это в сознание людей, чтобы они стали полноправными и ответственными хозяевами страны.

В РФ с учетом норм международного законодательства в 2008 г. был разработан и принят федеральный закон «О противодействии коррупции» [2], двумя годами позже – Национальная стратегия противодействия коррупции [3], замененная в 2016 г. Национальным планом противодействия коррупции [4], в основе которого лежит развитие института общественного контроля.

Основой для реализации прав граждан и общественных организаций в этой сфере осуществления общественного контроля является федеральный закон РФ «Об основах общественного контроля в РФ» [5]. Он устанавливает организационные и правовые механизмы, способствующие участию граждан в контроле деятельности органов государственной власти. Это позволяет гражданской общественности проводить проверку, анализировать и оценивать издаваемые контролируруемыми органами акты и принимаемые ими решения.

Российское государство предоставляет институтам гражданского общества широкий спектр возможностей для активного участия в процессе противодействия коррупции.

Субъектами общественного антикоррупционного контроля в РФ являются:

- 1) общественные палаты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации;
- 2) общественные советы, сформированные при министерствах, федеральных службах и агентствах, находящихся под управлением президента и правительства РФ и осуществляющие общественный контроль деятельности указанного органа;
- 3) общественные наблюдатели;
- 4) комиссии по общественному контролю (создаются по инициативе Общественной палаты РФ, общественных палат субъектов РФ на уровне субъектов РФ и муниципальных образований);

5) граждане, их объединения, инициативные группы, некоммерческие негосударственные организации, действующие в общественных интересах.

Общественный антикоррупционный контроль включает в себя разнообразные формы участия граждан в противодействии коррупции.

1. **Общественный мониторинг** – систематическое наблюдение со стороны субъектов общественного контроля за соответствием деятельности объектов общественного контроля общественным интересам.

2. **Общественная экспертиза** – использование субъектами общественного контроля специальных знаний и опыта для исследования, анализа и оценки документов и материалов, касающихся деятельности объектов общественного контроля, на предмет их соответствия общественным интересам. Является наиболее ресурсоемкой и требует систематического привлечения и использования не только человеческих, но и финансовых и материальных ресурсов. При этом ресурсное обеспечение общественной экспертизы – задача самого общества, а не власти.

3. **Общественные слушания (обсуждение)** – реализация прав граждан на участие в процессе принятия решений органами государственной власти посредством публичного обсуждения проектов указанных решений, а также действующих нормативных правовых актов по вопросу их соответствия общественным интересам. Обязательным является участие в этих собраниях уполномоченных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления, представителей граждан, интересы которых непосредственно затрагиваются соответствующим решением.

4. **Общественная проверка (расследование)** – совокупность действий субъектов общественного контроля по сбору информации, установлению фактов и обстоятельств, касающихся деятельности объектов общественного контроля, в целях определения ее соответствия общественным интересам.

Практическим результатом общественного антикоррупционного контроля в качестве механизма противодействия коррупции является проведение проверки уполномоченными на то органами государственной власти всех событий и фактов коррупционного характера, выявленных и представленных власти и обществу по результатам их деятельности.

Все вышерассмотренные меры окажутся эффективными, только если коррупционная деятельность будет караться не одними юридическими законами, а станет морально неприемлема и осуждается всем обществом.

Уровень коррупции является своеобразным показателем нравственного состояния общества. Институты гражданского общества должны формировать правовую культуру и атмосферу неприятия коррупции, воспитывать в гражданах в целом антикоррупционное поведение. Для достижения этой цели необходимо осуществление таких мер, как оказание бесплатной юридической помощи гражданам, а также различные действия по повышению правовой культуры населения (например, организация бесплатных тематических семинаров по проблемным вопросам, интересующим граждан или разъясняющим порядок реализации принимаемых законов). Эффективной является также организация различных форумов, конференций, круглых столов, проводимых совместно с органами власти для выработки наиболее действенных механизмов противодействия коррупции.

Одним из основных способов закрепления антикоррупционных установок является антикоррупционная пропаганда с привлечением СМИ, предполагающая распространение и разъяснение правовых знаний о коррупционных правонарушениях, их последствиях, вариантах правовых решений, практиках использования, исполнения, применения антикоррупционного законодательства. Она может включать в себя публикацию цикла статей и репортажей, проведение пресс-конференций, ежегодного журналистского конкурса на лучшее освещение вопросов борьбы с коррупцией, конкурса на разработку проектов социальной рекламы антикоррупционной направленности и т.д.

В настоящее время международное сотрудничество в сфере противодействия коррупции в целом находится в стадии становления и является наиболее актуальным способом борьбы с данным явлением.

В России, как и во многих странах, гражданскому обществу не хватает ресурсов и самоорганизации для успешного противодействия коррупции. Государственная поддержка гражданского общества должна осуществляться на высшем политическом и международном уровне следующими методами: формирование соответствующей законодательной базы; поддержка гражданских антикоррупционных инициатив; способствование выработке международного стандарта антикоррупционного поведения, включающего различие между понятиями публичного интереса и личного интереса.

В борьбе с коррупцией самым сложным становится формирование такого сознания у каждой отдельной личности, когда нетерпимость к любым коррупционным действиям становится особенностью менталитета общества в целом. С этой целью международно-правовые нормы

и процедуры, направленные на противодействие коррупции, должны сочетаться с осуществляемыми государством образовательными, культурно-просветительными, научными, нравственно воспитывающими действиями.

Осуществление общественного контроля как части системного подхода к противодействию коррупции в рамках международного сотрудничества, четкая правовая регламентация деятельности органов государственной власти и обеспечение гласности являются действенными методами противодействия коррупции и ликвидации негативных последствий коррупционных схем.

Литература

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 года. Официальный сайт Президента Российской Федерации: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 03.04.2017) «О противодействии коррупции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.06.2017). Правовая система «Консультант Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
3. Национальная стратегия противодействия коррупции (утверждена Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 года № 460). Официальный сайт Президента Российской Федерации: <http://kremlin.ru/supplement/565>
4. Указ Президента Российской Федерации от 01.04.2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы». Официальный сайт Президента Российской Федерации: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40657>
5. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Правовая система «Гарант»: <http://base.garant.ru/70700452/>

Kanstantsin Piatrouski
(Lithuania)

THE ANTI-TAX AVOIDANCE DIRECTIVE AS A METHOD TO ENSURE BETTER PROTECTION IN THE TAXATION SECTOR

В работе детально анализируются и оцениваются правила, направленные против эрозии (размывания) налоговых баз на внутреннем рынке и предотвращающие вывод прибыли за пределы внутреннего рынка ЕС, предложенные в рамках Директивы об избежании уклонения от налогов.

“Tax fraud and tax evasion represents a huge problem and affects each and every European citizen. The problem knows no borders and can only be solved effectively with concerted, joint effort,” states the analysis of Tax policy in the EU conducted on behalf of the European Parliamentary Research Service [5; p. 4] as well as the introductory article in relation to the struggle against tax fraud and tax evasion with the eye-catching headline “A huge problem.” Therefore, there arises the question why legislators have been thoroughly concentrated on combating this problem during the last decades on the national, EU and international level through different means – from conventions to Civil Society Organizations. However, as the current political priorities in international taxation highlight the need for ensuring that tax is paid where profits and value are generated [1; par. 1], combating tax fraud and tax evasion only is not enough: everything said previously concerning the negative effect of tax fraud and evasion is the same as tax avoidance. That is why international community started to build up a barrier against tax avoidance arrangements, and even more actively after the publication of concrete action recommendations in the context of the initiative against base erosion and profit shifting (BEPS) by the Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD) in 2013. As far as the European Union is concerned, the European Council has welcomed this work, and after the release of the final reports on the 15 OECD Actions against BEPS on 5 October 2015, the Council stressed the need to find common, yet flexible, solutions at the EU level consistent with OECD BEPS conclusions [1; par. 1]. Thus, relying on the instruments and mechanisms created to combat tax fraud and tax evasion, investigations and findings on the

EU level were made, and the Commission's ambitious agenda for fairer, simpler and more effective corporate taxation in the EU was created with the Anti-Tax Avoidance Directive as a part of it.

"Once implemented, this legislation will put an end to the most common loopholes and aggressive tax planning schemes currently used by some large companies to avoid paying their fair share of tax," the European Commission ambitiously stated in its press release concerning the agreement on ATAD [6]. The objective of Anti-Tax Avoidance Directive is to lay down rules against the erosion of tax bases in the internal market and the shifting of profits out of the internal market, provided that these rules should not only confront corporate tax avoidance practices but also avoid creating other obstacles to the market, such as double taxation [1; par. 5], though it potentially gives rise to double taxation in a number of cases. The Directive applies to all taxpayers that are subject to corporate tax in one or more Member States and provides a minimum level of protection presuming that it does not preclude the application of domestic or agreement-based provisions aimed at safeguarding a higher level of protection for domestic corporate tax bases [1; Art. 1,3].

The Anti-Tax Avoidance Directive similar to other initiatives of the Anti-Tax Avoidance Package reflects the standards developed by the OECD under the base erosion and profit shifting Action Plan, as the Directive requires all Member States to enact laws that largely implement this plan, in particular, on interest limitation rules, hybrid mismatches and controlled foreign companies. However, two more original rules were enacted under ATAD as well, which are measures on exit taxation and a general anti-abuse rule. The Proposal for ATAD initially contained the switch-over clause, but it was dropped later in the compromise agreement [6]. These rules are basically aimed at operating between the Member States; however, some of them, in particular on controlled foreign companies and exit taxation, may apply in relation to third countries as well.

The first "Interest limitation rule" is designed to discourage groups of companies from creating artificial debt arrangements for taxes minimization. In order to explain why this rule is necessary for fair and efficient corporate taxation, the following example could be provided: A group of companies sets up a subsidiary in a no-tax third country, which then provides a loan with a high interest to another company in the group located in any of the EU Member State where interest payments are tax deductible or taxed at a low rate. As a result, the EU-based company must pay tax deductible or taxed at a low rate high interest to the subsidiary. While doing it, taxable income in the Member State is reduced and at the same time the corresponding interest income is

not taxed in the third country, where a subsidiary was set up either. Thus, the group of companies reduces its overall tax burden as it pays less tax by shifting profits in loan arrangements between its companies. In order to make it less attractive for companies to use such schemes with the intent to minimize their taxes the Directive limits the amount of deductible exceeding borrowing costs in the tax period in which they are incurred up to 30% of the taxpayer's earnings before interest, tax, depreciation and amortization (EBITDA) [1; Art. 4, par. 1]. The Directive provides for a number of optional derogations from the above general rule. In particular, Member States may, but are not obliged to: allow taxpayers to deduct exceeding borrowing costs an amount of EUR 3.000.000 for the entire group; allow full deduction of exceeding borrowing costs for standalone entities and etc. It is quite clear that the rule would have a different impact in Member States, as first of all investment flows to some countries might change and, secondly, some states would have to make more changes to their existing corporate tax regimes in the sphere of tax deduction than others. In particular, it would mostly affect small countries with flexible and permissive rules while the big ones with already elaborate rules would have to introduce only minor changes. But though the interest limitation rule leaves much less free space for maneuver for groups of companies in terms of interest abusing than the existing rules in some countries, like the Lithuanian thin capitalization rule with the ratio of 4:1 while interest in excess of this ratio is non-deductible, if the paying entity cannot demonstrate, the same loan would have been granted under the same circumstances by an unrelated party, which is only applicable to the controlling entity (i.e. possess more than 50% of the Lithuanian debtor's capital or at least 10% of the mentioned capital and at the same time, together with related persons, possessing more than 50%) and to group company [3], ATAD rule is more strict and, therefore, more effective in combating artificial debt arrangements creation purely for taxes minimization, and furthermore, while Member States' legislation on this matter would be unified, fewer loopholes for aggressive tax planning schemes will be left. And though for the time present, there are some questionable issues, observed above, probably in practice everything will turn out to be without any flaws, and any existing drawbacks will be amended.

For a few years already, the Commission has continued to stress the importance of exit taxes, which would ensure that a State is able to tax the economic value of any capital gain created on its territory even in such cases where gain has not yet been acquired at the time of the exit, when a taxpayer moves assets or its tax residence out of the tax jurisdiction of the State. Here is an example to illustrate how the exit taxes mechanism could be applied in practice: a bio-

medical engineering company based in a EU Member State develops a new technology or product with a bright future and deducts costs of this development from its taxable profits in that state. Then it moves this technology or product to a third no-tax country or with a low tax, while applying for a patent there. And here we see the situation where all value generated on the intellectual property of this product now comes untaxed. However, with the exit tax the situation described is unlikely to happen as the member state of technology or product development can tax the company on the value of this product before it will be moved abroad. Thus, briefly concluding, exit taxation rules are to prevent tax base erosion with tax jurisdiction transfers without any ownership change. That is why the Directive provides that the market value of the assets involved in the transfer, less their tax value for tax purposes shall be taxed when a taxpayer: transfers assets either from a head office to its permanent establishment in another Member State or in a third country or from the permanent establishment to the head office or permanent establishment in another Member State or in a third country; transfers its tax residence to another Member State or to a third country except to the extent that they remain connected with a permanent establishment there; transfers the business carried on by the permanent establishment to another Member State or to a third country.

Controlled foreign company rule (CFC) introduces a way to remove the possibility of the relevant juridical subject to transfer its assets to a jurisdiction with low taxation or no taxation at all [5; p. 5]. The core principle behind the controlled foreign company concept is that the income of such an acknowledged body is to be included in the tax base of the taxpayer (controlling company). The company is to be considered controlled if an entity, the taxpayer by itself, or together with its associated enterprises holds a direct or indirect participation in more than 50 percent of the voting rights, or owns directly or indirectly more than 50 percent of the capital or is entitled to receive more than 50 percent of the profits of that entity; or if the actual corporate tax paid on its profits by the entity or permanent establishment is lower than the difference between the corporate tax that would have been charged on the entity or permanent establishment under the applicable corporate tax system in the Member State of the taxpayer and the actual corporate tax paid on its profits by the entity or permanent establishment. On the other hand, the directive establishes two alternative conditions, according to which the company may be excluded from the list of controlled companies by the Member States. First of all, if an entity has accounting profits of no more than EUR 750 000, and non-trading income of no more than EUR 75 000; secondly, if the company

has accounting profits amount no more than 10 percent of its operating costs for the tax period [1; Art. 7].

The income, which is to be included in the tax base of the taxpayer, must be calculated in accordance with the rules of the corporate tax law of the Member State where the taxpayer is situated or a resident for tax purposes, that is non-distributed income of the entity or the income of the permanent establishment, which is interest or any other income generated by financial assets; royalties or any other income generated from intellectual property; dividends and income from the disposal of shares; income from financial leasing; income from insurance, banking and other financial activities; income from invoicing companies that earn sales and services income from goods and services purchased from and sold to associated enterprises, and add no or little economic value. In addition to this, if the non-distributed income of the entity or permanent establishment arising from non-genuine arrangements which have been put in place for the essential purpose of obtaining a tax advantage, the income to be included in the tax base of the taxpayer shall be limited to amounts generated through assets and risks which are linked to significant people functions carried out by the controlling company. The attribution of controlled foreign company income in that case shall be calculated in accordance with the arm's length principle [1; Art. 7,8].

The next one is the rule set to effectively combat against hybrid mismatches, which are the consequence of differences in the legal characteristics of payments or entities in result of two legal systems interaction, used by taxpayers engaged in cross-border activities to reduce their overall tax liability, which harms competition, economic efficiency, transparency and fairness. Here is an example of how measures against hybrid mismatches are supposed to work: a group of companies operating in two EU Member States creates a new entity in one of them. The two states view this hybrid entity differently for tax purposes resulting in a mismatch. Meantime the entity exploits these differences in tax treatment and borrows money on behalf of the group and pays interest on the loan, but as there is a mismatch, legislation of both Member States provides an opportunity for tax deduction for this interest payment and the entity avoids taxation in both states. However, with the hybrid measures proposed in the Directive, the mismatch will not allow for this interest payment to remain untaxed and that is how the income will be properly and effectively taxed within the EU. The rule itself is about two situations: where a hybrid mismatch results in a double deduction; and where a hybrid mismatch results in a deduction without inclusion [1; Art. 9]. For the first situation the rule on hybrid mismatches established by the Directive provides that the deduction

shall be given only in the Member State where such payment has its source. As for the second, it states that the Member State of the payer shall deny the deduction of such payment.

The general anti-abuse rule aims at filling any national gaps in the tax legislation of the EU Member States, as it is established to deal with such abusive tax practices that have not yet been dealt with through specifically targeted provisions. It is quite certain that it lacks detailed descriptions and guidance, opposite to many of the already existing general anti-abuse rules in the EU Member States and accumulated amount of relevant practice. Therefore, it might not strengthen the level of protection against aggressive tax planning in the internal market but, in contrast, create risks of significant uncertainty for taxpayers as the rule goes along with many existing domestic versions.

Overall, some rules introduced under ATAD have some shortcomings or unclear moments: the interest limitation rule does not include any specified norm concerning banking and insurance sectors, further unification effect of this rule is doubtful because of the effective date of implementation of the rule and the vague provision on “equally effective to the interest limitation rule”; rules against hybrid mismatches apply only between EU Member States, as third countries are excluded out of the scope, and also outline only the most widespread forms of hybrid mismatches; the general anti-abuse rule lacks detailed descriptions and guidance creating risks of significant uncertainty for taxpayers as the rule goes along with many existing domestic versions. What is positive, as all these rules stay united, they complement each other the way the pluses overcome minuses. Thus, the coherent system where each rule supports another to tackle risks imposed by aggressive tax planning arrangements is established. However, it is difficult yet to tell, whether the European Commission was right with its statement: “once implemented, this legislation will put an end to the most common loopholes and aggressive tax planning schemes currently used by some large companies to avoid paying their fair share of tax”.

Anyway, there are a lot of possibilities of how to improve the existing Anti-Tax Avoidance Directive, and also new policies and approaches are introduced on the European Union level as well as under the OECD, for example, Proposal for a Directive amending Directive (EU) 2016/1164 (ATAD) as regards hybrid mismatches with third countries, or Public discussion draft: BEPS Action 4 – Approaches to address BEPS involving interest in the banking and insurance sectors. Therefore, though the Anti-Tax Avoidance Directive as it now has some loopholes and shortcomings, it is possible to conclude that as time goes more improvements will be made and hence the system to combat aggressive tax planning arrangements will improve.

However, it seems that the introduction of anti-tax avoidance rules is not the ultimate goal of the EU legislators, but rather a step on the ladder, as not long ago even a more ambitious proposal on a Common Consolidated Corporate Tax Base was launched, which, if accepted, may turn out to be even more effective in defense of Member States against base erosion and profit shifting from both EU countries and non-EU countries. Thus, the author believes, that the implementation of a Common Consolidated Corporate Tax Base will finish the work started with the implementation of anti-tax avoidance rules under the Anti-Tax Avoidance Directive.

References

1. Council Directive (EU) 2016/1164 laying down rules against tax avoidance practices that directly affect the functioning of the internal market, 2016 O.J. L 193/1.
2. European Commission. The Anti Tax Avoidance Package – Questions and Answers (Updated). Brussels, 2016.
3. Marcinkevičius, L. Corporate Tax Lithuania 2016 – International Corporate Legal Guide.
4. OECD (2013). Action Plan on Base Erosion and Profit Shifting. OECD Publishing, 2013.
5. PricewaterhouseCoopers. ECOFIN agrees EU-wide rules in Anti-Tax Avoidance Directive. PwC, 2016.
6. Proposal for a Council Directive COM/2016/026 final laying down rules against tax avoidance practices that directly affect the functioning of the internal market, 2016/011 (CNS).
7. Remeur, Cécile. Tax policy in the EU: Issues and challenges. European Union, 2015.

Ирина Понедельник
(Российская Федерация)

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ПРАВЕ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

World Trade Organization is the main universal mechanism for managing international trade with new challenges, in particular, interaction with other areas, e.g., environmental issues. Some WTO disputes concern not only international trade issues but also other related areas. The article discusses the concept of «sustainable development» in the WTO law, analyzes the practice of the WTO Dispute Settlement Body on the issues of interaction between the environment and trade.

Концепция «устойчивое развитие» является важной частью международных договоров и иных институтов международного права, касающихся вопросов охраны окружающей среды и природных ресурсов. Также данная концепция имеет непосредственное влияние на вопросы международного торгового права. В конце XX в. торговые отношения между странами начинают регулироваться не только в контексте двустороннего развития, но и на основе универсального механизма. «Таковым механизмом в международном торговом праве является право Всемирной торговой организации» [1, с. 187].

Работа в области взаимосвязи вопросов охраны окружающей среды и торговли в контексте ВТО началась в 1971 г., когда Секретариатом Генерального соглашения по тарифам и торговле было подготовлено исследование «Контроль над промышленным загрязнением и международная торговля». Также в 1971 г. создается Группа по мерам охраны окружающей среды и международной торговли, которая, согласно решению членов Генерального соглашения по тарифам и торговле, созывается только по их просьбе. «В следующий раз Группа созывается только через 20 лет, в 1991 году, для подготовки доклада для Конференции ООН по окружающей среде и развитию» [8].

В ходе переговоров Токио-раунда и Уругвайского раунда по рассмотрению первых споров по вопросам взаимодействия вопросов охраны окружающей среды и торговли (*United States – Restrictions on Imports of Tuna, not adopted, circulated on 3 September 1991*; *Thailand – Restrictions on*

the Importation of and Internal Taxes on Cigarettes, adopted on 7 November 1990; Canada – *Measures Affecting Exports of Unprocessed Herring and Salmon*, adopted on 22 March 1988; United States – *Prohibition of Imports of Tuna and Tuna Products from Canada*, adopted on 22 February 1982) в рамках Уругвайского раунда появляется специальный комитет – Комитет по торговле и окружающей среде (далее – Комитет).

В Марракешском соглашении о создании Всемирной торговой организации «устойчивое развитие» определяется как цель организации [4, Преамбула]. В декларации, принятой в Дохе, также была подтверждена «приверженность целям устойчивого развития, как указано в Преамбуле Марракешского соглашения» [2, с. 1]. Комитет в своих работах подтверждает, что свободная торговля может иметь место в контексте устойчивого развития. Для развивающихся стран снятие торговых ограничений может означать приток дополнительных доходов, которые целесообразно использовать в целях охраны окружающей среды. Также в ВТО, как показывает судебная практика, осуществляется работа по предотвращению использования экологических инициатив как «мероприятий по осуществлению скрытых торговых ограничений, направленных на уменьшение развития торговых отношений с развивающимися странами» [5].

Таким образом, для торгового права наиболее важны четыре части концепции: во-первых, третейская группа (ТГ) и Апелляционный орган принимают термин «устойчивое развитие» в его наиболее известной формулировке, предложенной в Повестке на XXI век; во-вторых, органы ВТО понимают «устойчивое развитие» как концепцию, а не принцип международного экологического права; в-третьих, концепция содержит понятие «объединение»; в-четвертых, концепция включает принцип социального развития наряду с экономическим и принципом охраны окружающей среды.

В настоящее время интересными для рассмотрения влияния концепции устойчивого развития на международное торговое право являются два дела, где Китайская Народная Республика выступает ответчиком: «*Китай – Меры, связанные с экспортом сырьевых материалов*» (*China – Measures Related to the Exportation of Various Raw Materials*) (далее – «Китай – Сырьевые ресурсы») и «*Китай – Меры, связанные с экспортом редкоземельных металлов, вольфрама и молибдена*» (*Measures Related to the Exportation of Rare Earths, Tungsten and Molybdenum*) (далее – «Китай – Редкоземельные металлы»).

В обоих делах оспаривались введенные Китаем экспортные ограничительные меры касательно сырьевых материалов и редкоземельных металлов, которые в свою очередь нарушали положения Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. (далее – ГАТТ 1994) и Протокола о присоединении Китая к ВТО. Решения по данным делам вызвали широкую дискуссию среди профессионалов, так как были связаны с различными видами важных минеральных продуктов и металлов, а также с вопросами по режиму ВТО, экспортными пошлинами и отношениями между Протоколом о присоединении страны к ВТО и соглашениями ВТО.

В деле «Китай – Сырьевые материалы» истцами выступали Европейский союз, США и Мексика, которые обратились в Орган по разрешению споров ВТО (далее – ОРС) с иском о введении Китаем экспортных мер, в частности экспортных пошлин, экспортных квот, требований по минимальным экспортным ценам и лицензиям. Таким образом, истец указывал на нарушение Китаем статей VIII, X, XI ГАТТ 1994 и § 11.3 Протокола о присоединении Китая к ВТО. Китай оспаривал меры в контексте заключения, определенного в статье XX (g).

ТГ в своем заключении интерпретировала термин «сохранение» и представила трехступенчатую позицию: во-первых, указала на важность суверенитета государства; во-вторых, ссылалась на различные международные договоры касательно охраны окружающей среды и признала, что принцип суверенитета государств над своими природными ресурсами позволяет государствам «свободно использовать и экспортировать их природные богатства и ресурсы так, как они желают, для своего прогресса и экономического развития» [7, п. 7.380]; в-третьих, провела взаимосвязь между принципом суверенитета и обязательствами по ВТО. Также ТГ было отмечено, что вступление в ВТО является как раз примером осуществления суверенитета государства, поскольку государства, вступая в ВТО, «получают ряд преференций коммерческих и институциональных, при этом обязуясь соблюдать права и обязательства согласно соглашениям ВТО» [7, п. 7.381–7.382]. Поэтому Китай должен соблюдать свои обязательства согласно подписанным соглашениям.

Толкуя пункт 11.3 Протокола о присоединении Китая, Апелляционный орган использовал «целостный подход» и подтвердил тезис ТГ о том, что Китай не может ссылаться на статью XX ГАТТ 1994 [7, п. 307].

Рассматривая дело «Китай – Редкоземельные металлы», можно указать на то, что меры и виды ресурсов в двух делах разные, однако правовые вопросы затрагиваются схожие. В марте 2012 г. ЕС и Япония подали

в ОРС иск на Китай, обвиняя его в установлении экспортных пошлин, квот и ограничений торговых прав, что нарушает статьи VII, VIII, X и XI ГАТТ 1994 и положения Протокола о присоединении Китая к ВТО. Китай указывал на то, что у него появились новые, отличные от дела «Китай – Сырьевые материалы» аргументы для защиты и что ТГ сможет провести «собственную независимую интерпретацию» [9, п. 7.53].

Однако в своем заключении ТГ подтвердила выводы о том, что, вступая в ВТО, государство обязуется выполнять принятые на себя обязательства, тем самым показывая свой суверенитет.

В своем отчете Апелляционный орган сделал тот же вывод, что и в деле «Китай – Сырьевые материалы», и признал, что Китай не может ссылаться на статью XX ГАТТ 1994. Апелляционный орган напомнил, что термин «сохранение» он интерпретирует в контексте «надлежащего равновесия между либерализацией торговли, принципом суверенитета государства над природными ресурсами и правом на устойчивое развитие» [6, п. 5.78].

Таким образом, в деле «Китай – Редкоземельные металлы» Китай, по видимому, надеялся, что Апелляционный орган изменит свою позицию по интерпретации статьи XX(g) ГАТТ 1994. Невозможность для Китая ссылаться на статью XX с целью оправдания использования экспортных ограничений окажет воздействие на управление природными ресурсами в данной стране.

В обоих делах Китай защищал введение экспортных требований экологическим исключением статьи XX (g) ГАТТ 1994, так как введенные требования были связаны с вопросами сохранения истощаемых природных ресурсов. ТГ и Апелляционная группа в обоих делах признали приоритет свободной торговли. Предлагается, чтобы при будущем рассмотрении дел ОРС ВТО должным образом учитывала экономическую реальность члена ВТО и концепцию устойчивого развития.

Как и другие международные организации, ВТО, выступая в качестве основного универсального механизма управления международной торговлей, сталкивается с новыми вызовами, в частности при взаимодействии с другими областями (например, сферой экологии). Некоторые споры затрагивают вопросы не только международной торговли, но и других смежных областей. Таким образом, необходимо определить баланс свободной торговли и другими принципами, несмотря на то что цели создания ВТО направлены на поощрение свободной торговли между членами этой организации. Проблема баланса взаимодействия

свободной торговли и других областей в будущих спорах потребует соответствующих компетенций от ТГ и Апелляционной группы.

Литература

1. Боклан, Д.С. Международное экологическое право и международные экономические отношения. М.: Магистр, Инфра-М, 2014.
2. Конференция Министров, Четвертая сессия Доха, 9–14 ноября 2001 г., принята 14 ноября 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iisd.org/pdf/2004/trade_doha_ru.pdf Дата доступа: 3 мая 2017 г.
3. Повестка дня на XXI век [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml Дата доступа: 3 мая 2017 г.
4. Соглашение о создании Всемирной торговой организации, Марракеш, 1994. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/marrakesh_decl_e.htm – Преамбула.
5. 4.1. ВТО и экологическое регулирование. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tradepol.hse.ru/programme4.9.1/> Дата доступа: 3 мая 2017 г.
6. Appellate Body Reports, *China – Measures Related to the Exportation of Rare Earths, Tungsten and Molybdenum*, WT/DS431/17, not adopted, circulated of 7 August 2014 – para. 5.78.
7. Appellate Body Reports, *China – Measures Related to the Exportation of Various Raw Materials*, WT/DS394/AB/R/WT/DS395/AB/R/WT/DS398/AB/R, adopted 22 February 2012 – para. 7.380.
8. Early years: emerging environment debate in GATT/WTO. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/envir_e/hist1_e.htm Дата доступа: 3 мая 2017 г.
9. Panel Report, *China – Measures Related to the Exportation of Rare Earths, Tungsten and Molybdenum*, WT/DS431/17/WT/DS432/17/WT/DS433/17 – para. 7.53.
10. United States – *Import prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products*, WT/DS58/AB/R, adopted 6 November 1998. Footnote 107.
11. United States – *Restrictions on Imports of Tuna*, not adopted, circulated on 3 September 1991; Thailand – *Restrictions on the Importation of and Internal Taxes on Cigarettes*, adopted on 7 November 1990; Canada – *Measures Affecting Exports of Unprocessed Herring and Salmon*, adopted on 22 March 1988; United States – *Prohibition of Imports of Tuna and Tuna Products from Canada*, adopted on 22 February 1982.

Дарина Парадник (Беларусь)

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: «ОТМЕНИТЬ» ИЛИ «ОСТАВИТЬ»?

The human right to life is the absolute value of world civilization. Nowadays the trend towards abolishing or reducing its application is typical of the entire world community. Belarus is the only country in Europe and the last in the Commonwealth of Independent States where death penalty is applied. The paper describes the arguments in favor of abolishing or retaining death penalty in the Republic of Belarus. It describes the types of crimes for which it is possible to apply death penalty. The lawfulness and character of death penalty in the legislation of the Republic of Belarus is studied as well as the international legal regulation of the issue. The possibility of an alternative to death penalty on the way to complete abolition of this type of punishment is considered.

Сегодня Беларусь – единственная страна в Европе и последняя из стран СНГ, в которой применяется смертная казнь как исключительная мера наказания за некоторые особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах. Большинство стран мира на сегодня отказались от применения смертной казни, так как это противоречит международно-правовым стандартам в области прав человека.

Право на жизнь закреплено в ст. 3 Всемирной декларации прав человека: «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» [1]. Отмену смертной казни устанавливает Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах [2]. В отношении наказания за международные преступления Устав Международного уголовного суда не содержит такого вида наказания, как смертная казнь, а в качестве самого сурового вида наказания выступает пожизненное лишение свободы [9].

Смертная казнь, являясь одним из древнейших институтов уголовного права, постоянно сопутствовала истории становления человечества. Изначально она возникла в ходе реализации принципа талиона: «око за око, зуб за зуб». В соответствии с этим принципом единственным объективным и справедливым наказанием за лишение жизни другого человека является смертная казнь виновного.

На сегодняшний день в Республике Беларусь многое сделано для ограничения применения смертной казни. В Конституции Республики Беларусь закреплён временный и исключительный характер смертной казни. Согласно ч. 3 ст. 24 Конституции смертная казнь до её отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда [3].

Параллельно с сужением сферы применения смертной казни расширялся круг лиц, которым не могло быть назначено это наказание. В соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь (УК) смертная казнь не может быть назначена лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, всем женщинам, а также мужчинам, достигшим ко дню постановления приговора 65 лет [8]. Кроме того, в январе 2015 г. вступили в силу поправки в уголовное законодательство: если обвиняемый заключил досудебное соглашение о сотрудничестве и помог следствию, то ему не может быть назначена смертная казнь.

Смертная казнь может быть назначена лишь за некоторые особо тяжкие преступления, сопряжённые с умышленным лишением жизни при отягчающих обстоятельствах:

- развязывание либо ведение агрессивной войны (ч. 2 ст. 122);
- убийство представителя иностранного государства (международной организации) в целях провокации международных осложнений в иностранном государстве (ч. 2 ст. 124);
- акт международного терроризма (ч. 3 ст. 126);
- геноцид (ст. 127);
- преступления против безопасности человечества (ст. 128);
- применение оружия массового уничтожения (ст. 134);
- умышленное убийство лиц в ходе нарушения законов и обычаев войны (ч. 3 ст. 135);
- умышленное лишение жизни при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 139);
- акт терроризма (ч. 3 ст. 289);
- заговор или иные действия с целью захвата государственной власти, повлекшие гибель людей (ч. 3 ст. 357);
- акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля (ст. 359);
- диверсия (ч. 2 ст. 360);
- убийство сотрудника органов внутренних дел (ст. 362) [8].

Статья 24 Конституции Республики Беларусь гласит: «Каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств». Право на жизнь и запрет пыток и другого жестокого обращения не могут быть ограничены даже в период чрезвычайного положения (ч. 2 ст. 63 Конституции Республики Беларусь) [3].

По нашему мнению, белорусское общество подошло к проблеме выбора – сохранить либо отменить смертную казнь. Необходимо взвесить аргументы «за» и «против» по вопросу отмены смертной казни в Республике Беларусь, так как данная проблема сложна и неоднозначна и ее нельзя решать, не руководствуясь реалиями жизни и игнорируя интересы граждан.

В качестве *аргументов против смертной казни* выступают следующие.

Аргумент первый – один из главных, который приводят правозащитники: судебная ошибка, необратимость смертной казни [12].

После исполнения приговора нельзя исправить судебную ошибку – вернуть жизнь человеку. В истории известно достаточно таких примеров. Один из них – дело Михаила Гладкого, ложно обвиненного и осужденного за убийство брата в 2002 г., что представляет собой пример грубой судебной ошибки. Михаил Гладкий в итоге не был приговорен к смертной казни (пять лет он провел в заключении и почти два года был занят на исправительных работах), но его дело наглядно свидетельствует о работе белорусской судебной системы, выносящей приговоры, основанные на самооговоре, без должного расследования дела. О том, что Михаил невиновен, стало известно спустя девять лет после его осуждения, когда задержали настоящего убийцу [12].

Аргумент второй: неэффективность данного наказания как средства предупреждения преступлений. Нет никаких доказательств, что смертная казнь имеет сдерживающий эффект, который будет более действенным, чем другие виды наказания [12]. Согласно ч. 2 ст. 44 УК, «уголовная ответственность имеет целью исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами» [8].

Аргумент третий: высшая мера не устанавливает справедливость относительно семей убитых. Последствия убийства не могут быть исправлены другим убийством [12]. Поддержка семей жертв важна во всех системах правосудия, но применение смертной казни мешает ее реализации. Правозащитник Гарри Погоняйло говорит: «В Беларуси продолжает действовать закон, касающийся еще советского периода, когда

при использовании исключительной меры наказания в виде расстрела труп казненного родственникам не выдают, о месте захоронения не сообщают. И таким образом пытаются сделать тайной и саму дату исполнения приговора, и где похоронен человек. Объясняют, что это делается для того, чтобы не было осквернения тела расстрелянного, который совершил тяжкие преступления. Комитет ООН неоднократно заявлял о том, что сама процедура смертной казни в Беларуси подпадает под признаки пыток и бесчеловечного отношения, как к самому казненному, так и к его родственникам» [11].

Аргумент четвертый: применение высшей меры наказания нарушает международные стандарты, так как не отвечает принципам Всеобщей декларации прав человека, которая предусматривает, что каждый человек имеет право на жизнь и никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению [12; 1]. Высшая мера наказания также противоречит мировой тенденции, которая дважды отмечена в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, призывающей к установлению всемирного моратория на приведение в исполнение смертной казни [5; 6].

С 1992 г. Беларусь является участницей Факультативного протокола к МПГПП, который дает право Комитету ООН по правам человека принимать к рассмотрению индивидуальные жалобы от лиц, осужденных белорусским судом [10]. Комитет имеет право в случае получения жалобы обратиться к белорусским властям об отсрочке исполнения смертного приговора. Однако, несмотря на протесты представителей Комитета, смертные приговоры даже по находящимся на рассмотрении в Комитете жалобам белорусские власти приводят в исполнение. Например, в 2014 г. в Беларуси были казнены П. Селюн и А. Горюнов, хотя они подали жалобы в Комитет и Комитет просил белорусские власти отложить исполнение их приговоров [11].

Проблема смертной казни затрагивает как правовые, так и нравственные, религиозные, этические и другие аспекты. Вместе с тем невозможно не учитывать и ряд аргументов в пользу смертной казни, которые имеют место в обществе.

Аргумент первый: смертная казнь является проявлением справедливости, что соответствует старинному принципу «смерть за смерть» [12]. Следует отметить, что обычай кровной мести был заменен публичным преследованием убийц еще в начале становления государства. Принцип «смерть за смерть» не может быть реализован самим гражданином, его исполнение находится в руках государства, которое уже до минимума

сократило сферу его действия. Применение смертной казни возможно, но совсем не обязательно, только за убийства, совершенные при наличии отягчающих обстоятельств. Только наличие некоторых обстоятельств является обоснованием смертной казни. Однако этот принцип устраняется из практики уголовных наказаний и действует только как исключение при определенных обстоятельствах [11].

Аргумент второй: смертная казнь имеет устрашающее воздействие на людей, помогает предупреждать совершение особо тяжких преступлений в будущем [12]. В пользу этого аргумента можно сказать, что применение смертной казни обусловлено необходимостью жесткой борьбы с наиболее опасными преступлениями. Его главной целью является общее и специальное предупреждение преступлений. Отменяя смертную казнь, государство сохраняет жизнь наиболее опасным преступникам, тем самым не гарантируя остальным гражданам безопасность, право на жизнь. Однако ни практика, ни научные исследования не выявили зависимости количества совершаемых особо тяжких преступлений от степени использования смертной казни и не определили уровень ее устрашающего эффекта. Существуют другие эффективные уголовно-правовые средства воздействия: наказание в виде пожизненного заключения либо лишение свободы, назначаемое на срок до 25 лет.

В плане профилактики смертная казнь не может выполнять решающую роль, поскольку она применяется только за квалифицированные виды убийств, соответственно, может предупреждать только этот вид преступлений, доля которых в общей массе незначительна.

Исполнение смертных приговоров в Беларуси осуществляется в обстановке строжайшей секретности. Об исполнении приговоров сообщают только близким родственникам. Представители СМИ постоянно сталкиваются с отказами в судах и правоохранительных органах, когда обращаются к ним с просьбой предоставить информацию по такого рода делам. Таким образом, аргумент, что смертная казнь может выступать как устрашение общества, и в этом смысле является обоснованным.

Аргумент третий: лишение свободы – слишком мягкое наказание для преступника, совершившего жестокое преступление [12]. Уровень применения лишения свободы в Беларуси остается достаточно высоким – более 30%. Законодательные нормы не позволяют системно внедрять в практику альтернативные лишению свободы меры уголовной ответственности. В свою очередь, применение лишения свободы в таких масштабах приводит к тому, что в обществе и государстве нивелируется серьезность такого вида наказания, как лишение свободы. В таких ус-

ловиях общество видит выход только в еще более жестких наказаниях, которым является смертная казнь. Но нужно помнить, что государственная система, которая основана на жестокости в отношении своих граждан, порождает жестокость граждан как по отношению друг к другу, так и по отношению к государству.

Некоторые сторонники смертной казни говорят, что «дешевле» казнить, чем содержать длительный срок осужденного в местах лишения свободы. Бытует мнение, что только смерть осужденного дает абсолютную гарантию того, что в будущем этот человек больше не совершит преступления.

«Смертная казнь существует даже в таких прогрессивных странах, как Соединенные Штаты Америки», – этот довод приводят сторонники сохранения смертной казни. Однако даже в США смертная казнь не применяется в 19 штатах. Идет постепенная работа по отмене этого вида наказания и в других регионах страны. Кроме того, между вынесением приговора и его исполнением в Штатах часто проходит более 20 лет. Все это время осужденный имеет право обращаться с жалобами на вынесенный приговор.

В Беларуси смертные приговоры, как правило, выполняются немедленно, как только отказано в удовлетворении просьбы о помиловании, не принимая во внимание даже то, что жалобу по делу еще рассматривает, например, Комитет по правам человека ООН [11].

Аргумент четвертый: общественное мнение. 24 ноября 1996 г. на всенародном голосовании в Республике Беларусь по вопросу об отмене смертной казни народ (80,44% голосовавших) проголосовал за сохранение смертной казни. Однако стоит вспомнить, что, во-первых, голосование имело консультативный, а не обязательный характер. Во-вторых, на тот момент в уголовном законодательстве Республики Беларусь максимальным наказанием было лишение свободы до 15 лет (сейчас – до 30 лет), не было еще и такого вида наказания, как пожизненное заключение. В-третьих, никакой разъяснительной работы с избирателями накануне референдума по таким сложным и узкопрофессиональным вопросам, как смертная казнь, не проводилось.

У правозащитников вызывает беспокойство закрытость от общества итогов деятельности Комиссии по вопросам помилования и решений президента по делам осужденных к смертной казни. На данный момент известно только одно решение президента о помиловании осужденного к смертной казни. Любые сведения о смертной казни в Беларуси являются секретными. Официальную информацию об исполнении

смертных приговоров можно найти в Уголовно-исполнительном кодексе (УИК). Согласно ч. 2 ст. 175 «смертная казнь исполняется непублично путем расстрела» [7].

На сегодняшний день альтернативой смертной казни является пожизненное лишение свободы. Пожизненное лишение свободы обычно является максимальным наказанием за самые серьезные преступления в тех странах, которые отменили смертную казнь.

В Беларуси альтернатива смертной казни впервые была закреплена в УК: «в качестве исключительной меры наказания как альтернативы смертной казни допускается применение пожизненного заключения за преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах» [8].

Несмотря на узаконенную альтернативу, по данным Министерства юстиции Беларуси, с 1994 до 2014 г. к смертной казни было приговорено 245 человек. Начиная с 1995 г. только один приговоренный к смертной казни был помилован. По информации Министерства внутренних дел, на 2013 г. на пожизненное заключение в Беларуси было осуждено 140 человек, более 80 из них отбывают наказание в тюрьме № 8 в г. Жодино.

Палата представителей Национального собрания предложила Конституционному Суду дать заключение о соответствии Конституции Республики Беларусь и международным договорам Республики Беларусь положений УК Республики Беларусь, предусматривающих применение в качестве наказания смертной казни. В своем заключении от 11 марта 2004 г. Конституционный Суд Республики Беларусь пришел к выводу, что норма ч. 3 ст. 24 Конституции, предвосхищающая отмену смертной казни и устанавливающая своего рода переходное положение, когда та может временно применяться в качестве исключительной меры лишь за особо тяжкие преступления, предполагает отказ государства от использования этого наказания. Конституционный Суд полагает, что в современных условиях вопрос об отмене этого вида наказания или об объявлении моратория на его применение как первом шаге может быть решен главой государства и парламентом [4].

Следует отметить, что приведенные аргументы являются достаточно вескими и содержат всесторонний анализ сложившегося в государстве положения.

В целях последующей защиты конституционных прав и свобод личности в Республике Беларусь было бы целесообразным проведение работы по совершенствованию внутреннего законодательства в области защиты прав человека. Решение одного из центральных во-

просов, связанных с правом на жизнь, – о применении смертной казни – заключается в следовании последним тенденциям в правотворчестве и правоприменении. Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что и при отмене смертной казни действующее уголовное законодательство будет располагать достаточными средствами защиты прав граждан, борьбы с преступностью, в том числе и с посягательствами на жизнь при отягчающих обстоятельствах.

Для реализации указанных решений Конституционного Суда законодателем должны быть предприняты последовательные действия по введению моратория на применение смертной казни с постановкой перед компетентными органами задачи по всестороннему и глубокому исследованию влияния данного решения на состояние преступности и развитие общественного мнения, а затем как следующий шаг – по отмене смертной казни.

Тенденция к отмене смертной казни или сокращению ее применения характерна для всего мирового сообщества. На сегодняшний день мы располагаем многолетним опытом государств, которые полностью отказались от этого вида наказания, что позволяет сделать выводы о неэффективности смертной казни в предупреждении преступности и рисках убийства невиновных. Принятие решения об отмене смертной казни будет содействовать консолидации нашего общества, росту уважения к нашей стране на международной арене и дальнейшему благоприятному развитию отношений Республики Беларусь со всем миром.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека 1948 // Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
2. Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах // Бюллетень международных договоров. 1993. № 1.
3. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017.
4. О соответствии Конституции Республики Беларусь и международным договорам Республики Беларусь положений Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих применение в качестве наказания смертной казни / № 3-171/2004 Заключение Конституционного Суда Республики Беларусь от 11 марта 2004 г.

5. Резолюция 62/149 (2007). Генеральная Ассамблея ООН // ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/ga/third/62/third_res.shtml
6. Резолюция 63/168. Генеральная Ассамблея ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/ga/third/63/third_res.shtml Дата доступа: 15.03.2017.
7. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 г. № 365-3 // ЭТАЛОН – Беларусь. [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 // ЭТАЛОН – Беларусь. [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.
9. Устав Международного уголовного суда ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf)
10. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах // Бюллетень международных договоров. 1993. № 1.
11. Доклад: Смертная казнь в Беларуси: убийства на (не)законных основаниях от 5 октября 2016 г. // ПЦ «Весна», FIDH. 2016.
12. Отмена смертной казни в Республике Беларусь: сборник научных материалов / РОО «Правовая инициатива»; ОО «Общество сравнительно-правовых исследований»; под общ. ред. В.В. Филиппова; науч. ред. А.Е. Вашкевич. Минск: Медисонт, 2014.

Федор Рубцов
(Российская Федерация)

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПА НЕПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ПРАВА НА САМООБОРОНУ ПО СТАТЬЕ 51 УСТАВА ООН

Humankind, as social relations develop, formulates different approaches to the degree of admissibility of the use of force in the event of international conflicts. Similar approaches, periodically, were updated. In a number of cases, states felt the need for self-defense. The UN Charter, subject to respective conditions, allows such practice. The strength means, and mechanisms of such defensive use of force in interstate relations are not yet fully regulated in international law.

Принцип неприменения силы в международных отношениях является одним из десяти основных принципов международного права. Приоритет в международных отношениях должен перемещаться от права силы к силе права, в частности к силе международного права. Миротворческая практика должна преобладать над наступательными военными операциями.

На протяжении многовековой истории развития человечества в теории международного права сформировался принцип неприменения силы в международных отношениях. Это подтверждается Декларацией об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях, принятой Генеральной Ассамблеей ООН от 18 ноября 1987 г. Она полностью соответствует и содержанию п. 4 ст. 2 Устава ООН («Для достижения целей, указанных в статье 1, Организация и ее Члены руководствуются следующим Принципом: Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций») [5, с. 1].

Можно согласиться, что первым в истории человечества многосторонним международным договором, по которому государства, являю-

щиеся его участниками, осуждали практику обращения к войне как инструменту, используемому в процессе урегулирования международных споров, был пакт Бриана – Келлога [1, с. 40]. Полное официальное наименование этого документа – «Парижский договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики от 27 августа 1928 г.». О значении этого пакта наглядно свидетельствует факт награждения одного из его авторов – Франка Келлога, государственного секретаря США – Нобелевской премией мира 1929 г. Другой автор пакта – А. Бриан – в 1926 г. уже получил Нобелевскую премию за подготовку Локарнских договоров. Подчеркнем, что пакт Бриана – Келлога стал одним из фактических оснований работы Нюрнбергского трибунала.

Идеи о недопустимости и запрете войны существовали и до пакта Бриана – Келлога. Они провозглашаются, в частности, в проекте договора о взаимной помощи, принятом Ассамблеей Лиги Наций в 1923 г., и в Декларации об агрессивных войнах, принятой Ассамблеей Лиги Наций, в которых война трактовалась как «международное преступление».

Современные средства ведения войны, такие как ядерное или биологическое оружие, могут нанести существенный ущерб целым континентам. В таких условиях становится актуальным развитие и совершенствование механизмов, позволяющих предотвращать и разрешать конфликты.

Государственная политика ряда стран в той или иной мере неоднократно оказывалась связана с фактическим применением силы в процессе своего создания и последующего развития. Среди множества примеров деструктивности и бессмысленности решения конфликтов военным путем можно отметить Каргильскую войну между Пакистаном и Индией за спорные штаты Джамму и Кашмир. В результате почти трехмесячной войны с 3 мая 1999 г. по 23 июля 1999 г. погибло по меньшей мере тысяча человек, а стороны вернулись к довоенным позициям.

В соответствии с целями и принципами ООН государства обязаны воздерживаться как от ведения агрессивной войны, так и от пропаганды агрессивных войн.

Одновременно с этим ст. 51 Устава ООН указывает на потенциальную допустимость и индивидуальной самообороны государства в случае нападения на него другого государства, а также предусматривает возможность коллективной обороны от такого проявления агрессивной государственной политики в сфере международных отношений. Такая ответная реакция на факт нападения со стороны подвергнувшегося агрессии государства допускается лишь до того момента, пока Советом Без-

опасности ООН не будут предприняты надлежащие меры, направленные на поддержание мира между народами и безопасности государств (территорий).

На наш взгляд, экономические санкции воздействуют на государства-агрессоры значительно сильнее, нежели ведение агрессивной войны. Запрет на торговлю с агрессором приводит к невозможности получения им необходимых ресурсов и скорому отказу от угроз и военного вмешательства в дела других стран на долгое время. Чем масштабнее и жестче санкции, тем меньше шансы, что агрессор успеет перестроиться и приспособиться к новым условиям, и тем больше шансы на перемену курса правительства.

Санкции имеют несколько основных преимуществ: во-первых, государства, накладывающие санкции, не теряют человеческие жизни в ходе конфликтов, во-вторых, в результате санкций возможен передел сфер торговли. На место страны-агрессора может прийти другая страна, не находящаяся под санкциями. Понимание этого факта заставит правительства оценивать риски нарушения норм международного права.

Гари Хабфауэр классифицировал введение экономических санкций с 1911 по 2000 г. по причинам и по мере их успеха. Он пришел к выводу, что санкции существенно более результативны тогда, когда направлены против дружественных или нейтральных стран. Процент успеха в случае с дружественными странами – почти 50%, в случае нейтральных – 33%, в случае враждебных – лишь 19%. При этом в случае враждебных стран прекратить военные действия с помощью санкций не удалось ни разу [4, с. 27].

По нашему мнению, основная причина неэффективности санкций для принуждения враждебных государств к миру связана с возможно оказываемой стране-агрессору помощью из других стран. Чтобы оптимизировать несиловое решение конфликтов, должна быть определена ответственность за помощь стране-агрессору. Для этого прежде всего необходимо сформулировать понятие, обозначающее страну, помогающую агрессору, определить, что позволяет снизить ущерб от санкций и, следовательно, косвенно поддерживает агрессивную политику и мешает установлению мира. Идеальной, на наш взгляд, была бы аналогия с Уголовным кодексом РФ, где имеется термин «сообщник», означающий умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Этот термин существует довольно давно и встречается еще с древних времен в судебных актах различных стран. В современном мире понятие соучастия существует во многих уголовных

законодательствах мира. Логичным было бы перенести его и на международные отношения.

Справедливое наказание для сообщников стран-агрессоров можно устанавливать по аналогии с указанным в ст. 34 УК РФ: «Ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления».

Однако заметим, что, хотя экономические меры воздействия имеют ряд преимуществ, им присущи и недостатки. Важнейшим из них является тот факт, что для введения санкций требуется время, как и для получения ожидаемого от них эффекта.

Вероятность абсолютного отказа от силового решения конфликтов в современном мире выглядит пока сомнительной, ведь иногда нет времени «рвать» торговые связи и требуется спасать жизни своих граждан. Но даже в подобной ситуации выполнимо проведение срочного заседания Совета Безопасности ООН, обсуждение возможности использования силы и получения разрешения на это. Например, началу войны в 1991 г. США в Персидском заливе предшествовало получение президентом США соответствующей резолюции, одобряющей такую деятельность, от ООН. Стоит также отметить, что США действовали в составе Международной коалиции.

Сегодня интересны, в частности, имеющие место в разные периоды истории человечества примеры введения войск на территорию суверенных иностранных государств по причине необходимости устранения угроз для граждан своего государства.

Так, 25 октября 1983 г. войска США были отправлены в Гренаду, чтобы устранить выявленные в этот период угрозы для граждан США, обучавшихся в местном медицинском университете. 2 ноября 1983 г., уже после фактического окончания войсковой операции, проведенной американскими военнослужащими, Совет Безопасности ООН принял резолюцию с констатацией собственного критического отношения к происшедшему.

Привлекает внимание исследователей и практика использования военной силы для решения задач правоохранительной деятельности, особенно в сфере противодействия незаконному обороту наркотических веществ.

Характерным прецедентом этого можно назвать ввод 20 декабря 1989 г. войск США в Панаму. Предварительно, 15 декабря 1989 г., самозванный «лидер» (в период с 1983 по 1989 г.) Панамы генерал Мануэль Антонио Норьега объявил войну США. Президент США Дж. Буш-старший, санкционировавший ввод войск США в Панаму, в качестве цели опре-

делил необходимость обеспечения того, чтобы Норвега предстал в США перед судом по обвинению в незаконном обороте наркотических средств. Учитывая, что в США имеется законодательно установленная ответственность за проведение незаконных операций с наркотическими веществами, Норвега 10 апреля 1992 г. федеральным судом в США был признан виновным по всему объему соответствующих пунктов обвинения, предъявленного ему. В итоге Норвега был приговорен к 40 годам лишения свободы. Похожая реакция имела место в 1986 г., когда президент США Р. Рейган, реагируя на унесший жизни многих военнослужащих США террористический акт, произошедший в Германии, санкционировал бомбардировки Ливии.

Сегодня актуальным оказывается исследование потенциально возможных границ, установленных для реализации права государств обращаться к силовому пути разрешения вопросов (*jus ad bellum*). При анализе сомнений в актуальности принципа неприменения силы в международных отношениях важно учитывать и возможности активной и оперативной реализации права на самооборону, предусмотренную в ст. 51 Устава ООН.

Такая самооборона возможна как индивидуально, со стороны собственно подвергнутого такому нападению государства, так и коллективно, с участием широкого круга участников; характер и результаты подобной обороны могут стать впечатляющими не только для инициаторов первоначального нападения. Сегодня можно считать актуальными теоретико-правовые разработки проблем самообороны, реализуемые сообществами государств (объединений). Традиционные подходы обычно предполагали лишь индивидуальную самооборону государства, помощь же иных государств, как показывает история международного права, оказывалась факультативно и зачастую не оказывалась вовсе, хотя факт неправомерного посягательства на конкретное государство был очевидным.

Неоднозначна природа оценки международно-правового значения и фактического применения специфических ресурсов, в частности так называемых частных военных компаний (ЧВК). Некоторые государства не проводят обязательный призыв в армию и не имеют возможности использовать контрактную армию. Интересен международно-правовой статус использования подобными государствами ресурсов частных военных компаний. Важен вопрос, насколько правомерно такое использование. На этот вопрос возможен лишь предположительный ответ. Стоит согласиться с мнением Д.О. Новиковой, которая утверждает, что

«сегодня частная военно-охранная индустрия предоставляет услуги в военной сфере и сфере безопасности в ряде случаев быстрее и дешевле по сравнению с государственными структурами» [3, с. 78]. Принимая во внимание экономическое преимущество использования штатов частных военных компаний, можно предполагать расширение в будущем географии их применения. Формально персонал частных военных компаний, принимающий участие в подобных мероприятиях, не использует официального флага какого-либо конкретного государства (или обозначений союзных государств). Соответственно, официально должностные публичные лица не раскрывают причастность именно данного государства к проводимым военным операциям. Подобная тактика не была известна в период Первой и Второй мировых войн. Следовательно, в источниках международного права, официально признаваемых сегодня, сложно найти однозначные исчерпывающие оценки для подобных практик. Спорная, как минимум, философская компонента подобной оценки оказывается отягощенной неоднозначной (порой) правовой квалификацией анализируемых событий в рамках конкретной национальной правовой системы, в структуре правового поля определенного государства. Проблемный характер ситуации усиливается в случае активных скоординированных непубличных действий (деяний), осуществляемых союзами (объединениями) государств. Однако какой-либо анализ международно-правового положения подобных частных структур отсутствует, как и обращение к данной проблеме в ходе подготовки юристов. Например, авторы учебника «Международное право» Р.А. Каламкарян и Ю.И. Мигачев вообще не используют термин «частная военная компания» [2, с. 19]. Все это говорит о необходимости проведения дальнейших серьезных исследований обозначенных в статье проблем.

Литература

1. Матвеева, Т.Д. Международное право: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017. 371 с.
2. Международное право: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2017. 632 с.
3. Новикова, Д.О. Государство, легитимное насилие и деятельность частных военно-охранных компаний в современном мире // Сравнительная политика. № 3. М.: ИГ «Юрист», 2011. С. 76–85.
4. Gary Clyde Hufbauer, Jeffrey J. Schott, Kimberly Ann Elliott, Barbara Oegg. Economic Sanctions Reconsidered, 3rd edition. NY, 2007. 233 с.
5. Устав ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> Дата доступа: 14.12.2017.

Nino Gozalishvili
(Georgia)

HOW DOES CONTEMPORARY POLISH ASYLUM POLICY COME IN COMPLIANCE WITH POLISH NATIONALISM AND HOW IS IT LEGITIMIZED?

Статья представляет собой аналитический обзор современной политики предоставления убежища в Польше, которая является членом ЕС, а также страной-участницей международных договоров, регулирующих права лиц, в условиях работы правительства, сформированного правой националистической партией. Рассматриваются отношение общественности к проблеме предоставления убежища и ситуация, сложившаяся перед парламентскими выборами в октябре 2015 г. Анализируется текущая ситуация в контексте измененных подходов к теме миграции. Ключевой вывод статьи: в обстоятельствах, когда отсутствует механизм прямого воздействия, речь может идти только о политической воле польского правительства относительно выполнения принятых Польшей международных обязательств.

Since November 2015, when the Law and Justice Party took over the Polish government, a notable shift in attitudes and policies towards the Refugee Crisis has been discussed within Europe and not only. Known with its right-wing approaches, the Party puts a special emphasize on the asylum policy in regard to the ongoing Refugee Crisis, which has overwhelmed Europe's daily agenda. Within a year of governance, there has been a noteworthy increase in anti-EU sentiments, a decline of tolerance concerning taking refugees from the Middle East, toughening procedures through asylum policies. At the same time, Poland remains a member of EU, which, to a great extent, imposes shared responsibilities alongside with benefits coming with membership.

Therefore, *it is a matter of interest how changes in Polish asylum policy intertwine with the radical form of nationalism in the country in the circumstances of being a full-member of EU and having ratified the main treaties on the issue including the 1951 Convention and the 1967 Protocol related to status and rights of refugee.* In addition to this, the paper will analyze the bases that Poland uses in an attempt to legitimize recent changes in asylum policies. Consequently, the paper aims at researching the issue in terms of the resurgence

of Polish radical nationalism rooted in the beginning of the 20th century. To do so, annexed with primary sources and academic articles on the subject, recent public opinion surveys and statistics will be compared to analyze the development of the policy amendments and obvious trends in the country. Relevant speeches of the current government representatives will be analyzed too.

The hypothesis of paper on the initial stage of analysis could be the following: In spite of the fact that the UN Refugee Agency and EU itself have been promoting and supporting institutional improvement of practical approaches and common principles of asylum policy in Poland, in the circumstances of missing direct retributive mechanisms, it still remains the political will of the government to interpret fairness and justify it by national sentiments. In order to check the validity of the initial hypothesis, the paper will firstly analyze technical developments in the country in compliance with EU and UNHCR asylum policy instruments to get an idea of the instrumental capacity of Poland to deal with the influx. Moreover, public attitudes and nationalistic sentiments made up by politicians will be studied and connected to the latest changes in asylum granting policies of the country. Finally, the paper will bring up the main and publicly available responsive actions from EU institutions on the political shifts in a member state.

Before Poland's accession to the European Union, 1992 turned out to be one of the major periods when the influx of migrants and asylum seekers towards Europe reached its peak. In those days some interpretations were added to the 1951 Geneva Convention, of which Poland is a signatory country. In particular, those amendments are known as "Carrier Sanctions" which meant that airline companies would bear responsibility to check the validity of the legal documents of the passengers and the companies, as other non-state institutions would have been excepted from refugee status granting in any case.¹ In addition to 1951 Convention and 1967 Protocol imposing responsibilities and partially regulating asylum policy of the country, being a member of EU and at the same time, the Eastern border of the organization, Poland agreed to implement the principles and directives of the Common European Asylum System (CEAS). Under the system, significant progress has been marked since 2008. Particularly, at the second stage of implementing the system, EU countries started to exchange their practices of preventing cross-border crimes and of controlling the borders. What is more, the system created a platform for member countries to cooperate in dealing with the exploitation of im-

¹ Johanna Jansson, Thesis: "The Common European Asylum System in Poland; prospects for implementation and legitimacy", Lund University (2005): 6–9.

migrants. Above all, the system works with the aim at treating asylum seekers equally and with the same approaches throughout the EU.² On a practical level, the system covers different aspects and refers to them within Directives. Those directives include: Asylum Procedures, Reception Conditions, reference to Dublin Regulation and EURODAC Regulation (common database of fingerprints of asylum seekers in order to inspect crimes)³.

Besides that, EU has adopted urgent mechanisms in response to the contemporary refugee crisis: special quotas for member states to accept and reallocate numbers of *refugees* being in Europe with the background of being persecuted in their homeland. By this EU somehow changed the “first country of entry” rule into shared responsibility (*fair share*) principle.⁴ This decision was largely criticized and unaccepted by Visegrád group (Poland, Slovakia, Hungary, Czech Republic), which they revealed in a joint declaration signed on September 4, 2015.⁵ However, under EU pressure, Poland turned out to be the only one from the group to accept a quota of 7000 refugees. But the decision made at the end of September by the ruling pro-European Civil Platform Party, lost its value after the Parliamentary elections in October 2015, when the leaders of the new government made it clear that Poland would not receive this quantity of migrants and significantly reduced the numbers.

Office for Repatriations and Aliens is the first instance dealing with refugee applications. The decision made by the office could be appealed at *Refugee Board*, which consists of experts appointed by the prime minister for a 5 years’ term.⁶ Consequently, excluding political factors as the plausible influence in the decision-making process of the body would be too unrealistic, even though the body works in cooperation with the UNHCR- UN Refugee Agency and still remains independent of it.

In addition to the above mentioned role of *UNHCR Poland*, it works closely with responsible ministries (Interior and Administration; Labor and Social Policy) and other non-governmental organizations to promote effective mechanisms of dealing with asylum seekers and to spread rightful approaches.

² European Pact on Immigration and Asylum, (24 September 2008): Summary of the legislation.

³ European Commission, “Common European Asylum System” The EU as an area of protection.

⁴ European Parliamentary Research Service, “Asylum Decisions”. (2015)

⁵ Visegrád Group. 2015. Joint Statement of the Heads of Government of the Visegrád Group Countries. September 4, 2015.

⁶ Giovanna Zincone; Rinus Penninx and Borkert Maren, “Migration Policymaking in Europe: The Dynamics of Actors and Contexts in Past and Present” Amsterdam University Press (January 1, 2011): 348–360.

In doing so, the agency organizes educational and consulting meetings with responsible bodies and advisory NGOs.⁷ Consequently, the role of UNHCR is noteworthy but limited at the same time, insofar as it is not consistent with the political environment and politically motivated decisions in the country.

As for another significant body, *Border Guards* are formally in charge for mainly identifying the criminal background of an asylum seeker in accordance with Article 1F of the Geneva Convention. Bearing in mind that Poland has mostly been a country with an outgoing migration experience, it had a lot to improve in terms of treating asylum seekers and ensuring their rights in accordance with the treaties and agreements the country is involved in. Therefore, constant aid from Western, more experienced countries has been given to Poland. Under this tendency, the New Border Guard strategy was elaborated in 2009.⁸ A new reception center in Biala Podlaska (border with Belarus) was opened in the same year.

Founded in Warsaw in 2005, FRONTEX - *European Agency for the Management of Operational Cooperation at the External Borders of EU*- is one of the most important agencies securing the external border of EU. It develops tools and mechanisms to train national border guards and prevents illegal stays of foreigners with *joint return operations*. Alongside, FRONTEX is responsible for analyzing risks related to the security of external borders.⁹ It also functions in Polish territories and contributes to the harmonization of the country's asylum policy with common approaches through EU.

In a nutshell, mechanisms and institutions dealing with asylum seekers have developed to a notable extent since 2004. It can be said that for now Poland has got appropriate assistance as well as practical experience to conduct a fair and secure policy towards asylum seekers. Nevertheless, the number of coming people will always differ among the member countries; the equal treatment principle ensures more or less secure and fair migration processes. The economic and demographic situation in the country is stable enough not to prevent receiving the stated number of migrants in the country. However, considering the governmental role and influence, there is still room for the interpretation of the situation and interference in the decision-making process of responsible bodies and institutions. The next paragraph will refer to

⁷ UNHCR Regional Representation, "Operations in Poland" Projects and Activities.

⁸ Polish National Contact Point to the European Migration Network, "Annual Policy Report 2009 for Poland". (December 2009): 5–15.

⁹ Council Regulation (EC) No 2007/2004 establishing a European Agency for the Management of Operational Cooperation at the External Borders. Summary of EU legislation. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:l33216>

the contemporary political environment in Poland and the newly revealed attitudes towards the subject.

Radical nationalism in Poland is rooted back to the post-WWI period when the first right-wing parties and nationalistic organizations started to appear. However, during this period Poland still remained a multinational country with Jewish, Ukrainian and German people being represented to a large extent. The situation took a completely different turn after the Second World War. Jews being 35% of the population in the 1930s and the foremost subject of criticism by nationalistic opposition parties (*National Party-Endek; Workers' Party*) were no more a notable minority in the country as a result of the Holocaust during the War period.¹⁰ In the case of Germans and Ukrainians, the Stalinist regime and massive deportations finally resulted in Poles being an almost absolute majority without any strong minority representation in the country. This very factor and the communist regime with a planned economy overlapped nationalistic sentiments in the second half of the 20th century.

Later on, the transition period to market economy caused a minor economic crisis and gave way to radical nationalism once more throughout the country. Nevertheless, economically motivated nationalistic sentiments normally result in the right-wing parties in power (example of Hungary and Romania¹¹), accession to EU and Western assistance stabilized the situation at the beginning of the new century.

According to the report of European Social Survey¹², even in 2014 Poles felt quite positive towards the immigration issue and slightly more than 60% believed that asylum applications should have been attentively analyzed by the government. What is more, during the same year, 24% of Poles (third highest number after Germany and Netherlands) agreed that their government should have a 'less restrictive' refugee policy, whereas 17% stand for more restrictive and the majority (42%) felt it was about right. Moreover, the same survey of the German Marshall Fund researching Transatlantic Trends showed that 40% of Polish respondents claimed to be concerned about immigration 'From outside of EU'.¹³ According to the Helsinki Foundation for Human Rights, in

¹⁰ Joel Cang, "The Opposition Parties in Poland and Their Attitude towards the Jews and the Jewish Problem" *Jewish Social Studies*, Vol. 1, No. 2 (Apr., 1939): 241–256. Published by: Indiana University Press.

¹¹ Michael Mann, "Fascists" Hungarian and Romanian Fascists. Cambridge University Press (2004).

¹² European Social Survey Round 7, "Attitudes towards Immigration and their Antecedents". Dataset: ESS7-2014, ed.2.1

¹³ German Marshall Fund of the United States (GMFUS). "Transatlantic Trends: Mobility,

the 2015 pre-election period the country rejected 80.5% of applications out of 8340. Nevertheless, none of asylum seekers from conflict spots like Syria and Iraq were refused to be granted a refugee status. At the same time, almost an absolute majority (90-100%) of former Soviet countries' citizens (Russia, Tajikistan, Kirgizstan, Ukraine and Georgia) got a negative response to their applications.¹⁴ The statistics can be explained by the fact that the pro-European Party in government back then accepted EU common approaches and decisions in the early crisis period towards people coming from the Middle East conflict regions.

All in all, the European Social Survey classified results from 2002 and 2014 in order to compare public attitudes towards immigration. Researchers tested it by questioning respondents whether *their country of residence had become a better place to live as a result of migration*. Surprisingly enough, Poland appeared to be fifth in the chart even before Germany and just after Finland giving a positive answer to the question.¹⁵

All those trends till 2015, before the massive influx of asylum seekers, reveal that attitudes within Poles were not that radical and negative towards the migration issues, vice-versa in certain cases; they even seemed to be more tolerant and positive than the results from German respondents.

Nonetheless, during the pre-election period anti-refugee discourse was not that loud and wide-spread throughout Poland; strong feeling about Catholicism in the country was not yet obscure. According to the Polish Public Opinion research center, at the beginning of 2015 respondents did not reveal sympathy towards other religions except Christianity. Special emphasis is put on Islam (44% of them have a negative feeling about Islam and 33% of them - neutral). Along with that, the same survey shows the respondents' inclination to believe and agree with most of *Islamophobic* statements: '*Islam encourages violence to a higher degree than other religions*' or '*Most Muslims are not very tolerant of customs and values other than their own*'.¹⁶

On top of it, Polish people evaluate Arabs, Africans and Turks as the least beneficial foreigners for Poland. Whether the fact has to do entirely with religious attitudes or not, less trust towards the above-mentioned nations with different religious beliefs is evident. The perception has especially radicalized

Migration and Integration." (2014) Washington, DC.

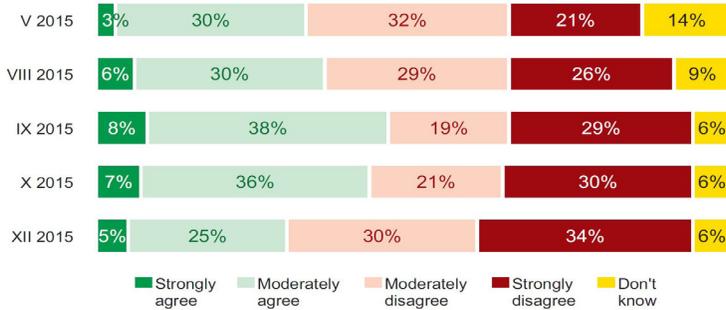
¹⁴ Helsinki Foundation for Human Rights (HFHR), Asylum Information Database. "Country Report: Poland" *Latest Report (Fourth Update)*.

¹⁵ Ibidem 11.

¹⁶ Polish Public Opinion Research Center (CBOS), "Attitude to Islam and Muslims", 2015 Dataset.

after the Paris attack in November, 2015. The number of people being personally afraid of terrorist attacks rose by 15% throughout 3 months. The chart below shows an obvious shift that has taken place between IX/2015 and XII/2015.

Do you agree that Poland should receive a part of refugees arriving in Europe from the Middle East and Africa?

Source: Polish Public Opinion Research Center. 12/2015

Along with the above-mentioned situation, it is worth mentioning that during the parliamentary elections in October 2015, the *Law and Justice Party* had the total support from the Catholic church and an obvious backing of Catholic media as well. This helped them to spread not only morally accepted ideas about Christianity, but to a big extent Euroskeptical and anti-migration rhetoric as an explanation of all social struggles that rural areas could have been experiencing.¹⁷ Furthermore, the definition of the Nation that the Party emphasizes is tightly connected with the Roman Catholic church and the role of Christianity, including the leader, Jarosław Kaczyński being an active member and a Catholic believer himself. All in all, this very party managed to become a major power in the country.

In the first six months of 2016, only 42 asylum seekers got a refugee status in Poland, which means one out of 126 applicants (5300 applications for the period). This is three times less than the same in the previous year till November.¹⁸ The Law and Justice Party (*PiS - Polish abbreviation*) in power has repeatedly revealed its anti-sympathy towards the EU common asylum policy

¹⁷ Alex Duval Smith, "Fear and xenophobia poison Polish polls." *Guardian Journal* (October 23, 2015).

¹⁸ Agata Mazepus and Lorenzo Berardi, "Poland and refugees: Some people are more welcome than others" Publisher: Democracy in Central Europe (5 August 2016).

and, in general, taking migrants from the Middle East conflict regions. The attitude is evidently seen in the Party program of 2014 and speeches given by its leaders: Beata Szydło - Current PM of the country; Witold Waszczykowski – Minister of foreign affairs and mainly by the founder and the head of PiS – Jarosław Kaczyński. The latter one, being the author of the conceptualization of the nation by the PiS Party, publicly announced that the people asking for asylum carry “very dangerous diseases long absent from Europe.”¹⁹ This being only one fragment of the party’s ultra-nationalistic and Eurosceptic rhetoric, the main focus they constantly underline is the primary interest of the nation. The former PM from the Civic Platform Ewa Kopacz agreed to receive about 7000 refugees from those 120 000 already having arrived in Europe. Nevertheless, since taking up power, PiS officials have been publicly opposing decisions made within the European Commission, including one about the refugee crisis. “I say very clearly that I see no possibility at this time of immigrants coming to Poland,” - announces the new prime minister just in a month after the Party entered parliament.²⁰

Opposition of liberal values per se, is not a newly adopted approach of the governing party. Kaczyński has long been criticizing “*Legal Impossibilism*”, which he explained as liberal laws being interpreted in the way that permitted the Polish government to act according to national interests.²¹ The fact could be the explanation of the decision about changing rules according to which the Constitutional Tribunal would work. However, some non-governmental organizations and few religious congregations work hard to challenge the ruling party on the issue of asylum granting, but tangible results by them have not been achieved so far.

To sum up, governmental approaches towards receiving asylum seekers shifted in the direction of more radical and xenophobic attitudes since the end of 2015. There have been numerous cases of preventing migrants from entering the Polish border that explicitly violates the above-mentioned international treaties and agreements that Poland is a signatory country of. As it goes without saying, responsible decision-makers put the concept of national interests as the bottom line to explain the shift. At the same time, it remains an

¹⁹ POLITICO, *Article by: JAN CIENSKI*, “Migrants carry ‘parasites and protozoa,’ warns Polish opposition leader” (14 October 2015).

²⁰ Ibidem 18, “Poland slams door on refugees”.

²¹ Adam Balcer, Piotr Buras, Grzegorz Gromadzki, Eugeniusz Smolar, “Change in Poland, but what change? Assumptions of Law and Justice party foreign policy”, *Stefan Batory Foundation*, Warsaw (May 2016): 3–8.

interesting question what it ‘cost’ Poland to disregard the taken responsibilities in terms of granting a refugee status.

The Non-refoulement principle being one of the core elements of the 1951 Geneva convention, the Helsinki Foundation for Human Rights published a paper accusing Poland of denying access to asylum to Tajiks in need.²²

As for the obvious responses from the EU, the European Commission launched a monitoring mechanism of “Rule of Law” as a common value “upon which European Union is founded”. Two recommendation papers about the lawful treatment of the Constitutional Tribunal were issued for the Polish government in July and December 2016.²³ The decision to choose 5 new judges in the same way disregarded a previous governmental decision as in case of receiving refugees.

The European Parliament adopted resolutions on 13th April and 14th September of 2016, which concerned the contemporary situation in Poland. The resolutions refer to several treaties within EU, securing human rights and the rule of law that Poland is a signatory country of. Therefore, they criticize the current governmental approach to human rights issues and democratic values in general. The Venice Commission having monitored situation in the country, it reports circumstances in Poland concerning the rule of law and human rights. As a result, it gives recommendations for cooperation. In case of unsatisfactory follow-up with the recommendations, the second stage of Rule of Law framework will be launched, which stands for providing a fixed time frame to fulfill recommendations by the Commission.²⁴

Nevertheless, the above-mentioned resolution has to do with the way asylum seekers are treated in the country; this kind of direct mechanism does not exist in case of the refugee resettlement quota system initiated by the European Commission, which was neglected by the contemporary Polish government. The only lever in this case appears to be the weakening of ties with the European commission and Western European countries as well as its regional position. In practice, discarding its obligations and responsibilities, the country could find itself in an unfavorable position when discussing financial

²² Helsinki Foundation for Human Rights, Report: “ACCESS TO ASYLUM DENIED IN POLAND”. (22 July 2016) Warsaw.

²³ European Commission – Press release, “Rule of Law: Commission discusses latest developments and issues complementary Recommendation to Poland” Brussels, 21 December 2016.

²⁴ European Parliament/Legislative Observatory, Summary: “13/04/2016 Text adopted by Parliament”.

issues within the EU: redistribution of the budget or investment in projects conducted in Poland and so on.

Hence, the paper aims at analyzing the contemporary asylum policy of Poland with variables of the right-wing nationalistic ruling party on top and membership of EU on the other side as well as having obligations through international treaties about refugee rights and asylum management. The paper tests the issue from several different perspectives.

The first standpoint of following up the developments of Polish asylum policy since 2004 covered a detailed analysis of the existing regulations and institutional capacities achieved so far. The analysis led to the conclusion that Poland, with the assistance of EU and UNHCR Regional agency, has created experienced institutions and acquired practical instruments consistent enough to conduct a secure and lawful asylum policy in compliance with international law principles. Under the circumstances merged with the economic and demographic situation, the country is technically ready to fulfill its responsibilities towards receiving migrants.

Further, the paper referred to the feeling of nationalism in the country rooted in the first half of the 20th century until 2015. Through the chapter relevant statistics and results of social surveys were analyzed. Surprisingly enough, it turns out that the attitudes of Poles towards migration issues were mostly positive than negative, especially in comparison with other western European countries like Germany. However, role of the Roman Catholic church was still evident as Islamophobic rhetoric as well as the feeling of distrust towards people of Islam denomination appeared to be high enough even before the radical right-wing party came to power. The study gave an idea of the situation in the country before the PiS Party took up a majority in the Polish parliament.

As a conclusive part of the research, the paper closely examined attitudes and approaches of the contemporary Polish government towards receiving migrants and responses from EU institutions to the shift of the country's asylum policies. Public speeches of PiS politicians and media coverage were seen as decisive factors to reveal and popularize governmental attitudes towards granting asylum. Starting from spreading disinformation and putting emphasis on national interests along with talking about reasons for social inequality, leaders used populist explanations to legitimize the disregard of obligations Poland had on this matter. As for international reaction, there has not been any obvious or direct punitive action besides the framework of Rule of Law conducted by the Venice Commission which gave recommendations to the country on disregarding primary values of the Union and democracy itself.

However, for changes in the asylum policy approaches Poland will probably get an unfavorable attitude of the European Commission and weaken its position as a democratic European state, which does not seem to be so revolting for the political leaders in the country.

Finally, it can be concluded that the initial hypothesis was proved, as in the circumstances when direct retributive mechanisms do not exist, it is all about the political will to fulfill international obligations it has taken or to amend national interests according to the interests of the ruling Party.

References

1. Balcer, Adam, Buras, Piotr, Gromadzki, Grzegorz and Eugeniusz Smolar, "Change in Poland, but what change? Assumptions of Law and Justice party foreign policy", *Stefan Batory Foundation* (May 2016). Warsaw.
2. Cang, Joel "The Opposition Parties in Poland and Their Attitude towards the Jews and the Jewish Problem", *Jewish Social Studies*, Vol. 1, No. 2 (Apr., 1939): 241–256. Published by: Indiana University Press.
3. Council Regulation (EC) No 2007/2004 establishing a European Agency for the Management of Operational Cooperation at the External Borders. *Summary of EU legislation*. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:l33216>
4. European Commission, "Common European Asylum System" *The EU as an area of protection*. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/asylum_en Accessed: 5.02.2017
5. European Commission – Press release, "Rule of Law: Commission discusses latest developments and issues complementary Recommendation to Poland" Brussels, 21 December 2016. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-16-4476_en.htm
6. European Parliamentary Research Service, "Asylum Decisions". (2015) URL: <http://www.europarl.europa.eu/thinktank/infographics/migration/public/index.html?page=budgets>
7. European Parliament/Legislative Observatory, Summary: "13/04/2016 Text adopted by Parliament" URL: <http://www.europarl.europa.eu/oeil/popups/summary.do?id=1432415&t=d&l=en>
8. European Social Survey Round 7, "Attitudes towards Immigration and their Antecedents". Dataset: ESS7-2014, ed.2.1 URL: <http://nesstar.ess.nsd.uib.no/webview/index.jsp?v=2&submode=abstract&study=http%3A%2F%2F129.177.90.83%3A80%2Fobj%2FStudy%2FESS7e02.1&mode=documentation&top=yes>
9. European Pact on Immigration and Asylum (Not published in the Official Journal). Summary of EU legislation, 24 September 2008. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=URISERV:jl0038> Accessed: 5.02.2017

10. German Marshall Fund of the United States (GMFUS). “Transatlantic Trends: Mobility, Migration and Integration.” (2014) Washington, DC. URL: http://trends.gmfus.org/files/2014/09/Trends_Immigration_2014_web.pdf
11. Helsinki Foundation for Human Rights, Report: “ACCESS TO ASYLUM DENIED IN POLAND”. (22 July 2016) Warsaw. URL: <http://www.asylumineurope.org/sites/default/files/resources/access-to-asylum-denied-in-poland.pdf>
12. Helsinki Foundation for Human Rights (HFHR), Asylum Information Database. “Country Report: Poland”, *Latest Report (Fourth Update)*. URL: <http://www.asylumineurope.org/reports/country/poland>
13. Jansson, Johanna. “The Common European Asylum System in Poland; prospects for implementation and legitimacy.” Lund University, 2005. URL: <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordOid=1333601&fileOid=1333602> Accessed: 4.02.2017
14. Mann, Michael, “Fascists” Hungarian and Romanian Fascists. Cambridge University Press (2004).
15. Mazeus, Agata and Lorenzo Berardi, “Poland and refugees: Some people are more welcome than others” Publisher: Democracy in Central Europe (5 August 2016). URL: <http://visegradrevue.eu/poland-and-refugees-some-people-are-more-welcome-than-others/>
16. Polish Public Opinion Research Center (CBOS), “Attitude to Islam and Muslims”, 2015 Dataset. URL: http://www.cbos.pl/EN/publications/public_opinion.php
17. POLITICO, *Article by: JAN CIENSKI*, “Migrants carry ‘parasites and protozoa,’ warns Polish opposition leader” (14 October 2015). URL: <http://www.politico.eu/article/migrants-asylum-poland-kaczynski-election/>
18. Polish National Contact Point to the European Migration Network, “Annual Policy Report 2009 for Poland” (December 2009): 5–15. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/networks/european_migration_network/reports/docs/annual-policy/2009/20_poland_annual_policy_report_2009_final_version_16mar10_en.pdf
19. UNHCR Regional Representation, “Operations in Poland”, *Projects and Activities*. URL: <http://www.unhcr-centraleurope.org/en/where-we-work/operations-in-central-europe/poland.html>
20. Visegrád Group. 2015. Joint Statement of the Heads of Government of the Visegrád Group Countries. September 4, 2015. URL: <http://www.visegradgroup.eu/calendar/2015/joint-statement-of-the-150904>
21. Smith, D. Alex, “Fear and xenophobia poison Polish polls”, *Guardian Journal* (October 23, 2015). URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/23/poland-election-law-and-justice-party>
22. Zincone, Giovanna; Rinus Penninx and Borkert Maren, “Migration Policymaking in Europe: The Dynamics of Actors and Contexts in Past and Present”. Amsterdam University Press (January 1, 2011): 348–360.

Alena Rusenchyk
(Lithuania)

SETTING ASIDE THE INTERNATIONAL ARBITRAL AWARD. MAIN FEATURES AND DIFFERENCES IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE EUROPEAN UNION

Актуальность данной статьи predetermined значимостью надлежащего правового регулирования обжалования арбитражных решений, наличием различных подходов ко многим вопросам такого обжалования в теории, законодательстве различных государств и арбитражной практике. Подавляющее большинство государств придерживаются позиции, в соответствии с которой решение международного коммерческого арбитража может быть отменено только судом той страны, на чьей территории оно было вынесено. При этом в законодательстве Республики Беларусь закреплено, что право на обжалование решений международных арбитражных судов применяется лишь в отношении решений, вынесенных на территории Республики Беларусь, вне зависимости от права, примененного при принятии решения.

Introduction

Parties to a commercial contract are not bound always to solve their disputes by litigation. They have the right to agree on the settlement of their disputes in arbitration as an alternative dispute resolution instrument. They expect that, subject to any right of appeal or recourse, the award will be final and binding upon them.

Even where the relevant rules of arbitration provide that an award is to be final and binding on the parties and that the parties agree to carry it out immediately, the law of the seat of arbitration usually provides some ways of challenging an arbitral award.

Nonetheless, there are circumstances in which a party either concludes, for tactical reasons or otherwise, that an award against it is fundamentally wrong. Moreover, there are limited circumstances in which such challenges may be made under the national legislation.

1. Grounds for setting aside the international arbitral award

All national arbitration laws and international instruments regulating arbitration contain certain provisions for the challenge of awards. In the case of the Belarusian legislation, the Law on IAC regulates this issue in Chapter 8: «Appeal of a judgement of the International Arbitration Court», consisting of a single article 43, which provides the following «Petition for setting aside as an exclusive recourse against decisions of the International Court of Arbitration» [7, Art. 43]. In addition, the above-mentioned article almost completely corresponds to Article 34 of the UNCITRAL [8, Art. 34].

In accordance with Chapter 29 of the EPC [6] it is possible to set aside international arbitral awards that are made by the international arbitration courts, which are located on the territory of the Republic of Belarus, irrespective of the applicable law when the decision is made. Moreover, it does not take into account the location of the international arbitration court.

Many national legislations of the EU Member States have mandatory requirements on the grounds for annulment of an arbitral award and the parties cannot exclude a possibility of any appeal by their agreement.

There is a legal basis formulating the principle of annulment of an arbitral award, which is based on *tantum devolutum quantum appellatum*. In my opinion, the principle of party autonomy dominates in international commercial arbitration; thus, it contributes to the development of the arbitration proceedings and reviewing an arbitral award. More detailed legal grounds for setting aside an arbitral award are covered in the next subparagraphs.

1.1. No valid arbitration agreement

Article 34 (2) (a) (i) of the UNCITRAL [8, Art. 34(2)] provides that an award may be annulled if one of the parties was «under some incapacity» or if the arbitration agreement «is not valid under the law to which parties have subjected it or failing any indication thereon, under the law of the State where the action to annul is brought». Firstly, this Article provides that validity of the arbitration agreement is governed by the law chosen by the parties and, in the absence of such choice, by the law of the state where the annulment application is filed. In these circumstances, Article 34 (2) (a) (i) fallback choice of law rule should be interpreted to include either international principles or validation principle. Secondly, Article 34 (2) (a) (i) does not address the preclusive effect of jurisdictional award by tribunal – whether positive or negative. If an award considers and rejects an objection to the tribunal's jurisdiction, then

the effect of the award on subsequent annulment action based upon a lack of jurisdiction must be considered. Moreover, these grounds for setting aside an arbitral award parallel those set forth, in the context of non-recognition of an award, in Article V (1) (a) of the New York Convention [5]. They are also recognized under other arbitration statutes [2, p. 313].

However, if the parties have not subjected the arbitration agreement to a particular law, expressly or by implication, its validity may be judged according to the law of the place of arbitration.

According to Article 167 of the Belarusian CC arbitration agreement as with any juridical act, if it is applicable to Belarusian legislation, can be presumed invalid on the grounds established by the CC or other acts of Belarusian legislation [4, Art. 167].

In this respect, on the basis of the principle of autonomy the arbitration clause, being a part of the arbitration agreement, is considered as an agreement not depending on other terms and conditions of the arbitration agreement [7, Art. 22]. Moreover, not invalid arbitration agreement, which contains an arbitration clause, has no effects on the invalidity of the arbitration clause.

Features of the judicial practice in the resolution of disputes, relating to the summing-up of validity (invalidity) arbitration agreements, are concluded that arbitrators are based on a civil-legal doctrine, and the procedural theory of the legal nature of the arbitration agreement. For example, in *Case No. IV CK 144/04* [12, p. 240] where the arbitration clause was invalid because it had been signed for the defendant by an unauthorized person, the Supreme Court held that entering into an arbitration clause is an act outside the ordinary course of business, and, therefore, if it is signed by an attorney in fact he must hold a power of attorney to take specific types of acts (*pełnomocnictwo rodzajowe*) rather than a general power of attorney. The Supreme Court found that it was an error for the lower courts to uphold the defense of the arbitration clause without determining the type of power of attorney held by the attorney in fact who signed the arbitration clause.

The complete absence of an arbitration agreement in setting aside an award is rare. The question can arise on arbitration agreement when the arbitration clause is written incorrectly or when there was substitution of parties in an obligation (agreement).

1.2. Denial of the opportunity to present party's case

A tribunal failure to afford the losing party an equal and adequate opportunity to present its case during the arbitration can provide grounds for setting

aside an award. Article 34 (2) (a) (ii) of the UNCITRAL [8, Art. 34] is representative, providing that an award may be annulled if the applicant «was not given proper notice of the appointment of an arbitrator or of the arbitral proceedings or was otherwise unable to present his case». This provision is closely modeled on Article V (1) (b) of the New York Convention [5], and is directed towards denial of an opportunity to be heard and similar types of procedural unfairness. Other EU Member State legislation is similar [2, p. 317].

Several related procedural guarantees are relevant under Article 34 (2) (a) (ii): a) the right to equal treatment; b) the right to an adequate opportunity to present one's case; and c) the right to regular, non-arbitrary procedures. These guarantees apply generally to all aspects of the arbitral procedures, including constitution of the tribunal, presentation of factual evidence and legal argument, and opportunity to respond to the other party's case [2, p. 320].

For example, improper notification of the parties is a violation of their right to judicial protection, when the parties are not aware of the process and could not present their arguments. As a general rule, to verify the receipt a notice of the arbitration proceeding by the defendant adequate is sufficient to have a mail notice signed by the defendant (or his representative) of the receipt. Moreover, a notice deemed to be delivered in cases where there is evidence that the defendant refused to receive it unreasonably, but he was notified by the post office about it. For example, in *Case N 978 / 84-10* [9]. the defendant appealed the first decision of the International Arbitration Court at the Belarusian Chamber of Commerce on the ground of the improper notification about arbitration proceeding and he could not present his arguments on time.

It is fundamental that an award may be annulled based simply on a violation of procedural protections imposed by applicable law, regardless of the terms of the parties' agreement.

1.3. Arbitral award violates public policy

An arbitral award may also be set aside if a national court of the place of arbitration finds (on its own initiative) that the award is in conflict with the public policy of its own country. This is particularly true for States adopting the UNCITRAL [8]. Of course, each State has its own concept of what is required by its 'public policy'.

In accordance with Article 1 of the Law on IAC public order means bases of the legal order of the Republic of Belarus [7, Art.1].

Most national courts have annulled international awards on the basis of public policy only in limited or exceptional cases.

According to Article V (2) (b) of the New York Convention, recognition and enforcement of an arbitral award may be refused: «if the competent authority in the country where recognition and enforcement is sought finds that ... [t]he recognition or enforcement of the award would be contrary to the public policy of that country» [5, Article V (2)(b)]. Since ‘public policy’ is not defined in that convention, such definition is a matter for the courts of the Contracting States (*Case C-536/13*) [10].

Nonetheless, the national arbitration legislation, which is based on the UNCITRAL [8] expressly, states that corruption and bribery constitute a violation of public order. There is a lot of jurisprudence, where fraud and corruption are regarded as circumstances giving rise to contradiction solutions in public policy (*Case №. 89-415-JLL (Natal oil Corp. vs. Libyan Sun Oil Co., Euro'n Gas Turbines SA vs Westman Int Ltd)* [12, p. 345]).

2. Legal consequences of setting aside International Arbitral Award in Belarus and EU

A court hearing for a request for a challenge to an award has a number of options. It may reject the challenge and uphold the award, or it may accept the challenge and annul the award in whole or in part. A successful challenge may nullify the award at the place of arbitration. A court may also remit the case to the arbitration tribunal.

Although there is no statistical data, it is generally accepted that most challenges are unsuccessful. When a state court rejects a challenge, the award is confirmed and its national and international recognition is inevitable.

In compliance with Belarusian legislation if the state court finds a petition for setting aside an award reasonable, it shall issue a judgement to cancel the decision of the International Arbitration Court. Furthermore, an arbitral award ceases to have legal existence, respectively, if it has ceased the action or is declared null and void [6, Art. 253].

In conclusion, the issue of the legal consequences of setting aside an arbitral award is decided individually depending on the grounds on which the award is annulled.

3. Conclusions

After the analysis of relevant doctrine and case-law, there are some main differences in the Republic of Belarus and European Union that may be outlined: 1) legal grounds for annulment in the Republic of Belarus and EU and

2) legal consequences of setting aside International Arbitral Award in Belarus and EU.

The arbitral award must meet certain requirements established by EU or Belarusian legislation, in the event of non-compliance with which it can be the subject to appeal. The purpose of setting aside an award before a national court at the seat, or place, of arbitration is to have it modified in some way by the relevant court, or usually to have that court declare that the award is to be annulled in whole or in part.

Most EU Member State legislation provides that setting aside an arbitral award may be only in exceptional cases. In accordance with Belarusian legislation, if a Court finds grounds for setting aside an award reasonable, it shall issue a judgement to annul the decision of the International Arbitration Court. Furthermore, an arbitral award ceases to have legal existence, respectively, if it has ceased the action or is declared null and void. As for the EU legislation, an issue of the legal consequences of setting aside an arbitral award is decided individually depending on the grounds on which the award is annulled.

A court hearing for a request for setting aside an award has a number of options. It may reject the challenge and uphold the award, or it may accept the setting aside and annul the award in whole or in part. A successful challenge may nullify the award at the place of arbitration. A court may also remit the case to the arbitration tribunal.

Belarusian case-law has many legislative gaps on the issue of setting aside an international arbitral award. In addition, it should be improved in comparison with EU case law.

References

I. Scientific literature

1. Fouchard, Gaillard, Goldman on International Commercial Arbitration // Kluwer Law International. The Hague/Boston/ – London, 1999. P. 257.
2. G. Born, International Commercial Arbitration 2348 // Kluwer Law International. Netherlands, 2012. 480 p.
3. Judith M. Lew, Loukas A. Mistelis, S. Kröll, Comparative International Commercial Arbitration // Kluwer Law International. Netherlands 2003. P. 175.

II. Legal acts

4. Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus № 238-Z from January 11, 1999. [Electron. resource] // OOO “Yurspektr” Nat. Legal Inf center. Rep. Belarus. Minsk, 2017.

5. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards – New York, 1958. [Electronic resource]. Online access: <http://www.newyorkconvention.org/new+york+convention+texts>. Access date: 05.12.2017.
6. Economic Procedural Code of the Republic of Belarus №. 219-Z of December 15, 1998. [Electron. resource] // OOO “Yurspektr” Nat. Legal Inf center. Rep. Belarus. Minsk, 2017.
7. Law of the Republic of Belarus № 279-Z of July 9, 1999 On International Arbitration Court (Tribunal). [Electron. resource] // OOO “Yurspektr” Nat. Legal Inf center. Rep. Belarus. Minsk, 2017.
8. The UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration, 2006. [Electronic resource]. Online access: http://www.uncitral.org/uncitral/en/uncitral_texts/arbitration/1985Model_arbitration.html Access date: 05.12.2017.

III. Case law

9. The decision of the International Arbitration Court at the Belarusian Chamber of Commerce on 01.03.2012 (Case N 978 / 84-10) // Consultant Plus: Belarus. TRAC Technology. [Electron. resource] / OOO “Yurspektr” Nat. Legal Inf center. Rep. Belarus. Minsk, 2017.
10. Opinion of Advocate General Wathelet delivered on 4 December 2014. ‘Gazprom’ OAO. Case C-536/13// European Court Reports, 2014. P. 21.

IV. Other documents

11. ICC Rules of Arbitration were adopted by the ICC International Court of Arbitration, 2017. [Electronic resource]. Online access: <http://www.iccwbo.org/products-and-services/arbitration-and-adr/arbitration/icc-rules-of-arbitration/>. Access date: 05.12.2017.
12. The Baker&McKenzie International Arbitration Yearbook 2009 // Kluwer Law International. Netherlands, 2012. 350 p.

Olga Ploshchadniaia
(Russian Federation)

PARLIAMENT AND RUSSIAN-SPEAKING PEOPLE IN ESTONIA: PECULIAR FEATURES OF LEGISLATIVE POLICIES IN 1990–1999

В статье представлены результаты анализа динамики политики, проводимой по отношению к русскоязычному населению в Эстонии в 1990-х гг. эстонским парламентом VI и VII созывов. Определяются факторы, имевшие ключевое влияние на процесс принятия соответствующих решений эстонскими властями, что позволяет глубже и объемнее понять проблематику “русского вопроса” в современной Эстонии.

In the up-to-date world the issue of interethnic relationship has many aspects and is infrequently considered to be hard to solve. The state boundaries rarely coincide with the country boundaries, two and even more ethnic groups can coexist in one state and interrelations between them could be based on different approaches. In some cases the principle of multiculturalism is invoked, in others the stateness is built on the dominance of one titular nation. Estonia is the exact case. The example of Estonia is also considered to be of intense interest for Estonia would have undergone dynamically and successfully the process of integration into European society at the end of the 1990s, yet the situation with the minority rights drastically differs from that in Europe.

Because of historical circumstances, approximately one-third of the population are not originally Estonians. In 1991, after the dissolution of the Soviet Union and recovering independence the Estonian government faced a range of socio-political problems; one of the pressing issues was the national problem. Rapid growth of the sense of national identity found vent in gaining independence, but secession from the USSR led to the escalation of tension between ethnic groups.

The purpose of this study is to trace the decisions made by the Estonian Parliament Riigikogu regarding the Russian-speaking population and to specify the factors that had the biggest impact on the decision-making process.

First of all, for an adequate analysis we should answer the question of who can be viewed as the Russian-speaking people: “the Russian-speaking people are, firstly, permanent residents of the Estonian Soviet Socialist Republic and

the Estonian Republic, for whom Russian is a mother language or functionally the first language, regardless the ethnical origin (for example, ethnically Russian or other ethnical group) and, secondly, who realize their belonging to the «Russian world» like to the transboundary culture-historical community” [1, p. 4].

This definition was pointed out in earlier papers, dealing with the same problematics, and the definitions concern two key aspects: language and self-identification.

Analyzing the policy of the Estonian Parliament in the 90s it seems reasonable to separate this monolithic period into two sub-periods: the first half and the second half of the 1990s. The separation is to be done on the basis of the changeable character of the policy. By dividing this solid period into smaller constituents we gain an opportunity to consider the problematics further and in a detailed way, to meticulously scrutinize impact-factors typical of each period, identify a neat characteristic of the dynamics within the period of the 1990s and to examine the problem from different perspectives.

Having compared two periods: 1990–1995 and 1995–1999, the following wave-like dynamics could be traced regarding the adoption of laws.

As part of the examination of the first period a sharper focus is brought on the policy of the Supreme Council (1990–1992) and the seventh convocation of Parliament (1992–1995) regarding the Russian-speaking population of Estonia: the composition of the parliament, distribution of the political forces, adopted laws and the response of Russia to ongoing events is analyzed.

In the first half of the 1990s a considerably restrictive nature of legislative acts can be highlighted. In the recent past, Estonia had a very short period of self-sufficient stateness. It was decided to base the state on the principle of one titular nation that was depicted in the Constitution of the Country ...

However; the fact that approximately one quarter of the population in Estonia turned out to be ethnically Russians complicated that process. According to the population census data (carried out in 1989), the Russian-speaking population composed 30,3% of the whole population [4, p. 4]. It must be added that the period of being a part of the Soviet Union was regarded as a disguised occupation, which drove back the potential development of the country for decades.

The Law on Citizenship, which was passed in 1995, severely restricted the political rights of the residents, who were not ethnically Estonians. This category of population was refused to be granted citizenship on the basis of the right of land; the only procedure left for them was naturalization, which involved demanding requirements (high level of language knowledge, historical

test). But this particular law should not be regarded as passed to discriminate the Russian-speaking population because at the beginning of the 1990s there was a widespread opinion that in the course of gaining independence the Russian residents who had earlier emigrated within the boundaries of the Soviet Union would go back to Russia [3, p. 333]. Accordingly, the adoption of the Law on Citizenship and the automatic transition of a large group of people into the category of non-citizens seem to be to some degree logical and reasonable. However, further development of historical action not under the considered scenario resulted in the majority of Russian-speaking population becoming noncitizens, meaning that they did not retain any political rights and, consequently, could not fully exercise economic rights and had limited access to social benefits.

The Russian Federation was endeavoring to mollify the situation by sending official diplomatic notes; however, it did not produce any effect on the political and economic status of the Russian-speaking population. In some way it influenced the emergence and further growth of anti-Russian prejudices in Estonian society with respective distancing from Russia for the time being and in further perspective.

The policy carried out by the VIIth convocation of the Estonian Parliament in the second half of the 1990s was examined. A considerable emphasis was put on the alignment of political forces in Parliament, the amendments to the bills proposed and the relationship between Estonia and the Russian Federation. The analysis of pieces of legislation by international organizations such as the United Nations Organization and the Council of Europe stands apart. It could be explained by the fact that the problem of legal unprotectedness of ethnical minorities had become apparent for the international community in the second half of the 1990s. It could be also claimed that up to this period the process of governmental institution formation in Estonia had already reached its completion. One of the turning points was the parliamentary election of 1995, when ethnically solely Estonian composition of Parliament was diluted with the Russian-speaking representatives. This held a considerable potential for mollifying the relationship between the Russian Federation and Estonia. It was a prerequisite for accomplishing the task of the conclusion of a boundary treaty between the Russian Federation and Estonia that was the challenge the Estonian Parliament faced in 1995. That is why the initial course was headed on building up mutually beneficial cooperation with the Russian Federation.

The perspective for Estonia to become a member of European Union and the fact that the number of Russian-speaking residents was enormously high were the crucial factors that had a considerable effect on the policy of Parlia-

ment, which resulted in revising the attitude to the the issue of granting the citizenship. The Law on citizenship passed earlier (in 1995) did not make a considerable contribution to the reduction of the number of non-citizens. In 1997, Estonia was invited to hold EU accession talks. The possible alteration of the international status had as a consequence the changes in the legislation of the country that affected all aspects of life of Estonian society.

As a bright example of changes one could mention an amendment to the Law on Citizenship: according to this amendment, in 1999 a simplifying procedure of acquiring citizenship for under-15s was introduced. In summary, the change of attitudes towards the citizenship issue and slight alteration in legislation became possible only for the perspective of the EU entry but not for the solution of the non-citizenship issue. The composition of the VIIth convocation of Parliament was not a crucial factor in this issue.

However, the international atmosphere minimized the chances of relaxing the laws on citizenship, building mutually beneficial cooperation relationships between Estonia and the Russian Federation and a favorable resolution of the boundary issue. The First Chechen War escalated in the mid-1990s reinforced a stereotype of Russia as an aggressive country threatening the national and cultural independence of Estonia and led to the ongoing anti-Russian policy within the country.

So, if the first period 1990–1995 can be characterized by the following features: strict mono-national policy and attempts to assimilate the non-Estonian residents, the second period – the second half of the 1990s – can be strongly identified with relaxing the laws under the pressure of the European community. But strategically the course remained the same.

Both these periods are interrelated and instantiated by the common goal – assimilation of the Russian-speaking population. The distinction between the periods lies in a softer strategy and relaxation of the provisions of the laws.

In the 1990s, heterogeneous factors had an impact on the law-making policy towards the Russian-speaking population and depended on internal and international atmosphere.

At the beginning of the 1990s, the main factor determining the nature of legislative proposals passed by the legislative body was the composition of the Supreme Council 1990–1992: solely the right-wing parties were introduced and this explains why no Russian-speaking representative entered Parliament in 1992. Consequential deprivation of the Russian-speaking population of the right to vote and to take part in the political life of the country became the starting point for pursuing further anti-Russian government policy. According

to the opinion of the representatives of the VIth parliamentary convocation 1992–1994, there was a solid ground for such policy.

Secondly, in the ongoing political situation the main direction was the forming of a mono-national state in Estonia that also was stated in the Preamble to the Constitution of Estonia. It should also be noted that the process of attaining independence was accomplished with the mounting opinion that all Russian-speaking residents would soon leave the country.

The second period of the national policy in Estonia – the second half of the 1990s – was marked with a slight modification of the course, though strategically it remained the same. This is rooted in several factors. First of all, it was the changes in the political composition on two governmental levels: in Parliament and the bodies of local administration [2, p. 21] [3, p. 346]. The pressure of the international organizations and the European community was the second impact-factor, making a contribution to relaxing the course of the state policy towards the Russian-speaking population.

Bur there was also another underlying condition, which reduced the slight attempts to mollify the legislation. It was the international events, and more specifically the Chechen War, escalated in the mid-1990s. The stereotype of Russia as a threat to ethnical identity played a decisive role.

National minorities were perceived as remnants of the adversary political and social reality of the Soviet Union and, therefore, were restricted in the political rights and, as a consequence, their socio-cultural and economic status was restricted, too. The central problem of the internal policy of Estonia remained the same – building of civil society and forming a democratic system that would guarantee the rights and freedoms to every person not depending on their ethnic origin.

Taking the analysis of both periods into consideration we could arrive at the conclusion that the dynamics of the policy towards the Russian-speaking population of Estonia in the 1990s wasn't solely up- or down-tending, its nature was wave-like.

The ethnically solely Estonian Parliament and the effort to build a mononational state at the beginning of the 1990s could be called the beginning point. Time showed that the Russian-speaking population of Estonia remains a considerable part of society and that the process of assimilation proceeded considerably more slowly than had been expected and even provoked instability in society. In the second half of the 1990s, the changed composition of Parliament and the building of mutually beneficial cooperation with the Russian Federation led to a brief period of favorable policy that was later changed by general tightening of the screw and adopting amendments, narrowing the

window of opportunities for Russian-speaking people to take part in the governmental process on all levels. It was determined by the perception of the Russian Federation as a threat caused by the Chechen War. National minorities were perceived as remnants of the adversary political and social reality of the Soviet Union in the past and as an object of political influence for Russia in the future.

The opportunity of the EU entry and the pressure of the European society and the international organizations were the components of the second factor, which contributed to the mitigation of the public policy to the Russian-speaking population at the end of the 1990s.

As a result, orientation towards the assimilation of the Russian-speaking population, dominant in the first half of the 1990s, was changed to a policy of integration, set forth in the early 2000s.

The national program “Integration in Estonian society 2000–2007” pursued the following objectives: building a society made up of people loyal to the Estonian State and making Estonian the common language in all spheres. This decision can be claimed to be the termination of the 90s; it is an indicator of what the Estonian policy came to after a period of trials and errors. It is a farewell to the illusion that could carry the name “Estonia for Estonians”. The national question cannot be solved quickly, as it was attempted in the early 1990s. It was impossible to find immediate solutions and caused the destabilization of society. The matter of coexistence of two and sometimes even more ethnicities (nations) is very complicated and hard to solve. In some cases, the principle of multiculturalism is invoked, in others the stateness is built on the dominance of one titular nation. But no doubt this is an important issue – it is a matter of human living space and their self-identification.

References

1. Sverev, K.A. The Russian-speaking population within the framework of state national policy in 1992–2007. PhD dissertation (History), Kostroma, 2015 (in Russian).
2. Meeltsemees, S. Local government in Estonia. Tallinn, 2011 (in Russian).
3. Savisaar, E. The Truth About Estonia. Tallinn, 2011 (in Russian).
4. Furman, D., Sadorozhnyuck, E. Social challenges of Russian community abroad, the Balti Russian culture, 2004. // http://ecsocman.hse.ru/data/517/836/1219/2004_n3_p98-130.pdf (reference date: 23.03.2017).

Сергей Шошин
(Российская Федерация)

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ ПРИНЦИПЫ И НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: РОССИЙСКИЙ МИФ ИЛИ РЕАЛИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Today the world community is characterized by a significant variety of legal, ideological and religious systems. Defining certain principles and norms of international law as recognized by all countries today is not always possible unequivocally. Russian national law includes as its source generally recognized principles and norms of international law. The issue of relevance of the category "generally recognized principles and norms of international law" for the theory of international public law today does not imply an unambiguous answer.

На протяжении нескольких десятилетий многочисленным исследователям казались стабильными и однозначно трактуемыми общепризнанные принципы и нормы международного права. В современных условиях под воздействием проявлений процессов глобализации толкование данных общепризнанных принципов и норм международного права оказывается связанным с некоторыми проблемными моментами, которые, правда, вполне логично укладываются в мифологемы прошлого.

Интересно в этой связи проанализировать содержание понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права». На первый взгляд, такая формулировка должна означать признание этих принципов и норм всеми государствами (территориями). Или как минимум их признание всеми государствами, выступающими в качестве субъектов международного права. Даже профессиональные специалисты в области международного права затрудняются на данный момент ответить на вопрос, сколько именно сегодня в мире имеется субъектов международного права. Государства и территории – создаются и трансформируются, меняются официальные и полномочные органы власти и управления. Не все вновь созданные тем или иным образом органы управления на некоторых территориях оказываются в данный конкретный момент официально признанными всеми другими странами и тер-

риториями, являющимися безусловными субъектами международного права. Сложно определить, сколько стран (территорий) должно признать каждую конкретную норму международного права, каждый называемый прежде общепризнанным принцип международного права. В целом ряде стран мира вовсе отсутствует писаное законодательство. В таких случаях также не всегда легко быстро, правильно и однозначно сделать категорический вывод о том, можно ли отнести некий принцип и некую индивидуально определенную норму международного права к числу традиционно выделявшихся прежде общепризнанных. Смена власти в каком-либо конкретном государстве (территории) также может (при иных необходимых условиях) способствовать возникновению сомнений в обоснованности отнесения конкретной нормы и (или) принципа международного права к числу общепризнанных. Обширная практика актов, вынесенных Международным уголовным судом (МУС), довольно красноречиво подтверждает данную точку зрения.

Г.В. Игнатенко отмечал: «в некоторых учебниках можно встретить утверждения, что источники международного права, признаваемые всеми государствами, перечислены в ст. 38 Статута Международного Суда ООН» [2, с. 138]. Правда, автор процитированного фрагмента учебника не дал ссылок на конкретные источники его осведомленности. Похожая точка зрения была высказана Мартинсом Папаринским (Martins Paparinskis) в интервью, которое он дал автору статьи. М. Папаринскис работает доцентом международного публичного права в Университетском колледже Лондона. Он предполагает, что большинство юристов, специализирующихся в международном праве, будут использовать в качестве упомянутых выше источников перечень, содержащийся в ч. 1 ст. 38 Статута Международного суда ООН. Мотивируется подобная точка зрения тем, что разговор здесь идет об общих принципах. Не имеет значения даже наличие разумных разногласий о включении данных принципов именно в структуру международного права (например, добросовестность). В качестве основы можно также взять и принципы, вытекающие из внутренних, национальных, правовых актов. Эти вопросы, в частности, затрагиваются в работе Исследовательской комиссии Ассоциации международного права «Мир и справедливость посредством закона». При этом сам термин «нормы» не является распространенным в англоязычном сегменте международного права. Исключение составляют императивные нормы. Здесь традиционно применяются обычные правила. В итоге, очевидно, существуют правила, применимые в целом для

всех случаев, несмотря на некоторые различия терминологии в русскоязычном и англоязычном сегментах международного права.

При интервьюировании Николаоса Кекериса (Nikolaos Kekkeris, Ph.D., Ассоциация адвокатов города Салоники, Греция) нами было выяснено, что международные договоры – базовый инструмент международного права – основаны на общепризнанных нормах и принципах. В своем диссертационном исследовании [8, с. 5] Кекерис, в частности, отмечает, что Нюрнбергский приговор является примером реализации «обычаев» (общепринятых принципов и норм) в международном праве. Похожий результат получен и при интервьюировании Итай Снех (Itai Sneh), доцента истории прав человека, мировой цивилизации и прав человека Колледжа Джона Джея городского университета штата Пенсильвания (Колумбия, США).

Нам видится целесообразным поставить вопрос о степени правомерности существования сегодня такой категории, как «общепризнанные принципы и нормы международного права». Не исключая саму потенциальную возможность наличия сторонников объективной необходимости подобной категории, можно предложить таким исследователям разработать полный и однозначный перечень включенных в состав этой категории принципов и норм. Оптимальным решением было бы надлежащим образом обсудить и затем оформить официально итоговое принятое решение. Одним из вариантов места обсуждения таких инициатив можно было бы предложить площадку ООН. Конечно, впоследствии теоретически возможными могут стать некоторые формальности, например потребность в ратификации подобных актов на национальном (законодательном) и ином уровне. Начало рекомендуемого процесса международного обсуждения такой проблемы международного права как минимум смогло бы привлечь к нему внимание не только представителей научной общественности, но и руководителей ряда государств. Конечно, преждевременно абсолютизировать потенциальные итоги подобного обсуждения проблемы.

Интересные результаты были получены при интервьюировании доктора Метью Париша (Matthew Parish), адвоката (Швейцария). Париш прежде был руководителем юридического отдела в Управлении Высокого Представителя в Боснии и Герцеговине (специализированного агентства ООН). По его мнению, международное право является творением дипломатии. Международное право не может быть навязано чьим-то окончательным моральным авторитетом. Не существует глобального правительства. Государства могут лишь сотрудничать между собой. Со-

глашение между государствами является важнейшей аксиомой международного права. Все государства имеют свои собственные ценности. Международное право не может состоять в одностороннем наложении ценностей, актуальных для одного государства, на ценности, важные для иного государства. Есть категория *jus cogens* (императивные нормы). Это ценности, общие для всех государств, которые и создают международное право. Они являются ограниченными и редкими и важны там, где существуют. В то же время их значение не может быть универсальным, ибо мир характеризуется разнообразием. В частности, деятельность некоторых международных организаций выходит за строгие рамки устанавливающих их правовой режим договоров. В итоге – чрезмерно расширяется их правотворческое право, и права некоторых международных организаций. Международное право отличается нестабильностью. Сфера действия международного права должна быть ограничена областями отношений, в которых государства нашли консенсус. На сегменты отношений, по которым государства не нашли еще соглашения, сфера действия международного права не распространяется. Международное право не может являться средством навязывания государствам какой-либо позиции. Оно лишь средство сотрудничества государств. Цели международного права должны быть скромнее: содействие диалогу и координации отношений между государствами, у которых имеются общие интересы. Здесь не должно быть кода для диктовки конкретного алгоритма, по которому обязаны действовать участники международных общественных отношений.

Обосновываемое в статье мнение не особенно популярно среди представителей некоторых важных теорий международного права. По мнению представителей отдельных государств, международное право является собой набор принципов, которые эти государства должны навязывать всему миру. В последнее время широкое распространение находит более реалистичная точка зрения. И к этому следует адаптироваться. Как само международное право, так и международные организации, его реализующие, должны оставаться актуальными. Они должны вернуться к своей первоначальной направленности. Ее суть – сотрудничество между государствами (в рамках согласованных параметров) для достижения общих целей. Излишняя амбициозность в отношении международного права рискует создать конфронтацию, а не сотрудничество и нарушить подлинный консенсус. Специалистам в сфере международного права можно рекомендовать быть скромнее. У них не может быть решения для каждой международной проблемы. Международное право не должно

вытеснять политику великой державы. Международное право будет в состоянии добиться больших результатов, будучи менее амбициозным по своей сущности.

Конкретные нормы международного права – существуют. К их числу М. Париш относит:

- 1) верховенство соглашений государств над другими утверждаемыми источниками международного права;
- 2) интерпретацию языка договора в соответствии с его текстом;
- 3) тщательный сервис международных чиновников как честных брокеров (посредников) даже в условиях самых сложных времен в международных отношениях;
- 4) важность предсказуемости действий государств, способствующих мирному мировому порядку.

В рамках интервью Скримантас Бикелис (Skrimantas Bikelis), главный научный сотрудник Института права Литвы (г. Вильнюс), высказал идею о том, что доктрина ретроактивности ответственности за геноцид основана на общепризнанных принципах и нормах. Вместе с тем здесь имеется пространство для дальнейших исследований. Значительно дальше продвигает эту идею Н.А. Сафаров, отмечая, что в современной доктрине международного уголовного права геноцид, преступления против человечности, военные преступления, пытки нередко именуют как «*jus cogens* преступления» [5, с. 84]. Схожих точек зрения придерживаются и некоторые иные авторы [9, с. 63; 10, с. 101; 11, с. 181; 12, с. 288].

Интерес вызывает и национально-правовой аспект исследования проблематики категории «общепризнанные принципы и нормы международного права». Анализ содержания категории общепризнанных принципов и норм международного права связан с определением указанной категории, данной в Постановлении от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». Пристальное исследование текста данного Постановления Пленума Верховного Суда РФ (в действующей сегодня его редакции) позволяет установить наличие достаточно серьезных дополнений и корректив. Следуя определению общепризнанных принципов международного права, сформулированному в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г., можно отнести к ним соответствующие основополагающие императивные нормы международного права, которые международное сообщество государств принимает и отклонение от которых в целом считает недопустимым. В качестве примеров общепризнанных принципов междуна-

родного права в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. (в действующей сегодня редакции) были названы:

- 1) принцип всеобщего уважения прав человека;
- 2) принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

В п. 6 ч. 1 этого же Постановления дано определение общепризнанной нормы международного права: это правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств. Признаваться оно должно при этом в целом, одновременно выступая в качестве юридически обязательного правила поведения. Возможно, в будущем учеными будет разработана некая востребованная мировым сообществом категория, способная занять место сегодняшних общепризнанных норм и принципов международного права.

Вместе с тем А.Я. Капустин отмечает, что «общепризнанной системы международного права не существует» [3, с. 37]. Конечно, подобное высказывание известного российского ученого, специализирующегося в международном публичном праве, не стоит рассматривать как ставящее под сомнение обоснованность выделения в современной России общепризнанных принципов и норм международного права. Тем не менее интересным предполагается научный анализ степени субъективности и избирательности при отнесении конкретных принципов и норм международного права к числу общепризнанных.

Интерес может вызвать и анализ точки зрения известного современного российского юриста В.С. Нерсесянца, не только не выделяющего вовсе среди источников права общепризнанные принципы и нормы международного права, но и не рассматривающего их в числе таковых [4, с. 411]. Некоторый диссонанс здесь вызывает мнение С.А. Авакьяна, считающего, что «надо признать международно-правовые нормы возможными источниками конституционного права» [1, с. 86]. Отдельного философского (в том числе) анализа заслуживает использованная оговорка «возможными». Основой для этого может стать содержание ч. 4 ст. 15 действующей сегодня редакции Конституции России. В ней говорится о том, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Похожая ситуация существует и в правовой системе современной Греции. В процессе интервьюирования Вассилиолис Кондилис (Vassilios

Kondylis), действующий судья Европейского трибунала по ядерной энергии (от Греции) (European Nuclear Energy Tribunal), сослался на содержание п. 1 ст. 28 Конституции Греции: «Общепризнанные нормы международного права, а также международные конвенции с момента их ратификации законом становятся действующими в соответствии с надлежащими условиями (вступлением в силу), являются неотъемлемой частью греческого законодательства и имеют преимущественную силу в отношении любого противоречащего им положения закона. Правила международного права и международные конвенции применяются к иностранцам лишь при условии взаимности». Подробный анализ указанных аспектов содержится в статье Г.И. Тункина [6, с. 419] и в монографии Ханса Кельзена [7, с. 4].

Заслуживают самостоятельного обширного исследования аспекты соотношения международного и национального права в случае современных реалий в США. В ходе интервьюирования Филиппа Лайонса (Philip Lyons), декана колледжа уголовного правосудия в государственном университете Сема Хьюстона (Техас, США), было выяснено, что конвенции и резолюции ООН обычно опираются на убеждение в авторитете власти международного права. По крайней мере, в судах США. В соответствии с ч. 2 ст. VI Конституции договоры с другими странами также имеют в США силу закона.

С учетом влияния глобализации на политические, законодательные и иные процессы, имеющие значение на национальном и межгосударственном уровнях, можно констатировать наличие категории «общепризнанные принципы и нормы международного права». Вопрос о целесообразности наличия данной категории в структуре международного публичного права сегодня не имеет какого-то однозначного ответа. Для поиска оптимального ответа необходимо проведение соответствующего обсуждения всеми заинтересованными сторонами на высоком уровне. Его результатом может стать дальнейшее совершенствование теории международного публичного права, уточнение некоторых его категорий.

Литература

1. Авакьян, С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 864 с.
2. Международное право: учебник / отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 752 с.
3. Международное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / под ред. А.Я. Капустина. М.: Юрайт, 2017. 282 с.

4. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. 560 с.
5. Сафаров, Н.А. Преследование международных преступлений: универсальная юрисдикция против дипломатического иммунитета // Государство и право. № 9. М.: Наука, 2011. С. 81–92.
6. Tunkin, G.I. Remarks on the Juridical Nature of Customary Norms of International Law // California Law Review. Vol. 49. August 1961. № 3. P. 419–430.
7. Kelsen, H. Principles of international Law. Clark, New Jersey: The Lawbook Exchange, Ltd, 2003. 460 p.
8. Kekeris, N.I. A Study in Nazi Looted Art Cases. Traditional and Modern Ways of Restitution – Thessaloniki, Greece, 2013. 35 p.
9. Bassiouni, C. International Crimes: Jus Cogens and Obligatio Erga Omnes // Law and Contemporary Problems. 1996. Vol. 59. № 4. P. 63–74.
10. Cryer, R. Prosecuting International Crimes: Selectivity and International Crimes. Cambridge, 2005. P. 101.
11. Ferdinandusse, W. Direct Application of International Criminal Law in National Courts. The Hague, 2006. P. 181–185.
12. Orakhelashvili, A. Peremptory Norms in International Law. Oxford, 2008. P. 288–306.

Юлія Батура
(Беларусь/Літва)

ЖАНОЧЫЯ МАРШРУТЫ І ГІДЫ БЕЛАРУСКАЙ ВІЛЬНІ ЯК РЭВІЗІЯ ТРАДЫЦЫЯНАЛІСЦКАГА БАЧАННЯ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ

The article represents a gender-based approach to the interpretation of cultural heritage. The author examines the problem of the traditionalist vision of the heritage, which leads to the marginalization of women's stories from the space of a historical site and the exclusion from the official narrative. Revision of this approach is possible through the creation of new interpretation projects that would complement and enrich the historical and cultural image of the city and make its representation more gender-balanced. The analysis of a particular case of the Belarusian Vilnius showed that the approach to the interpretation of its heritage is characterized by traditionalism. To prove it, the author conducts a gender content analysis of existing guidebooks and interviews Belarusian history and heritage experts. As a practical solution to this problem, the project "Vilnius: Voices of Belarusian Women" was suggested, which includes virtual routes to the places of Belarusian women who lived in Vilnius.

Гендар, спадчына і беларуская Вільня – гэта формула назвы артыкула і тэмы маёй бакалаўрскай працы. Актуальнасць яе вынікае з патрэбы ў «пошуку новых даляглядаў ведаў» у галіне спадчыны і актуальнасці праблемы гендарнай роўнасці. Гендарны падыход да спадчыны мае два асноўныя напрамкі для даследавання. Першы – улік удзелу мужчын і жанчын у прыняцці рашэнняў у сферы спадчыны, другі – гендарная рэпрэзентацыя ў сродках інтэрпрэтацыі спадчыны [6, с. 14]. Я спынілася на апошнім, а дакладней, на гідах і маршрутах. Лакалізацыя тэмы – беларуская Вільня, пад якой я разумею культурна-інтэлектуальную прастору, сукупнасць матэрыяльнай і нематэрыяльнай спадчыны, якая звязана з гісторыяй беларусаў і беларусак Вільні, а таксама з гэтак званай беларускай прысутнасцю ў Вільні, якая захоўваецца і па сёння [13, с. 6]. Маё даследаванне – гэта спроба адказаць на наступныя пытанні: якое месца адведзена жаночаму досведу і гісторыям у гідах па беларускай Вільні? Ці з’яўляецца бачанне гэтай спадчыны традыцыяналісцкім? І калі так, то ці магчыма зрабіць яго рэвізію з дапамогай іншых, альтэрнатыўных гідаў?

Рэвізія традыцыяналісцкага бачання спадчыны

Традыцыяналісцкае бачанне спадчыны звязана з праблемай яе (не) інтэрпрэтацыі і стаіць у адным шэрагу з праблемамі этнічнымі, расавымі, класавымі і інш. Асноўнай праявай з’яўляецца дамінаванне мужчынскага ў дыскурсе, што адхіляе магчымасць уключэння жанчын, калі толькі для гэтага не прыняты наўмысныя крокі. То бок за «нейтральнай спадчынай», як і за «нейтральнай мовай», часта хаваецца мужчынская перспектыва [3, с. 32]. Інакш кажучы, нейтральнасць спадчыны – гэта міф, які разбіваецца, перш за ўсё, з асэнсаваннем палітызаванага характару як гісторыі, так і спадчыны. Як пісаў Г. Эшварт: «Любое абвяшчэнне грамадскай спадчыны, як уключэнне ў спіс ахоўваемых помнікаў, ці маркіроўка артэфекта або стварэнне даведніка (гіда), гэта прэтэнзія на месца і, такім чынам, палітычны акт, які вынікае з палітычных рашэнняў, нават калі, як гэта звычайна бывае, тыя, хто выконваюць яго, не маюць такіх ведаў або намераў» [1, с. 15].

Сёння пры распрацоўцы інтэрпрэтацыйных праектаў амаль што ўвесь свет згодны кіравацца прынцыпамі хартыі Міжнароднай рады па помніках і мясцінах (International Council on Monuments and Sites) «Пра інтэрпрэтацыю і прэзентацыю гістарычных месцаў». Адзін з іх абвяшчае: «кожная супольнасць мае права быць рэпрэзентаванай праз культурнае месца, калі мае да яго дачыненне» [14, с. 5]. Тым не менш выданне ЮНЕСКА «Gender equality, heritage and creativity» сведчыць, што і па сёння гендарны аспект у інтэрпрэтацыі спадчыны часта не ўлічваецца [6, с. 13]. У той жа час, як піша Сара Шортлайф, «уключэнне жаночай спадчыны вельмі карысна для мясцовых жыхароў, асабліва для жанчын, якія атрымліваюць павышанае пачуццё ўласнасці, датычнасці, прыналежнасці і адказнасці, але таксама робіць досвед узаемадзеяння і камунікацыі мужчын са спадчынай больш разнастайным. Турысты ж пакідаюць месца з больш дакладным уяўленнем пра яго гісторыю і культуру» [5, с. 39].

Што такое *рэвізія традыцыяналісцкага бачання спадчыны* і як яе ажыццяўляць? У гісторыі пад рэвізіяй разумеюць карэнны перагляд усталяваных у пэўнай галіне канцэпцый і падыходаў [2, с. 9]. Па сутнасці гэта дапаўненне афіцыйнага наратыва новымі падыходамі, асобамі, падзеямі і г.д. А ў кантэксце спадчыны стварэнне альтэрнатыўных інтэрпрэтацыйных праектаў, якія даюць новы погляд на гістарычную мясціну, узбагачае такім метадам яе дадатковую каштоўнасць. Бясспрэчна, рэвізія бачання спадчыны пачынаецца з гісторыі, і тут даследаванні развіліся

па двух асноўных шляхах: універсалісцкім і дыферэнцыялісцкім. Не буду падрабязна спыняцца на кожным з іх, але адзначу, што ў дыферэнцыялісцкай традыцыі, то бок у такіх краінах, як ЗША, Канада, Аўстралія, Вялікабрытанія, апошнія дзесяцігоддзі гісторыя сапраўды папоўнілася нечувалай колькасцю біяграфій забытых жанчын, хронікай фемінісцкіх рухаў, з’явіліся часопісы і грамадскія інстытуцыі, прысвечаныя непасрэдна жаночым даследаванням. У тым ліку з’явіліся адны з найбольш яркіх прыкладаў інтэрпрэтацыйных праектаў, мэтанакіраваных на ўключэнне жаночага ў прастору горада [4, с. 32].

Аднак дыферэнцыялісцкі падыход надта схільны да сепаратызму, у той час як універсалісцкі – да інтэграцыянізму. Абедзве крайнасці перашкаджаюць дэмаргіналізацыі жаночага, таму даследчыкі сыходзяцца на меркаванні, што прынцыпы дзвюх гэтых плыняў неабходна сумяшчаць [4, с. 45]. Дарэчы, рэвізія традыцыяналісцкага бачання спадчыны супадае з сучаснай глабальнай тэндэнцыяй да «памнажэння мінулых» (pluralizing pasts), якая звязана са зменай погляду на гісторыю і спадчыну і плюралізацыяй грамадстваў [1, с. 10]. Аднак шлях да легітымізацыі маргіналізаванай спадчыны – гэта ў пэўным сэнсе бясконцы і дынамічны працэс, асабліва ўлічваючы, як хутка сёння змяняюцца палітычныя абставіны.

Кажучы пра гід (шляхаводнік, даведнік), зразумела, што нават самы падрабязны экзэмпляр не зможа ўключыць абсалютна ўсю інфармацыю пра гістарычнае месца. Таму існуе семантызацыя апісваемай прасторы праз змест даведніка, якая і праяўляецца праз адбор. Іерархія матэрыялаў дазваляе рэканструяваць не толькі пасыл аўтара, але і стэрэатыпы і вобразы эпохі, ідэалагічныя ўстаноўкі [12, с. 20]. Адпаведна, уладавыя і гендарныя адносіны пранізваюць сэнсавую канву любой інтэрпрэтацыі. Гэта значыць, што гендар з’яўляецца карыснай катэгорыяй аналізу не толькі гісторыі, але і спадчыны.

Жаночая спадчына беларускай Вільні: гіды і меркаванне экспертаў

Існуе ўсяго чатыры гіды па спадчыне беларускай Вільні, два з якіх друкаваныя (Лявон Луцкевіч «Вандроўкі па Вільні» [13] і Кірыл Атаманчык «Беларуская прысутнасць у Вільні» [7]) і два віртуальныя, апублікаваныя на вэб-сайце («Страчаная сталіца» Кастуся Лашкевіча [12] і «Беларуская Вільня» Аляксея Лапо [18]). У сваім курсавым даследаванні я праводзіла гендарны кантэнт-аналіз, які паказаў, што колькасць згадак пра

жанчын у іх значна менш, чым пра мужчын [8]. Роля і ўнёсак жанчын у гісторыю беларускай Вільні нябачная, паколькі ў тэксце інфармацыі пра гэта амаль што няма. Вылучаецца гід Л. Луцкевіча «Вандроўкі па Вільні», у якім ёсць асобная частка, прысвечаная Цётцы [13, с. 34], чаго не знайсці ў астатніх гідах. То бок жаночым гісторыям там амаль што няма месца, і адпаведны пласт спадчыны ігнаруецца. Такія вынікі дазволілі зрабіць выснову, што беларуская жаночая спадчына не актуалізаваная ў гідах па беларускай Вільні, агульнае бачанне з'яўляецца традыцыяналісцкім.

Я таксама паразмаўляла пра беларускую жаночую спадчыну Вільні з трыма экспертамі ў сферы гісторыі і спадчыны: старшынёй Таварыства беларускай культуры ў Літве Аляксандрам Адамковічам, выкладнікам ЕГУ доктарам гуманітарных навук Сцяпанам Стурэйка і кандыдатам гістарычных навук Андрэем Чарнякевічам. Цягам інтэрв'ю яны пацвердзілі наяўнасць гэтай праблемы не толькі ў выпадку беларускай Вільні, але і ў больш шырокім беларускім кантэксце, дзе мужчынскае дамінуе не толькі ў афіцыйным нарatywе, але і ў рэальным жыцці. Самі эксперты часам аспрэчвалі фармулёўкі, якія падкрэсліваюць вастрыню раскрываемай праблемы, шчыра выказваліся пра няпоўнае разуменне некаторых паняткаў, якія тычацца гендарнага вымярэння гісторыі і спадчыны. Гэта сведчыць, па-першае, пра пакуль што маргінальны статус гендарных даследаванняў спадчыны, а па-другое, што на момант інтэрв'ю ў экспертаў прысутнічала абумоўленая беларускай інтэлектуальнай традыцыяй схільнасць да савецкага ўніверсалізму. Да таго ж нярэдка ў грамадствах, дзе пераважае ўніверсалісцкі падыход, гендарнае пытанне лічыцца ўжо вырашаным, у рэальнасці ж роўнасці палоў няма, адпаведна бачанне культурынай спадчыны з'яўляецца традыцыяналісцкім, хаця пастулюецца нейтральным [9].

Тэарэтычная база, гендарны аналіз гідаў і інтэрв'ю з экспертамі даказваюць наяўнасць праблемы традыцыяналізму ў інтэрпрэтацыі спадчыны беларускай Вільні. У якасці рашэння я распрацавала выдавецкі інтэрпрэтацыйны праект гіда «Вільня: галасамі беларускіх жанчын». Ён прадугледжвае маршруты па месцах, якія звязаны з жыццём і дзейнасцю беларусаў, якія жылі ў Вільні. Віртуальную версію ў форме творчага артыкула я падрыхтавала для часопіса «Перекрёстки». Гід уключае гісторыі выбітных беларусаў Цёткі і Зоські Верас, а таксама жаночага аб'яднання, аднаго з першых у Заходняй Беларусі міжваеннага часу. Асноўны прынцып складання – гістарычныя месцы ў храналагічным парадку, праз якія расказваюцца не толькі біяграфія і асноўныя падзеі жыцця і

дасягненні, але і прыватныя моманты, то бок урыўкі з дзённікаў, успамінаў, літаратурных твораў [9].

Зразумела, што нават калі абмежавацца часавым перыядам канца XIX–XX стст. – часам росквіту беларускай інтэлектуальнай дзейнасці ў Вільні, то тут працавалі, шпацыравалі, агітавалі, змагаліся, кахалі, сумавалі не толькі Алаіза Пашкевіч і Людвіка Сівіцкая, а яшчэ і шмат іншых дзеячак, пісьменніц, педагогаў, паэтак, як Наталля Арсеннева, Алена Сакалова-Лекант, Паўліна Мядзёлка, Палута Бадунова, Эліза Ажэшка, Надзея Шнаркевіч, Антаніна Астроўская, Ганна Ластоўская, Юлія Вітан-Дубейкаўская і г.д. Няцяжка ўявіць, што гэтая колькасць павялічыцца, калі мы прыбяром часавыя рамкі і ўлічым, што беларуская прысутнасць у Вільні захоўваецца і па сёння. Кожная з жанчын пакінула свой след у гістарычнай і культурнай прасторы горада, па якім магчыма складаць маршруты, экскурсіі, здымаць кіно, распрацоўваць мабільныя аплікацыі і іншыя праекты, каб дапоўніць гісторыю, узбагаціць уяўленне пра спадчыну беларускай Вільні і, такім чынам, спрыяць дэмаргіналізацыі жаночых гісторый.

Нельга сказаць, што рэалізацыя аднаго такога праекта дапаможа адразу зрушыць у бок раўнаважнай гендарнай рэпрэзентацыі, і роўнасці наогул. Але мне падаецца, што гэта крок у правільным накірунку. Тым больш сучасны кантэкст уключае перадумовы для таго, каб падобнае зерне ведаў прарасло: па-першае, цікаўнасць да альтэрнатыўных гідаў і маршрутаў расце і, па-другое, у Беларусі і зараз ствараюцца праекты, якія прысвечаны выключна жаночаму. Прыкладам можа стаць кніга 2017 г. «Бліскавіцы: Анталагія беларускай жаночай паэзіі міжваеннага перыяду» [15] альбо серыя календароў «Жанчыны Беларусі» пад рэдакцыяй Алены Гапавай [11]. У Вільні адбываюцца падобныя тэматычныя выстаўкі, напрыклад жаночага мастацтва літовак міжваеннага перыяду, куратарка Ева Бурбайте [16]. Альбо экскурсія «Найбольш знакамітыя жанчыны Вільні» на базе віленскага турысцка-інфармацыйнага цэнтра, якая расказвае пра жанчын пачынаючы з эпохі заснавання Вільні [16].

Такім чынам, традыцыяналісцкае бачанне спадчыны – гэта гендарная нечулівасць у падыходзе да інтэрпрэтацыі спадчыны і адлюстраванне патрыярхальнага ўплыву на інтэлектуальнае поле. Яго рэвізія павышае, асабліва ў жанчын, пачуццё датычнасці і прыналежнасці да спадчыны, спрыяе прасоўванню натхняльных прыкладаў моцных жанчын. Да таго ж узбагачае досвед узаемадзеяння мужчын са спадчынай і дае больш дакладнае ўяўленне пра гісторыю і культуру мясціны. Аналіз бачання культурнай спадчыны беларускай Вільні паказаў прысутнасць традыцыя-

налізму ў падыходзе да інтэрпрэтацыі. Аднаводна, праект гіда «Вільня: галасамі беларускіх жанчын», які ўключае маршруты па мясцінах выбітных беларускіх дзеячак, можа рэалізаваць такія падыходы, зрабіць значны ўнёсак для ўключэння жанчын у афіцыйныя наратывы.

Літаратура

1. Ashworth, G.J., Graham, B. and Tunbridge, J.E. Pluralising pasts: heritage, identity and place in multicultural societies. London: Pluto Press, 2007. 236 p.
2. Giovanni C. Cattini. Historical revisionism. The reinterpretation of history in contemporary political debate // Transfer. № 6. Catarroja, Afers, 2008. P. 28–38.
3. Moshier, Marissa J. Commemoration and Protest: The Use of Heritage Trails to Connect Women's History with Historic Sites. (Masters Thesis). University of Pennsylvania, Philadelphia, PA, 2010. 138 p.
4. Scott, Joan Wallach. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // Gender and the Politics of History. Revised Edition. New York: Columbia University Press, 1999. P. 28–50.
5. Shortliffe, S. Ellen, Gender and (World) Heritage: The Myth of a Gender Neutral Heritage, Master thesis, Brandenburg University of Technology Cottbus, 2008.
6. UNESCO, Gender Equality: Heritage and Creativity. Paris, 2014. 158 c.
7. Атаманчык, К. Беларускія старонкі Вільні. Вільня, 2012. 141 с.
8. Батура, Ю. Гендарная рэпрэзентацыя ў гідах па беларускай Вільні: курсавая праца. Вільня, 2016.
9. Батура, Ю. Жаночыя маршруты і гіды беларускай Вільні як рэвізія традыцыйналісцкага бачання культурнай спадчыны (на прыкладзе маршрутаў Цёткі і газеты «Жаночка справа»): бакалаўрская праца. Вільня, 2017.
10. Каляндар 2001: Жанчыны Беларусі: шляхі ды свабоды. Даведк. выд.: [Насцен. каляндар] / Канцэпцыя і агульн. рэд. А. Гапавай; фота – А. Багамолава; дызайн – А. Пігальскай; тэкст – О. Бажэнавай, А. Гапавай, Т. Каптур і інш. Мінск: ЕГУ, 2003.
11. Киселева, Л. Путеводитель как семиотический объект: к постановке проблемы (на примере путеводителей по Эстонии XIX в.) // Путеводитель как семиотический объект: сборник статей / Тартуский государственный университет. Tartu: Tartu Ulikooli Kirjastus, 2008. С. 15–41.
12. Лашкевіч, К. Страчаная Сталіца. Дапаможнік-гід па Вільні, 2009. [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <<http://vilnia.by.com/archives/3622>> Дата доступу: 10 сакавіка 2017; 19:59.
13. Луцкевіч, Л. Вандроўкі па Вільні. Вільня: Выдавецтва таварыства беларускай культуры ў Літве, 1998. 152 с.
14. Хартія ИКОМОС об интерпретации и презентации достопримечательных мест. Квебек, 2008.

15. Янкута, Г. Бліскавіцы: Анталогія беларускай жаночай паэзіі міжваеннага перыяду. [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <<http://lit-bel.org/by/library/bliskavicy-antalogija-bjearuskaj-zhanochaj-paezii-mizhvajennaha-pjeryjadu.html>> Дата доступу: 15 сакавіка 2017; 8:30.
16. Афіцыйны сайт Віленскага турыстка-інфармацыйнага цэнтра. [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <<http://www.vilnius-tourism.lt>> Дата доступу: 15 сакавіка 2017; 8:30.
17. Лапо, А. Беларуская Вільня: сайт грамадска-культурніцкай кампаніі Беларусі «Будзьма беларусамі!», 2014. [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <<http://budzma.by/news/bn-iq48-i-pomidoroff-skyemili-na-trokh.html>> Дата доступу: 18 сакавіка 2017; 19:52.

Владимир Грисюк
(Украина)

СЕКСУАЛЬНЫЙ КОНТЕНТ В УКРАИНСКИХ МЕДИА: ГЕНДЕРНЫЙ И ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ В СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

This article is an attempt to identify the spreading limits and the influence of the Ukraine's "sexual TV content" on the audience. It specifies its situational character (discussions of the sexual theme in the cartoons such as "Sponge Bob", "Teletubbies", "Shrek", "Simpsons" and in the Eurovision song contest) as well as targeted character (in the separate releases of the social talk shows "Ukraine speaks", "One for all" and "Weekend after midnight"). In the second case, the mass media, trying to respond to the basic standard canons and to the journalistic work ethics, introduce the "sexual content" in the television programs manipulatively by social and communicational technologies. In view of the negative influence of the media manipulations, research of the creation mechanism of this TV content and the role of social and communication technologies in this process is important.

Цель статьи – описать модели репрезентации «феминизма» и «гомосексуальности» в украинских СМИ.

Украинские медиа предлагают размытые образы понятий «феминизм» и «гомосексуальность». Журналисты, как правило, рассказывают об этих явлениях в развлекательной стилистике. Таким образом, создаются и тиражируются стереотипные образы женщин, отстаивающих собственные права, и мужчин (а также женщин) с «нетрадиционной» сексуальной ориентацией. Если посмотреть на то, как медиа изображают феминисток и гомосексуалов, то чаще всего можно увидеть женщин, которые публично обнажаются ради самопиара, или женственных сексуально озобоченных мужчин, которые чаще всего одеваются в красочную одежду, используют украшения, делают макияж. При этом другие модели интерпретаций, например понятие феминизма как «общественного явления за равноправие женщин во всех областях жизни» [7, с. 298], которое вплотную связано с суфражизмом – движением за предоставление женщинам избирательного права во второй половине XIX – начале XX века» [7, с. 278] – и эмансипацией (предоставление женщинам равных

прав с мужчинами) [7, 329], почти не рассматриваются. Как не рассматриваются и идеи о том, что гомосексуальность – это предпочтение сексуальных партнеров собственного пола, что никак не связано, по сути, с внешностью и чертами характера.

К слову, проблеме медиарепрезентации феминизма и гомосексуальности уделяли внимание многие исследовательницы, среди них можно выделить россиянок А. Кирилину, А. Воронину, Н. Ажгихину, С. Скорнякову и украинок О. Горошко, А. Семиколенову, И. Киянку, Н. Сидоренко, Т. Данильченко. Гендерные стереотипы внешности мужчины и их динамику в украинской традиционной культуре изучал Т. Кравец, в частности важна его статья «Объективация гендерных стереотипов в украинском масс-медийном дискурсе». Исследовательница Наталья Олейник проанализировала женскую прессу в Украине в XIX–XX вв. [5, с. 96–110], а Мария Петрушкевич рассматривала гендерные аспекты в украинских религиозно направленных СМИ [6]. Также в основу нашего исследования положены работы Д. Мерскин, С. Лема [4, с. 41–43], Ж. Бодрийяра [1], Д. Лоуренса, Б. Макнейера, Е. Фукса, Ш. Берда.

Как отмечает феминистка Тамара Злобина в «Реальной газете», «ассоциации с феминизмом ограничиваются страшилками об американских феминистках с небритыми ногами или же эпатажем “Femen”. Поэтому даже активные, эмансипированные женщины, выступающие в защиту гендерного равенства, стремятся откреститься от феминизма» [3]. Известно, что «Femen» неоднократно проводила акции против женской проституции в Украине под лозунгом «Украина – не бордель!». По словам лидера «Femen» Инны Шевченко, теперь украинская и иностранная пресса знает, что «Украина – не страна проституток, а страна голых девушек, борющихся с проституцией и секс-туризмом». Также она отмечает, что «повсеместно – на ТВ, в журналах можно видеть, как голые девушки что-нибудь продают. Мы пытаемся сказать: “Не стоит так использовать свое тело. Нужно его использовать для протеста и борьбы”».

Благодаря форме презентации своих идей и медиаосвещению, влияние «Femen» в определении того, что является феминизмом, довольно велико. Так, украинская эксперт по гендерным вопросам Татьяна Бурейчак вспоминает, как в начале лекции на тему феминизма спросила у своих студентов, что они знают о феминизме и какие ассоциации у них вызывает этот термин. Группу «Femen» назвали почти первой¹. Кроме

¹ Халили, Х. Голые радикалки: феминизм по-украински. [Электронный ресурс]. Режим доступа: inosmi.ru/ukraine/20110416/168471149.html

того, многие феминистки говорят о том, что тактика группы только укрепляет идею, что женщина – это сексуальный объект и женская ценность заключается только во внешности. Хотя лидер «Femen» и подчеркивает, что их движение «не имеет никакого отношения к феминизму», и считает, что «у феминисток в центре внимания – мужчина, которому они хотят подражать, одеваться, как он, и, в конце концов, перевести на себя все его функции, став сильным и самостоятельным женщино-мужчиной». В то же время СМИ также говорят о «Femen» как о женском движении, а не феминистической организации. Но созвучность слов «Femen» и «феминизм», а также некие параллели в целях создают в масс-медиа упомянутый стереотип.

Тем не менее именно об этом движении говорят главные медиа страны, обращаясь к феминизму; в результате создается впечатление, что: 1) женщина, которая публично обнажается, – это и есть феминистическое движение; 2) «Femen» – главная феминистская организация Украины, потому что о ней все говорят; 3) феминистка – это женщина, которая показывает грудь, чтобы «отстоять свои права», «обратить внимание на несправедливость»² и т.д.

В популярной юмористической программе «Вечерний Киев» артисты представили пародию на женское движение «Femen», суть которой – показать, насколько абсурдна деятельность таких групп. Только в YouTube этот ролик просмотрело больше полумиллиона человек. Это, в свою очередь, подтверждает, насколько велико влияние медиа на формирование стереотипного отношения общества к гендерным проблемам, в том числе к деятельности женских движений.

Вообще, деятельность «Femen» построена на противоречиях. Например, женщины публично заявляют, что их целью является борьба с проституцией, сексуальным насилием, а также отстаивание прав женщин и свободы слова. Как этого можно достичь, показывая обнаженную грудь на фото- и видеокамеры, непонятно. А зрители и не задают себе этот вопрос, у них после просмотра 30-секундного сюжета из выпуска новостей на телевидении вырабатывается образ феминистки: импульсивная девушка, которая бросается голой на баррикады во имя непонятно чего³. Конечно, если бы система образования объяснила ребенку еще в школе, что такое феминизм, когда он зародился, в чем его суть и главные цели, то, увидев на экране женщину из «Femen», он или она сделали бы для

² Фемен как радикальный эксгибиционизм / Aktiv. [Электронный ресурс]. Режим доступа: aktiv.com.ua/archives/8424

³ Там же.

себя соответствующий вывод. Но отсутствие правдивой информации (а также информации об этом вообще) порождает ложные образы. Это объясняет, почему в Украине тема феминизма, как и сексизма и гомосексуальности, вызывает в большинстве случаев у людей смех и издевки. В то же время эпатажные акции «Femen» всегда привлекают внимание общественности, поэтому журналисты в любом случае будут о них писать. Мы и не предлагаем запретить освещать эту тему, но журналисты в конце каждого материала (текстового или аудиовизуального) должны давать небольшую справку о феминизме, его значении, истории, настоящих целях. Еще лучше обратиться за комментарием к исследователям, которые занимаются изучением гендерной проблематики, представителям феминистических движений, специалистам и экспертам в данной области.

Не менее важна проблема освещения в СМИ гомосексуальности как социального явления. В Украине, как и в ряде постсоветских стран, прежде всего срабатывала ассоциация на уровне образа: «гомосексуал = гей = педик = шоу-бизнес = Борис Моисеев». Этот шаблон подтверждается списком популярных телевизионных программ в Украине за период 2000–2017 гг., где слово «гомосексуал» в разных интерпретациях чаще всего (по количеству материалов) применяется к шоу-бизнесу (в контексте известных артистов, которых или подозревают в гомосексуальности, или прямо называют гомосексуалами – Борис Моисеев, Сергей Зверев, Шура) и к политике (принятие законов о запрете пропаганды гомосексуализма, обсуждение закона об однополых браках и т.п.)⁴.

Общеизвестные образы гомосексуала в русскоязычном информационном пространстве – певец Борис Моисеев, стилист Сергей Зверев, пародист Шура. Поскольку эти персонажи чаще всего появлялись в СМИ, в массовом сознании создается (или уже создался) стереотип, что любой гомосексуал должен походить на этих персонажей. До последнего времени подобные образы тиражировали также европейские и американские СМИ и киноиндустрия. Например, вспомним, как выглядят гомосексуалы в гей-клубе «Голубая Устрица» (сериал «Полицейская академия», 1994 г.): кожаные облегающие штаны, куртка и полицейская черная фуражка со звездой. Также в известном фильме Люка Бессона «Пятый элемент» тиражируется образ гомосексуала-телеведущего (актер Крис Такер), который одевается в женские наряды, ведет себя манерно,

⁴ Телекритика: мониторинг медиа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ua.telekritika.ua/archive/?q=%D0%B3%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%83%D0%B0%D0%BB&author=&page=2>

пользуется косметикой, много разговаривает. Список подобных образов в телепрограммах, фильмах, рекламе и т.д. можно продолжать долго. Стоит заметить, что общественность запоминает именно этот ярлык.

Однако под влиянием многих факторов, и прежде всего легализации однополых браков в ряде стран, на экранах появились совершенно иные типы людей с негетеронормативной сексуальной ориентацией. Так, в американском сериале «Отчаянные домохозяйки» видим гомосексуальную пару – двух абсолютно маскулильных мужчин, один из которых работает юристом. Мужчины заключают брак и собираются усыновить ребенка, при этом нам не показывают, что на них каким-то образом давит общественность. Правда, подобная модель гомосексуальных отношений в медиа пока не распространена. Чаще всего гомосексуалы встречаются в роли подружек главных героинь в кино и телесериалах для женщин («Секс и город», «Дневник Бриджит Джонс»).

Стоит заметить, что в Украине значительный прогресс в этом вопросе стал наблюдаться с началом процессов евроинтеграции (именно в аспекте репрезентации новых образов, а не поддержания стереотипов). Поскольку не только украинские политики, но и медиаменеджеры осознают, что «включение» в европейские ценности предполагает толерантное отношение к другим культурам, традициям, нормам, религиям и, кроме этого, уважение к правам человека, в том числе праву на личную жизнь и семью.

Как нам кажется, одной из первых и знаковых украинских телепрограмм, в которой была сделана убедительная попытка сломать общественные стереотипы, связанные с сексуальностью, гомосексуальностью и «традиционным пониманием семьи», является выпуск ток-шоу «Говорит Украина» под названием «Мои родители – геи» (25 сентября 2013 г., телеканал «Украина»). В центре дискуссии оказались дети, которых воспитывают однополые пары. В студию пригласили Томаса Вельтера и Ингмара Целлера – геев из Германии, которые усыновили детей из США. Цель их выступления – доказать всем, что их дети счастливы. Интересно, что ведущий ток-шоу «Говорит Украина» Алексей Суханов становится на защиту позиции гей-семьи, хотя ведущий, по общему правилу, должен оставаться арбитром. Однако А. Суханов, очевидно, испытывает потребность демонстрации своих взглядов на эту проблему. В противовес к героям программы участник ток-шоу Петр Дудник, в семье которого растут шестеро приемных детей, апеллировал к традиционным ценностям украинской семьи. Кроме этого, председатель «антигейской» общественной организации пытался привести факты, что гомосексуальность – это

болезнь. А специалист по гендерной тематике Мария Дмитриева отмечает значимость понимания, что имеется в виду под традиционной семьей. «О какой семье идет речь? – спрашивает она. – Там, где в однокомнатной квартире четверо поколений, парализована прабабушка и алкоголик дед?». Юрист Татьяна Монтян также озвучила мнение, что большинство украинских детей воспитываются в гомосексуальных семьях – бабушками и матерями.

Стоит отметить, что, несмотря на некоторую «желтизну», выпуски ток-шоу «Говорит Украина» имеют просветительный характер, а обсуждаемые проблемы важны для формирования общественного мнения. Журналистка Инна Долженкова в статье «Говорит Украина» перевернула мозги» отмечает: «преимущество этой программы в том, что Алексей Суханов акцентирует именно социальный аспект гомосексуальности, отказавшись смаковать какие-то физиологические подробности» [2].

Подобного рода ситуативная дискуссия возникла относительно сексуальности и гендера во время песенного конкурса Евровидение в 2014 г. Тогда победительницей стала австрийская певица и драг-квин Кончита Вурст с песней «Rise Like a Phoenix». Зрители назвали артистку «бородатой женщиной», ведь ее сценический образ напоминал транссексуала: женственная фигура, черты лица, платье и макияж. Единственное, что осталось от мужского образа, – четко выраженная борода. Украинский комментатор конкурса Тимур Мирошниченко, который за кадром рассказывал о каждом участнике, высказался относительно голосования украинцев (в поддержку певицы) и, наконец, победы К. Вурст саркастически. Чувствовалось пренебрежение журналиста к артистке. В 2007 г. в этом же конкурсе приняла участие украинская певица Верка Сердючка (сценический образ А. Данилко). Ее выступление сопровождало общественное осуждение, в том числе и журналистского сообщества. Радио «Европа FM» начало акцию протеста, подчеркивая, что появление Данилко в образе трансвестита на международном песенном фестивале обернется для Украины культурной катастрофой и потерей авторитета и уважения со стороны европейцев.

Такие скандалы являются показателем низкого уровня сексуальной культуры, образования и терпимости украинцев. Мы предлагаем решать эту проблему путем разработки и распространения государственных программ (на основе квот), цель которых – объяснять и рассказывать аудитории медиа о настоящих гендерных проблемах. К тому же необходимо разработать четкие рекомендации, как журналисты должны освещать темы гендера и сексуальности в эфире (сейчас в медиа это делают в

большой мере по своему усмотрению). Ведь украинское среднее образование абсолютно игнорирует сексуальное воспитание детей. И впервые о феминизме и гомосексуальности ребенок, скорее всего, узнает из пошлых анекдотов на заднем дворе школы или из низкопробных программ по телевизору. Поэтому очень важно предложить нейтральный источник информации, основанный на новейших гендерных исследованиях.

Литература

1. Бодрійяр, Ж. Симулякри і симуляція. К.: Основи, 2004. 387 с.
2. Долженкова, І. «Говорить Україна» перевернуло мізки // Телекритика. 2013.
3. Злобина, Т. Феминизм в Украине – это страшилка про американок с небритыми ногами // Реальная газета. 2013.
4. Лем, С. Эротика и секс в фантастике и футурологии // Человек. 1991. № 6.
5. Олейник, Н. Жіноча преса в Україні: минуле та сучасність // Фемінізм та маскулізм: незалеж. культурол. часоп. «Ї». 2003. № 27.
6. Петрушкевич, М. Гендерне питання у релігійно спрямованих ЗМК в Україні // Українознавчий альманах. 2013. Вип. 11.
7. Прокопенко, Ю. Полный сексологический словарь. М.: Рипол Классик, 1999. 400 с.

Другие источники

8. web.archive.org
9. inosmi.ru
10. aktiv.com.ua

Александра Федькина
(Беларусь)

БЕЛОРУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

The article covers the major factors that become an impediment for the advancement of female academics on a career ladder. Dynamics of the number of researchers by gender, the number of the researchers obtaining academic degrees of doctors and candidates of science are estimated. The article observes a tendency of gender discrimination in academic practices in Belarus and concludes that the process of feminization of science is suspended.

Утверждение гендерного равенства пошло сегодня в противоположном направлении: за последний год разрыв между мужчинами и женщинами в мире только увеличился, говорится в ежегодном [исследовании](#) Всемирного экономического форума «Глобальный доклад о гендерном разрыве – 2017» [11]. Чтобы добиться равенства мужчин и женщин в области труда во всем мире, по подсчетам экспертов, понадобится 217 лет, хотя еще год назад для этого требовалось 87 лет [11, с. viii]. В вопросах гендерного равенства лидируют страны Северной Европы (Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция) и некоторые страны Африки и Центральной Америки (Руанда, Никарагуа). Беларусь на 26-м месте, хотя в вопросах равенства мужчин и женщин в экономике наша страна занимает 5-е место (и первое среди стран Восточной Европы). Гендерный разрыв в нашей стране преодолен на 74,4%, в вопросах равной оплаты труда – на 82,7% [11, с. 10].

На сегодняшний день гендерное неравенство является одной из важных социальных проблем во всем мире. Оно пронизывает многие социальные подсистемы, включая сферу науки и образования. Несмотря на то что в современном мире женщины многих стран имеют равный доступ к получению высшего образования и занятию наукой, все же, в том числе и в Беларуси, наблюдаются тенденции гендерной асимметрии.

Двумя немаловажными процессами, повлиявшими на становление гендерной асимметрии, явились массовизация и коммерциализация высшего образования, что характерно для последних десятилетий. В Беларуси, в условиях феминизации науки, наблюдавшейся с 1991 по 2012 г.,

вхождение женщин в научную деятельность рассматривалось международными аналитиками как активное вовлечение их в сферу высококвалифицированного труда и научного творчества. Процесс феминизации науки с 1991 по 2012 г. по темпам и масштабам сопоставим с тем, который наблюдался в советский период с 1960-х по 1990-е гг. Анализ квалификационного уровня женщин-ученых в БССР показывает, что число женщин-исследователей с учеными степенями постоянно росло. Так, число женщин – докторов наук выросло с 17 в 1960 г. до 118 человек в 1987 г., а кандидатов наук – с 520 до 3955 человек [9].

На сегодняшний день, проанализировав статистические данные, можно заключить, что процесс феминизации белорусской науки приостановился. Процентное соотношение мужчин и женщин в структуре исследователей менялось следующим образом: в 1997 г. мужчины-исследователи составили 52,9%, женщины-исследователи – 47,1%; в 2003 г. мужчины – 56%, женщины – 44%; в 2005 г. – 56,8 и 43,2%; в 2009 г. – 57,3 и 42,7%; в 2010 г. – 57,8 и 42,2%; в 2011 г. – 58,3 и 41,7%; в 2012 г. – 58,9 и 41,1%; в 2013 г. – 59 и 41%; в 2014 г. – 58,8 и 41,2%; в 2015 г. – 59,5 и 40,5%; в 2016 г. – 60,4 и 39,6%. Так, по усредненным данным за 2013–2016 гг., число женщин-исследователей составило примерно 40,6% от общей численности исследователей [5, 6, 7, 10].

Профессиональная карьера женщин в науке в отличие от мужчин складывается медленнее и требует больших усилий. На своем профессиональном пути женщинам приходится сталкиваться с многочисленными барьерами, обусловленными укоренившимися в обществе гендерными представлениями, исходящими из социальных ожиданий выполнения женщинами определенных ролей. Гендерные стереотипы порождают реальную «повседневную», чаще всего скрытую, дискриминацию, проявляющуюся через систему вознаграждения: занижение оплаты труда женщин при одинаковой квалификации мужчин и женщин, предубеждения при найме на работу. Дискриминация также проявляется через занижение степени научного признания и поощрения, в результате которого на нижних профессиональных уровнях науки концентрируются в большом количестве женщины, ограниченные нетворческими видами работ, не дающих научного признания и собственного удовлетворения. Рутинную методическую, «черновую» работу «взваливают» в большей мере на женщин-ученых, нежели на мужчин-ученых.

Кроме того, в научной сфере заметны проявления вертикальной и горизонтальной сегрегаций по полу.

По мнению белорусского социолога И.Р. Чикаловой, горизонтальная сегрегация подразумевает распределение человеческих ресурсов в неравномерных пропорциях по отраслям экономики и профессиям. Существует мнение, согласно которому только гуманитарные и социальные дисциплины более всего соответствуют возможностям женского мышления. Эти стереотипы подкреплены представлениями о несоответствии интеллектуальных качеств и свойств женщин занятиям техническими и точными науками. Чаще всего такие установки закладываются в процессе социализации семейным и школьным воспитанием, через медиа, а далее – практикой формирования контингента студентов на различных специальностях высших учебных заведений. Так научные дисциплины приобретают «мужской», «женский», «нейтральный» статусы [10].

Вертикальная сегрегация представляет собой распределение человеческих ресурсов в неравномерных пропорциях на различных позициях в профессиональной иерархии. Чикалова указывает на то, что этот вид сегрегации порождается распространенной убежденностью в меньшей компетентности женщин, что формирует представление о науке как о мужской сфере деятельности [1].

Несмотря на то что, по данным за 2010–2016 гг., в Беларуси среди научных исследователей женщины составляют почти половину, учеными степенями докторов наук обладают преимущественно мужчины-исследователи. Так, численность исследователей-мужчин с ученой степенью доктора наук составила в 2010 г. 619 человек, в 2011 г. – 618, в 2012 г. – 596, в 2013 г. – 582, в 2014 г. – 552, в 2015 г. – 533 человека; численность же женщин-исследователей с ученой степенью доктора наук составила в 2010 г. 127 человек, в 2011 г. – 123, в 2012 г. – 123, в 2013 г. – 121, в 2014 г. – 119, в 2015 г. – 115 человек [5, 6, 7, 10].

Численность исследователей-мужчин из общей численности исследователей с ученой степенью кандидата наук составила в 2010 г. 1987 человек, в 2011 г. – 1955, в 2012 г. – 1903, в 2013 г. – 1791, в 2014 г. – 1742, в 2015 г. – 1689 человек; численность женщин-исследователей составила в 2010 г. 1156 человек, в 2011 г. – 1195, в 2012 г. – 1168, в 2013 г. – 1155, в 2014 г. – 1128, в 2015 г. – 1133 человека [5, 6, 7, 10].

Женщинам в различных сферах социальной деятельности, в том числе и в науке, порой приходится сталкиваться с сексизмом по отношению к ним – с оскорбительными высказываниями, игнорированием, высмеиванием и т.д., а также с проблемой буллинга. Буллинг в профессиональных взаимодействиях – это длительное агрессивное психологическое, реже физическое, давление на другого человека, проявляющееся в

изнурении сотрудников – принуждении работать сверх нормы, присвоении чужих успехов, сокрытии необходимой для работы информации, непризнании хорошей работы сотрудника, постоянных напоминаниях о неудачно выполненной работе и т.д. [8].

Также к факторам, препятствующим продвижению женщин-ученых по карьерной лестнице, относят реальность материнства женщин-ученых и представление о социальной функции родительства как естественного именно для женщин. Налицо проблема двойной нагрузки на женщин, поскольку фактически женщины, как правило, работают «на два фронта»: вне дома (профессиональная деятельность) и дома (ведение домохозяйства и воспитание детей). Это приводит к перегрузкам не только физическим, но и психологическим, что является причиной так называемого конфликта ролей работающей женщины, когда внутриличностный конфликт возникает вследствие высокой значимости для женщин успешного выполнения множества обязанностей как в профессиональной деятельности, так и в семейной жизни [9]. Карьерные притязания женщин плохо совместимы с полноценным исполнением функции воспитания детей и ухода за ними, если они являются основными и единственными исполнительницами этой роли. Примером этому служит длительный «уход» аспиранток и молодых ученых на ранних стадиях академической карьеры в связи с необходимостью выполнения социальной роли женщины-матери. Время, которое женщина тратит на роль матери и домохозяйки, отбрасывает ее от научной карьеры, особенно в современных условиях стремительного развития науки. Иными словами, современные белорусские женщины-ученые зачастую соотносят стратегии своей профессионализации с требованиями традиционной гендерной роли, что ограничивает женщину в выборе путей самореализации, а внутриличностные конфликты и давление извне приводят к снижению значимости профессиональных целей для женщин.

В процессе воспитания и обучения мальчиков и юношей часто ориентируют на самореализацию и научную деятельность, в то время как представительницам женского пола навязываются роли матерей, жен, домохозяек, что приводит к усвоению многими женщинами установки о закреплении за наукой «мужского» статуса.

Женщины-ученые встречаются и с проблемами публикаций результатов своих исследований, а также с проблемами получения грантов на исследования. Учитывая то, что представленность женщин в гуманитарных науках больше, публикаций в научных изданиях у них меньше [9]. Однако стоит учесть и то, что количественный фактор публикаций ре-

зультатов исследований и получения грантов на исследования не всегда совпадает с качественным, и все же он остается важным и может выступать определенным мерилем качества работы ученого.

Женщинам-ученым приходится прилагать больше усилий по сравнению с мужчинами, чтобы получить признание и оказаться в научном сообществе, которое обеспечивает обмен важной информацией, получение поддержки. Социальные механизмы научного сообщества функционируют таким образом, что тот, кто уже добился успеха, перемещается в верхние слои стратификационной системы науки, получая расширенный доступ к ресурсам, необходимым для исследований. Непризнанный ученый, находящийся на нижних ступенях стратификационной структуры, должен добиваться необходимых ресурсов с неизменно трудностями и невысокими шансами на успех. Женщины, обычно остающиеся в нижних слоях научного сообщества, с большим трудом вписываются в эту восходящую спираль накапливаемого преимущества [9]. Женщинам, претендующим на более высокие должности, на статус в профессиональном сообществе, приходится сталкиваться с институциональным сдерживанием в карьерном росте, «стеклянным потолком».

Таким образом, на сегодняшний день процесс феминизации науки в Беларуси приостановился. В своей научной карьере женщины сталкиваются с такими гендерными представлениями, которые порождают скрытую дискриминацию, проявляющуюся через систему вознаграждения. Кроме того, в научной сфере заметны проявления вертикальной и горизонтальной сегрегации. Женщинам в различных сферах социальной деятельности, в том числе в науке, порой приходится сталкиваться с сексизмом и буллингом. Современные белорусские женщины-ученые зачастую корректируют стратегии своей профессионализации с учетом требований традиционных гендерных ролей, что ограничивает выбор путей самореализации, а внутриличностные конфликты приводят к снижению значимости профессиональных целей. Женщины-ученые встречаются и с проблемами публикаций результатов своих исследований, а также с проблемами получения грантов на исследования.

В настоящее время не изучены в полной мере особенности карьеры женщин в науке, причины торможения их академической карьеры, проблема «стеклянного потолка», способы преодоления препятствий на пути к высокостатусным позициям в академической иерархии, условия научной продуктивности и в целом социальный статус женщин в науке. Тем самым данная проблематика представляет научный интерес как для

зарубежных, так и для белорусских исследователей и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Гаврилица, О.А. Чувство вины у работающей женщины // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 65–70.
2. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1987 г.: Стат. ежегодник / Госкомстат 299 БССР. М.: Беларусь, 1988. 296 с.
3. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь. Статистический сборник. Минск, 2014. 120 с.
4. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь. Статистический сборник. Минск, 2015. 137 с.
5. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь. Статистический сборник. Минск, 2016. 141 с.
6. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2016. Статистический сборник. Минск, 2017. 115 с.
7. Силласте, Г.Г. Гендерная асимметрия в образовании и науке: взгляд социолога // Высшее образование в России. 2001. № 3. С. 12.
8. Буллинг: что это такое? Буллинг как социальное явление // FB. Ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2017.pdf Дата доступа: 19.12.2017.
9. Есть ли женщинам место в белорусской науке? // Экспертное сообщество Беларуси «Наше мнение». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nmnby.eu/news/analytics/4929.html> Дата доступа: 12.12.2017.
10. Чикалова, И.Р. Социальная идентичность ученых-белорусок // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. № 3-4. Вильнюс, 2006. С. 159–174. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gender-route.org/articles/fortune/social_naya_identichnost_uchenyh-belorusok/ Дата доступа: 12.12.2017.
11. The Global Gap Report 2017 // World economic forum. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fb.ru/article/222143/bulling-cto-eto-takoe-bulling-kak-sotsialnoe-yavlenie> Дата доступа: 19.12.2017.

Marta Dziabiola
(Belarus/Lithuania)

A STEP TOWARDS THE “SMART CITY”: THE RESTORATION OF THE OLD OBSERVATORY IN MINSK VIA *TALAKA.BY* PLATFORM

В статье рассматривается случай реставрации публичной обсерватории в Минске (Беларусь) посредством краудсорсинговой и краудфандинговой онлайн-платформы *Talaka.by*. Автор ставит перед собой цель выяснить, каким образом процесс дигитализации меняет отношения между государством и гражданами, а также создает новые рамки и повестки дня для коллективной идентификации и действия. Эмпирическая часть основана на анализе интервью с создателем платформы *Talaka.by* и одним из авторов проекта по реставрации обсерватории Евгением Клишевичем. Цель работы – выявление того, как те, кто создают платформы наподобие *Talaka.by*, конструируют дискурс краудфандинговой/краудсорсинговой деятельности в Минске.

In the heart of the imaginary city of Fedora, described by Italo Calvino in his book “Invisible cities”, there was a metal building with a crystal globe in every room [3, p. 39]. Inside each globe, there was a model of a different Fedora, which represented a single person’s view on how the city should look like. Unfortunately, those miniatures remain exhibits: while someone constructed their model, the city was no longer the same as before, so the project became outdated. There is no need for a museum like that in modern cities, as they all exist in both physical and virtual world and are constantly reconstructed and reconsidered by means of digital technologies. A modern citizen, in turn, shapes his or her environment being not simply an occupant of a space, but its co-creator.

This paper examines the case of the restoration of the old observatory in Minsk, Belarus, via the online crowdsourcing and crowdfunding platform *talaka.by* to find out how the process of digitalization changes relations between the state and citizens and produces new frameworks and agendas for collective identification and action. The empirical part is based on the analysis of the interview with the creator of *talaka.by* platform and one of the authors of the project Yauhen Klishevich. The aim of the interview is to show how those

who create online platforms like *talaka.by*, construct the discourse on crowdsourcing/crowdfunding activities in Minsk.

The political and historical contexts would be crucial here as they both set preconditions for the emergence and development of crowdsourcing and crowdfunding. Belarus, being a post-Soviet country and an authoritarian state, is considered to have a low level of civic engagement because of the verticalization of power. Consequently, the observatory restoration case is quite uncommon for this region.

The abandoned postmodernism

The public observatory was built in 1965 in Minsk. 4 years before that, on April 12, 1961 the Soviet cosmonaut Yury Gagarin made the first space flight in the history of humankind. This event was perceived not only as a scientific and technical achievement, but also as the USSR's victory over the USA in the space race, which in its turn was one of the consequences of the Cold War. Moreover, the first space flight developed a new ideological construct of a Soviet person – “a harmonic combination of rich spirituality, moral purity, and physical perfection [4].” In a wave of national pride, ordinary people became fascinated with Soviet triumphs in space and space itself. “Before the revolution there were fewer than 10 observatories in Russia, in the Soviet Union there are more than 50 of them [4, visuals],” states the 1979 educational slide film “The major astronomical observatories of the USSR”.

Like many other buildings and monuments, Minsk public observatory was a serial project and its “twins” can be found all over the post-Soviet region. For instance, Pic. 1 represents the People's Observatory in Moscow, which was constructed in 1950 as the first “mass observatory” in the USSR. This project was an attempt to create a new type of institution by combining cultural and educational work and recreation [9]. Pic. 2 depicts the Minsk public observatory (built in 1965), Pic. 3 – The Novokuznetsk Observatory (built in 1972). All three of them look alike, even though they were constructed in three different decades. Consequently, the Minsk Public Observatory might be seen as a “typical Soviet building”.

Even though Belarus became an independent and sovereign state in August 1991, Minsk is still considered to be “the most Soviet city”. Today the traces of Soviet heritage like Lenin statues, bas-reliefs and Stalin Empire style buildings still present the urban surface of contemporary Minsk. The planning of the city, as opposed to Western European countries capitals, is overly centralized.

For instance, the main street of Minsk, Independence Avenue, is 15 km and 300 meters long and it crosses the city from the center towards the North-East.

The People's Observatory in Gorky Park, Moscow, Russia (construction in 1950)

Pic. 1

The Minsk Public Observatory in Gorky Park, Minsk, Belarus (built in 1965)

Pic. 2

The Novokuznetsk Observatory, Novokuznetsk, Russia (built in 1972)

Pic. 3

Many prominent landmarks such as The House of Government, Minsk City Hall, Palace of the Republic, KGB Headquarters, National Library, Church Of Holy Trinity, National Library are located along the avenue. Moreover, all of the buildings situated here match the Stalin Empire style aesthetics – even those of them, which were built after the Soviet Union collapsed, for example, McDonald's (1996) or The National Library (2006). “How a city looks and how its spaces are organized forms a material base upon which a range of possible sensations and social practices can be sought about, evaluated and achieved [6, p. 67],” claims David Harvey in his book *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Drawing a line between modernism and postmodernism in urban planning, Harvey states that the second movement cultivates a “conception of the urban fabric as necessarily fragmented, a “palimpsest” of past forms superimposed upon each other, and a “collage” of current uses, many of which may be ephemeral. [6, p. 66]” Seeing from Harvey’s perspective, Minsk remains modernist: its space is shaped mainly for social purposes so that every element has a practical meaning and serves for a particular social objective rather than for aesthetics.

However, the process of digitalization significantly changes this condition: by translating space into data, it gives citizens an opportunity to participate in urban planning. Whereas previously only city officials and architects adopted all the decisions concerning the city appearance and functioning, today urban residents can affect those ultimate decision by creating online petitions,

supporting local initiatives or running their own campaigns. For instance, the Minsk Public Observatory, as a building, conveys its Soviet identity. Nevertheless, the fact that it was reconstructed thanks to the efforts of people, who placed the project on crowdsourcing/crowdfunding platform *Talaka.by* and those, who supported that project, transforms the originally Soviet observatory into a new space, which constitutes new meanings for collective identification and action and promotes the postmodernist features in the context of modernist Minsk.

***Talaka* instead of crowdsourcing**

To begin with, it is important to define the term “crowdsourcing” as *talaka.by* usually appears in different media either as a “crowdsourcing” or “crowdfunding” platform. I would like to focus on the very first term because originally there was no money donation option on the platform.

Thomas Erickson in his paper *Geocentric crowdsourcing and smarter cities: enabling urban intelligence in cities and regions* defines it as “the use of the perceptual and cognitive abilities of a large group of individuals to solve the problem [4].” He then distinguishes four types of crowdsourcing: global crowdsourcing (different times, different places), event-centric crowdsourcing (same time – different places), audience-centric crowdsourcing (same place – same time) and geocentric crowdsourcing (same place – different times). The last type could describe the case of the old observatory restoration: the activity of the crowd is focused on a particular place and includes both short and long-term tasks.

However, *Talaka* is not a crowdsourcing or crowdfunding platform in its pure form, but its combination. Yauhen Klishevich describes it in the following way:

We are not really the crowdfunding or crowdsourcing platform. Rather, *crowdteaming*. Our platform aims at implementing projects by using different sources. Compared to *Kickstarter*, which is a classical example of crowdfunding, our platform allows to create a team of people to solve a problem: volunteers, partners and experts. Moreover, crowdfunding as a way of fundraising appeared on *talaka.by* about a year ago. The platform has existed for 3 years. Over the first 2 years we functioned merely according to the principle of *talaka*: you can implement any project without money, in a sense that you can find all the experts who would simply help you. For instance, you can “get” a lawyer or “rent” space for free, just because your project seems to be interesting and important for people.

The notion of “crowdteaming”, which the respondent emphasized at the beginning of his answer, refers to the original idea of *talaka*, which goes back in times and means gathering to accomplish a particular task like building a house, mowing or sowing [8]. This type of teamwork was popular among Belarusian peasants in the second half of the 19th – early 20th century. A peasant or a single peasant family, who needed help with the household, could “*sklikać talaku*” – convene *talaka*, which consisted of other peasants assisting them voluntarily. Traditionally, after *talaka* had finished its work, those who got some help treated its participants with food and drinks. Apart from working, *talaka* participants could also “make donations”: for example, if there was a fire, which destroyed a house, a person could bring some bricks and contribute to a common activity in this way.

The respondent did not use the word “crowdsourcing” either: for him, the name of the platform represents its idea better than more common and widespread foreign terms. However, the difference between the traditional *talaka* and *talaka.by* is that contemporary participants collaborate to accomplish a task at a much larger scale: they serve not for a private interest, but a public one.

By naming the platform *Talaka* and defining the main idea in a historical context, the creator constitutes a specific form of storytelling. Yauhen briefly describes the chronology of events:

The story of the observatory is about the *talaka* principle: we did not have money. I was walking around the Gorky park in Minsk, went to the planetarium and accidentally met the director. I asked him about the building of the abandoned observatory. He told me a touching story about all his fruitless efforts to restore it and the lack of money to do that. Then I suggested creating a project on *talaka.by*. Consequently, we found volunteers, who helped to clean up the space. In addition, the media started to write about the restoration, drawing attention to this project. Within a very short time, we found a business partner who paid for the major repairs, load-bearing structure inspections, etc.. In fact, that was a network of volunteers, concerned people, partners, sponsors and media. Thanks to these joint efforts, the project was successfully implemented.

This part of the interview is representative as it refers to the process of translation. Michel Callon in his paper *Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St Brieuc Bay* introduced the Actor Network Theory (ANT), which aims to create new relations between technology and society. According to him, the creation of actor-network or the translation consists of three major steps: problematization (major actor defines identities and interests of other actors), interestment (major ac-

tor convinces others to accept that definition) and enrolment (other actors accept a major actor’s definition) [2]. During the first stage an obligatory passage point (OPP) has to be created. OPP is a place or a procedure that becomes unavoidable [2]. Yauhen, being the creator of the platform and the author of the project, constructs the following story by making the “talaka principle” an OPP: there is a problem (the abandoned observatory), which cannot be solved by one person, then a group of concerned and active people appears and with the common efforts, they succeed in solving that problem:

There is the principle “if you don’t ask for it, you won’t get it”. By putting it [the observatory project] on platform, we said: “If you want your kids to go to the observatory, to become scientists or simply to visit it, you can participate in this project”.

Despite the positive message, which Yauhen translates, the whole activity is highly commodified. In case of the restoration of the old observatory, the commodification process appears in three ways. The first is the commodification of the idea itself: to implement a project, the author has to prove that his or her idea is worth spending time, efforts and, in case of donations, money. The second is the commodification of people’s interest and the opportunity to make a decision rather than depend exclusively on the government: by supporting the idea, participating in different activities and sharing information; the interest, the freedom to act and making a decision becomes a freely convertible currency. The third is the commodification of free time: by becoming a volunteer, a person has to sacrifice their leisure time to complete a task. In the result, directly or indirectly, he or she changes the space around or solves the existing issue.

Talaka as a community and citizen-state relations

Whenever the word “crowdsourcing” or “crowdfunding” appears, it is important to explain who the “crowd” is. Alberto Vanolo, defining the term “smart city”, distinguishes its six characteristics, among which there is a notion of “smart people”. This concept is “linked to the level of qualification of human and social capital, flexibility, creativity, tolerance, cosmopolitanism and participation in public life” [7]. Although the development of Minsk does not include the “smart city” agenda, the concept of “smart people” describes an ideal candidate for a *talaka.by* project participant.

Talaka, being an online platform, represents a virtual community of activists, enthusiasts and experts. At the same time, what stems from the geocentric crowdsourcing type introduced by Thomas Erickson, is that this virtual

community has a strong link with a particular physical place. As Yauhen tells about people, who first participated in the restoration of the public observatory project via *talaka.by*:

The restoration of the observatory was a landmark project, which drew the attention of people who were around *talaka.by* and followed the development of the platform from the very beginning.

This quote contains a notion of people involved in *talaka* activity before the project was launched. Consequently, there is a concern that crowdsourcing and crowdfunding do not change the problem of low civic engagement: only those people, who actively participate in it in their daily physical world, would support the project via Internet. David C. Brabham in *Crowdsourcing the public participation process for planning projects* argues that an online community is more vibrant and productive than the traditional face-to-face based. “The traditional format for citizen involvement in planning projects has involved town hall meetings, workshops and charrettes, but these face-to-face meetings have their limits in maximizing the creative input of citizens. The process needs to go online [1],” he claims. For Brabham, the Web is a tool to enhance collective intelligence, whereas online-based crowdsourcing is a mean to enable public participation [1]. In another place, he writes, “crowdsourcing operationalizes crowd wisdom, and it is a mechanism for leveraging the collective intelligence of online users toward productive ends [1].” Thus, the biggest challenge for crowdsourcing lies in the translation of the problem and media coverage.

From my point of view, Brabham’s ideas are reasonable. A person who was born in the city and has spent most of his or her life living there, might not pay much attention to the old or abandoned places which have no practical or symbolic meaning for him or her. However, once the existing issue goes online and gets an active media coverage, it all changes. Therefore, when someone creates a project, places a problem on the platform and sets a clear and transparent goal, the problem becomes visible so that the desire to participate in a great common cause may arise on its own. The online platform becomes a participation tool. Moreover, it allows the participant to choose a task or offer his or her own solution. Consequently, each personal experience becomes significant, which gives every participant a sense of personal fulfillment.

The next point, which is crucial for defining a “crowd” in case of the restoration of the public observatory project, was support from abroad. Since it is hard to access the qualitative efforts, I asked Yauhen if there were any money donations from foreigners:

If money comes from abroad, it comes from Belarusian Diasporas, who have a kind of nostalgic feelings about particular problems and projects. Un-

fortunately, I cannot tell you the exact sum, but projects get sources from them. Foreign sponsors are not interested in solving Belarusian problems and participating in projects.

By combining Brabham’s perspective and some notions of Yauhen, I suggest referring to participants as “community”, since they all represent a social unit, which has a common goal and quite similar values. Most of them live in Minsk and have a Belarusian citizenship, speak or at least understand both Russian and Belarusian. Each member of the community has to have access to the Internet and at least basic computer skills. The age of a member and his or her social status are optional: the participant might be a 16-year-old student or a 60-year-old retiree. The creative abilities of members and their desire to collaborate for solving a problem are primarily important here.

The citizen-state relations, which are especially important to discuss in the Belarusian context, change as well. When I asked Yauhen about confrontation with the authorities, he had been thinking about it for a long time:

As far as I am concerned, there were no problems with the authorities. In fact, many governmental staff, like museum directors in small cities or some social, even governmental, organizations place their projects or support our projects. Therefore, we do not have problems or confrontation with state. We do not hinder anybody.

Although the political regime of Belarus is authoritarian, public participation of citizens makes some elements of urban planning more democratic than ever before. Therefore, the presence of *Talaka.by*, the successful implementation of projects like the restoration of the public observatory and active participation of both citizens and some governmental representatives makes the platform a democratization tool or a public scene for discussing the issues. To put it simply, by allowing people to solve problems at their own expense, the government, to some extent, reduces its control over them.

Alberto Vanolo, to whom I have referred earlier, provides a critical view on “smart citizens’” freedom. “Citizens and local communities are invested with a moral obligation to behave in a certain way and adhere to the collective project of building smart cities; in this regard, the production of smart citizens can be seen as an instrument of government at distance,” [7] he claims. This concern might be applied to the *talaka.by* community as well: when you become a member of this group, you have to fit in and hold the same views at least until your participation is over. However, Vanolo’s point relates to the practices of discipline in terms of democratically advanced countries. For Belarus, both the adoption of crowdsourcing/crowdfunding practices and approaching the smart city rhetoric little by little is a huge step as it allows citizens to influence

the decisions made by state representatives and, therefore, change their environment by themselves. As a result, the e-democracy emerges in the country with an authoritarian regime.

To sum up, the digitalization of urban environment by the *Talaka* platform changes both the urban environment of the city and an individual habitat of a single person. Firstly, it presents the postmodernist perspective of urban planning in Minsk, which transforms its Soviet identity into a new one. Secondly, although the overall message to act to create a better environment and solve a problem is positive, the activity is highly commodified. By referring to people as the community, including the historical context and allowing them to choose the activity, the *talaka* discourse makes public participation more personal. In my view, the presence of the platform and the successful implementation of its project is a step towards a “smart development”. The fact that the observatory has already worked for two years proves that many Belarusians are interested in solving local problems at their own expense and willing to cooperate for a common goal. The *Talaka* principle reminds us, that, after all, not technologies, but people make a real change.

References

1. Brabham, D.C. *Crowdsourcing the public participation process for planning projects* [online]. [cited 2017-15-01]. Available from Internet: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1473095209104824>
2. Callon, M. *Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St Brieuc Bay* [online]. [cited 2017-15-01]. Available from Internet: https://bscw.uni-wuppertal.de/pub/nj_bscw.cgi/d8022008/Callon_SociologyTranslation.pdf
3. Calvino, I. *Invisible cities*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1974. 165 p.
4. Erikson, T. *Geocentric Crowdsourcing and Smarter Cities: Enabling Urban Intelligence in Cities and Regions* [online]. [cited 2017-15-01]. Available from Internet: <https://pdfs.semanticscholar.org/c0ed/e8942c6a7c2b9a8fd69be53e76dd66d17994.pdf>
5. Gerovitch, S. “New Soviet Man” *Inside Machine: Human Engineering, Spacecraft Design, and the Construction of Communism* [online]. [cited 2017-05-02]. Available from Internet: <http://web.mit.edu/slava/homepage/articles/Gerovitch-New-Soviet-Man.pdf>
6. Harvey, D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Blackwell Publishers, 1992. 392 p. Pp. 66–98.
7. Vanolo, A. *Smart mentality: The smart city as a disciplinary strategy* [online]. [cited 2017-14-01]. Available from Internet: http://moodle.ehu.lt/pluginfile.php/210182/mod_resource/content/1/smartmentality.pdf

8. Карбалевіч, Н. *Талака як мадэль традыцыйнага грамадскага дзеяння беларускіх сялян (другая палова XIX – пачатак XX ст.)* [online]. [cited 2017-14-01]. Available from Internet: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/111056/1/14-17.pdf>
9. *People's observatory* [online]. [cited 2017-05-02]. Available from Internet: <http://um.mos.ru/en/houses/people-s-observatory/>

Visuals

1. Pic. 1 *The Moscow People's Observatory* [online]. [cited 2017-05-02]. Available from Internet: http://img-fotki.yandex.ru/get/6738/61506671.62/0_1621f9_dffaf342_XXL.jpg
2. Pic. 2 *The Minsk Public Observatory* [online]. [cited 2017-05-02]. Available from Internet: http://naviny.by/media/2013.07_w2/observatoria-02.jpg
3. Pic. 3 *The Novokuznetsk Observatory* [cited 2017-05-02]. Available from Internet: http://nk-planetarium.ru/images/static_images/observatory.jpg
4. Левитан, Е. *Крупнейшие астрономические обсерватории СССР*. Диафильм. 1979 г. [online]. [cited 2017-05-02]. Available from Internet: <http://diafilmy.su/4319-krupneyshie-astroномические-observatorii-sssr.html#sel=3:8,3:9>

Matas Šiupšinskas
(Lithuania)

URBAN AND RURAL: COLLECTIVE GARDENS IN A SOVIET CITY

Коллективные сады (дачные участки) в советские времена являлись феноменом, объединяющим темы городского и сельского, что было тесно связано с модернистской трансформацией городов и распространением панельных домов по всему Советскому Союзу. Хотя подобное садоводство существовало в разных европейских странах задолго до этого, в советском регионе, в том числе в Литве, коллективные сады имели свои особенности. Это был своеобразный обходной путь, альтернативный официальному курсу городского развития. Важно подчеркнуть, что популярность коллективного садоводства частично выступала в качестве побочного продукта индустриализации и технократического развития города.

Introduction

The purpose of this article is to discuss the practice of collective gardens as a result of Soviet city planning and limitations of everyday life. It is argued that collective gardens, in urban development, based on industrial methods and restricted private property, gradually became a substitute of a second house or a summer cottage, and, thus, a possibility to earn money. The argument is developed by assessing both the laws that were in force and the cultural context or daily activities. The paper is not intended to reveal individual experiences of particular gardeners in greater detail (this would require a much more extensive study). On the basis of the comparative analysis of press articles, TV footage, norms and regulations of the time, it is aimed at revealing the contradiction between public speaking on collective gardening and common private practices.

Cultural context

Gardening in towns or around them was not a phenomenon typical only of the Soviet Union. The formation of territories of gardens, called community gardens, family gardens or simply gardens started at the beginning of the 19th

century in Europe, along with industrialization and rapid urban development [2, p. 1]. In spite of the country or a specific period of time, migration of people to the cities also meant the transfer of agrarian traditions. People capable of working the land and facing food shortage can easily adapt their knowledge to practice, especially when lots of citizens are newcomers from the rural areas.

Gardening in the Soviet Union had its own specifics, determined by the urban, economic and cultural context. One of the aspects was the phenomenon of *Dacha* that existed in the culture of Russian cities from the 17th century [11, p. 9]. During the Soviet period this could lead to the emergence of a collective garden as a kind of *Dacha* equivalent. In addition to cultural traditions, a different mode of ownership and economic relations existed in the Soviet Union. At the level of urban planning, planned economy and a possibility to ignore ownership relations allowed to implement strict functional zoning of the city, radically change the living environment and develop a socialist city of a new type. At the time economy was governed by the principles of planned economy, with the help of which the surplus of money caused not their depreciation but the strengthening of the deficit of goods. Because of the restriction of private property, the populations' needs to realize their private aspirations in alternative ways strengthened; hence massive urban growth also increased the number of potential gardeners.

A Socialist city

In Soviet times, urban planning in Lithuania was carried out in accordance with the planning practice applied throughout the Soviet Union. Although the planning itself took place with the participation of local specialists, the general policy of urban development and architecture was shaped in Moscow by central planning institutions. A socialist city in the Soviet Union was formed in accordance with the dogma of a modernist city, but some of the modernist city principles were constantly questioned in the Western part of the world, and their realization was not carried out under the conditions of total control. However, more radical experiments and a complete transformation of cities were possible in the Soviet Union.

A chance of disregarding the land ownership, belief in the power of professionals to shape public habits and the global establishment of industrial construction methods led to radical changes of cities, which took place in a short period of time. Rapid growth attracted people to move from the province into the cities where industry was expanding and workplaces were available. At that time, a developed environment of living of a new type was contrary to

the habits of most citizens - in order to solve the issue of housing, standardization, industrial methods and active urbanization were used, which residents had to adapt to.

There was an attempt to transform people's habits and the living environment not only in practice. The theory of the socialist city and utopian visions do not lack brave proposals. For example, the book by Nikolay Alexandrovich Milyutin „Sotsgorod: The Problem of Building Socialist Cities“ analyzes the idea of a miniature living cell based on the principles of the existential minimum [12, p. 81]. It was at the beginning of the 20th century that the idea of reducing a person's private space and transferring as many functions to the public section as possible was very popular among left-wing architects [17, p. vii]. These ideas, albeit in a milder form, survived in later periods as well. For example, Alexei Gutnov's book “The Ideal Communist City” [3, p. 64–82] partly repeated the ideas of Milyutin.

The conflict between the city and nature was a popular theme among architects and urbanists [10, p. 275, 279, 334]. The problem of connection with nature became even more important while offering a smaller living space. It was suggested that this lack be compensated by visual connections through the windows; remember the rhetoric of modernists about the green landscape and buildings raised above it on sculptural piloti. Gutnov goes further – he mentions that rest in nature is crucial and it can only be ensured by developing the infrastructure of summer cottages out of town, giving small land plots to each user. Such accommodation would be used episodically and, according to the authors, recreation in nature would become accessible to every ordinary citizen [3, p. 67, 68].

In Khrushchev's period, the turning point of urban planning was primarily evoked by economic considerations (to make construction cheaper and faster), and, therefore, theoretical models that existed in Russia in the early Soviet times or their manifestations recovered later were not literally implemented in practice. However, it is not difficult to find parallels – though bigger apartments had modest kitchens and sanitary units, as some of the functions had to be ensured by the public sector. Canteens, laundries and other household services companies as well as public baths, sanatoriums, and nurseries were supposed to simplify housing to a rational and ultra-compact living cell – a modern city cell in which or near which there was no place for gardening.

Goals of collective gardening

Historian Tomas Vaiseta states that “ideology in the Soviet times had to hierarchize the goals of entire society, thus to give sense to its past, present and future” [18, p. 85]. Gardening was not an exception – its goals formulated as undeniable truths applied to every garden and its owner. These official goals are constantly repeated in the press, as if to dispel any doubts, to convince that it is not an aspiration but an undeniable fact. One of the main sources is the magazine called “Our gardens” (*Lit. Mūsų sodai*). It was a publication delegated only to gardening, quite a popular one at the time. Other sources such as TV series (for example „Petraičių šeimoje) or local regulations help to double-check how statements in „Mūsų sodai“ correlate with other sources.

First of all, in the official language, it is constantly emphasized how valuable and useful to the community the gardening is: “A well-managed collective garden performs important social tasks. It not only helps to better provide the city population with fruit and vegetables, but also develops suitable conditions for people to come up with a creative initiative, and people not engaged in physical activity to strengthen their health, to temper and form a young generation, familiarizing with the problems of nature protection and increase of its values, in practice” as written in the letter sent by a reader of the journal [16, p. 18].

The gardening journal named “*Mūsų sodai*“ is full of similar sound speeches; most of the articles start with the phrases about the benefits of gardening for people’s occupation, health, morals, education or mutual relations [7, p. 22]. It mentions more pragmatic goals – to decorate the cities [15, p. 12], occupy young people, provide organizations or residents with fruit and berries (it was estimated that a 50-square-meter area would be sufficient to supply additional products for one family member). However, one of the most popular arguments for the importance of collective gardening development was directly related to the establishment of a modern city – gardening is mentioned as a recreation form after the intensive work in the city, a possibility to regain strength [5, p. 22].

Similar statements are repeated not only in the press, but also in the Typical Articles of the Association of Workers’ and Clerks’ Gardeners – the document which guides the establishment of associations and which is approved by the resolution of the Council of Ministers of the Lithuanian SSR. The beginning of the Articles writes: “The main goal of the gardeners’ association as a public organization is to establish a collective garden and to cultivate it in order to grow extra fruit, berries, vegetables and flowers as well as to develop

conditions for better leisure time activities, to improve the health of workers and clerks, to get the teens used to work” [8, p. 16].

Summing up the examples of the official discourse about gardening, it can be stated that during the Soviet times, a rather unified narrative that had to promote the understanding of the idea of what and how the collective gardens should be used, was established. Undisputable gardeners’ objectives, as if repeated with one voice, formed the ideological basis for the establishment of collective gardens. Such speeches, especially strongly felt during the reign of Khrushchev, did not disappear in later times – up till the nineties. The declared benefits to society achieving higher goals legitimized gardening as not only acceptable, but also as an activity supported by the government.

Problems and restrictions

Despite the repeated slogans about the important goals of gardening, other, no less popular topics appear in the press. One of the most prominent is the problem of garden houses. Already the first issues of the journal “*Mūsų sodai*” describe the need of summer cottages construction in gardens. This need is understandable since most gardens are placed far from the city center; commuting there takes time and there is also the need to store gardening equipment. However, it is also evident that citizens who live in tiny mass-built Soviet apartments were looking for an alternative to summer house, cottage in nature.

Although the construction of buildings is not mentioned in the ideological speech on the noble goals of gardening, however, it is one of the most important problems for both gardeners (how to construct) and authorities (how to control). Namely, the construction of garden houses reveals the tension that existed between the official goals of gardening and known real-life practices. They are described as a deviation from the norms rather than the dominating tendencies. For example, in the article “Let’s Cultivate the Traditions of a Collective”, the author begins with statements that a garden is an excellent medium for the “communist education of people”, reminds of the educational effect, social and communal functions, and, finally, we read that a sauna would be useful for gardeners and that the author “was delighted by the news that gardeners are allowed to construct buildings of general use – clubs, meeting halls, storage facilities, juice shops, etc.”, because without them we “simply cannot get along” [4, p. 22].

Official speeches, in this and other similar articles, are used as a cover, under which the genuine desires of gardeners that do not necessarily coincide with the public ideological objectives, slightly penetrate. Alexandra Kasatkina,

who explored gardening in Soviet Russia, states that the authorities needed to take measures to improve everyday life of society; therefore, the role of collective gardens as plots for summer cottages for lower-class citizens was known, but because of the ideology opposition was never officially named [6, p. 32]. In the meantime, after mentioning the mandatory phrases concerning the benefits to the public, it is hinted that “for the most part the garden is a second home. Here the weekends and holidays are spent” [13, p. 22].

However, the ability to have a summer house and run away from urban monotony was not the only reason. Many gardeners have been motivated by the possibility of earning or growing additional food products and thus enriching their table. This is confirmed by some articles of the journal “*Mūsų sodai*”: “Crops cultivated on the land plot need to be critically evaluated. In the past, members who planted only potatoes were criticized. Now the plots of the members where tulips and gladioli became a monoculture should be evaluated similarly” [14, p. 18]. Cultivation of flowers in order to earn money was a popular commercial activity, but not the only one. The residents were encouraged to give the surplus of grown fruit or berries to the points of sale or to sell it. In the eighties, this was not only allowed but even a must [1, p. 16].

The impression of schizophrenia is caused by the fact that to earn money by gardening is allowed, but at the same time excessive selfish behaviour or speculation is condemned. Official regulated forms of earning are acknowledged – for example, to give the fruit and berries to the sales points, and the Gardeners Association is allowed to set up stores and kiosks for the sale of products grown by Association members [9, p. 16]. Even the ideas of organizing mobile points of garden products sales are suggested [13, p. 22]. Thus, not the fact of trading itself was condemned but the desire to get more profits or the distancing from the ideals of gardening using the land plot exclusively for profit purposes.

Conclusions

Collective gardens in the Soviet times were a phenomenon that combined urban and rural topics. It was deeply connected with the modernist transformation of cities and new panel house development all around the Soviet Union. Although similar gardening practices existed in different European countries, well before the Soviet Union, in the Soviet area, including Lithuania, collective gardens had its own character. It was an alternative to the official course of urban development. It is important to stress that popularity of

collective gardening partly appeared as a byproduct of industrialization and technocratic development of the city.

Officially stated goals of gardening testified to important public tasks to be performed by the gardening – to cultivate love for nature, to develop skills of physical work, to be healthy, to help to relax for workers and clerks and to provide families and organizations with fruit and vegetables. At the same time, the difference between the official speeches and everyday life became evident. This narrative manifested itself through the desire of an individual to bypass the restrictions under the total control conditions – for example, to create to oneself an equivalent of a second house or a summer cottage. Private space also enabled other informal practices, such as commercial activities to earn from gardening.

Gardening in the Soviet times was a sublime official, legitimated activity, with the help of which, many citizens sought to realize the restricted desire to have more than just a flat in the city. This desire is created by the drastic transformation of the urban fabric, but it is not a homogenous desire. First of all, it embodies the topic that has been analysed by modernist architects and urbanists for a long time – tension between a human and nature, between town and village. The second layer is the desire of a member of an industrial society to realize himself/herself by working the land and seeing the fruits of his labor. Equally important is the fact that the garden was treated as a privilege that allows to control the privileged one, at the same time consolidating its social status in the society.

A socialist city is related to the ideas of a modernist city and the main features of it (such as functional zoning, traffic segregation, free planning, etc.) correlate. However, in Soviet Union it was possible to implement these ideas by the state under its full control. This led to the environment which was mass-produced, centrally planned and with little or no flexibility or ability to accept future changes. Citizens inhabited rigid urban structures and were striving for alternative space. The quality of centrally-planned provisional services was low and product supply to the newly built neighborhoods – insufficient. This created the environment where a collective garden was not only desired, but also necessary. Collective gardens appeared as an outcome of rapid urbanization and functionalist planning, when each function is segregated into a separate zone. It was an environment of interdependency – popularity of gardening was not possible without having a neighborhood densely populated by newcomers from rural areas and at the same time families of those neighborhoods were dependent on the goods supplied from the gardens.

References

1. Armolaitis, E. 1980. Sodo skypelio tvarkymas. *Mūsų sodai* 9(58): 16.
2. Drescher, A.W. 2001. *The German Allotment Gardens – a Model for Poverty Alleviation and Food Security in Southern African Cities?* in: Proc. of the Sub-Regional Expert Meeting on Urban Horticulture. January 15–19, 2001, Stellenbosch, South Africa.
3. Gutnov, A. 1968. *The Ideal Communist City*. New York: George Braziller, 18, 78, 94, 118, 129, 137, 166.
4. Jokšas, L. 1964. Ugdykime kolektyvo tradicijas. *Mūsų sodai* 2(58): 22–23.
5. Juška, A. 1964. Darbas ir poilsis kolektyviniame sode. *Mūsų sodai* 3(58): 22–23.
6. Kasatkina Alexandra. 2011. *Public And Private In Contemporary Russia: The Case Of Garden Cooperatives* (M.A. Thesis). Central European University.
7. Keibas, P. (editor). 1978. Tegul auga kolektyviniai sodai. *Mūsų sodai* 10(58): 22–23.
8. Keibas, P. (editor). 1979. Tipiniai darbininkų ir tarnautojų sodininkų bendrijos įstatai. *Mūsų sodai* 9(58): 16, 17, 28.
9. Keibas, P. (editor). 1980. Nauji sodininkystės draugijos įstatai. *Mūsų sodai* 5(58): 16.
10. Khan-Magomedov, S. O. 1987. *Pioneers of Soviet architecture: The Search for New Solutions in the 1920s and 1930s*. New York: Rizzoli, 275, 279–283, 334.
11. Lovell, S. *Summerfolk: A History of the Dacha*, Cornell University Press, Ithaca, United States, 2003.
12. Miliutin, N.A. 1975. *Sotsgorod: The Problem of Building Socialist Cities*. Cambridge: The MIT Press. 75 p.
13. Paukštė, L. 1979. Naudos būtų visiems. *Mūsų sodai* 8(58): 22–23.
14. Puipa, A. 1981. Koks turi būti sodas. *Mūsų sodai* 6(58): 18–19.
15. Steikūnas, J. 1959. Įsteigta Lietuvos sodininkystės draugija. *Mūsų sodai* 1(01): 12.
16. Tauras, A. 1981. Kolektyvinių sodų aplinka. *Mūsų sodai* 12(58): 18–19.
17. Teige, K. 2002. *The minimum dwelling*. Cambridge, MA: MIT Press.
18. Vaiseta, T. 2014. *Nuobodulio visuomenė: kasdienybė ir ideologija vėlyvuosiu sovietmečiu (1964–1984)*. V.: Naujasis Židinys-Aidai, 500 p.

Алина Стрелковская
(Беларусь/Литва)

«ПИЛЮЛЯ НОРМАЛЬНОСТИ»: ПРАКТИКА ПРИЕМА АНТИДЕПРЕССАНТОВ В ДИСКУРСЕ «ПАЦИЕНТА»¹

The present paper is a preliminary result of the large-scale research, which focuses on depression as a social phenomenon and the practice of antidepressants treatment in Minsk, Belarus. The term 'depression' tends to find a wide range of applications in different discourses of this cultural context. The text below attempts to examine the discursive position of a person who underwent or had undergone the antidepressants treatment to normalize his/her health condition and to analyze the psychological narrative's global refraction.

На сегодняшний день депрессия является малоизученным явлением в белорусском культурном пространстве. Подвижные границы этого термина отмечают как представители экспертного дискурса (частные и государственные психотерапевты, психиатры), вынужденные признавать, что даже МКБ последних версий не дает возможности достаточно точно классифицировать всю вариативность сочетаний симптомов, так и лица вне его: проведенный количественный опрос общественного мнения показал, что на уровне обывательского восприятия не существует однородного представления о сути этого состояния и ответы варьируются от определения депрессии как серьезного заболевания вплоть до отрицания ее существования вовсе. В свете этого факт приема индивидуумом антидепрессантов становится своего рода лакмусовой бумажкой, позволяющей с большой долей уверенности говорить о пребывании индивидуума в девиантном эмоциональном состоянии (или, если точнее, о том, что он(а) сам(а) полагает свое состояние девиантным). Между тем необходимо отметить, что попытки выводить универсалии в том, что касается присущей Минску нормы эмоционального выражения, изначально ложатся на зыбкую почву отсутствия контекстуально обусловленной теоретической базы и малого количества проведенных эмпирических ис-

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «“Жизнь без будущего” и фармакотерапия: употребление антидепрессантов как социальное явление».

следований на смежные темы. Данная статья нацелена на то, чтобы хотя бы в первом приближении описать дискурсивную позицию пациента/клиента, использующего фармацевтические средства класса «антидепрессанты» для «нормализации» своего состояния, и попутно отследить, какое состояние подразумевается под пресловутой нормой. Для этого нами было проведено 6 глубинных интервью с жителями Минска в возрасте 25–36 лет, располагающими личным опытом приема антидепрессантов.

Начнем с краткой предыстории. Сама по себе постановка вопроса отсылает нас к США 1939 г., где новообразовавшееся издательство «Pocket Books» начало выпускать дешевые книги в мягкой обложке, в том числе принадлежащие к условному жанру «популярной психологии». Это, казалось бы, чисто маркетинговое решение, оказало значительное влияние на глобальное распространение нарратива о *self*, самореализации и ее связи с психологическим здоровьем. Идея возможности осознанно менять себя, оценивать отношения на предмет токсичности и перестраивать их в сторону взаимного принятия идентичности акторов взаимодействия нашла отклик у представителей не только высшего, но и среднего класса и в конечном итоге превратилась в тенденциозное социальное явление, на котором выстроилась психотерапевтическая культура с присущим ей особым пониманием «эмоциональной компетенции» как способности эффективно распознавать и контролировать эмоции, проявлять эмпатию и придерживаться эмоционального стиля, способствующего накоплению социального капитала. Психотерапевтический нарратив при этом выступает в качестве эдакого уробороса: параллельно с концептом самопомощи через осознанность он актуализирует концепт жертвенности и вины, осознание которой становится первым шагом к тому, что в эпоху модернити стало принято называть «работой на собой». Эмоциональные компетенции и самоконтроль, понимаемый не только как выдержка, но и способность направлять, обуздывать и формировать *self*, становятся чрезвычайно востребованным товаром, предлагаемым к приобретению не только психотерапевтами всех школ и воззрений, но и фармацевтическими компаниями, обещающими «расфасовать» пресловутый самоконтроль в облике таблеток и пиллюль. Подобного рода «эмоциональный капитализм», согласно Эве Иллоуз, предполагает глубокую институционализированность самости как таковой [3]. Проще говоря, культура воплощается в социальных практиках, которые, в свою очередь, складываются вокруг объектов, ритуалов и институций, соответственно и психотерапевтический нарратив требует поддержки со

стороны государства и рынка – в противном случае он обречен на существование исключительно в виде ни к чему не прикрепленных идей. А теперь рассмотрим, как глобальное становится глокальным и обратим внимание непосредственно на белорусский контекст.

Если в странах США и Западной Европы психотерапевтический нарратив довольно быстро стал одной из ведущих моделей индивидуализма, пропагандируемой неолиберальными системами, то в пространстве СССР он начал заявлять о себе лишь в силу перестроечных изменений и нашел выражение в виде «незаметной» антипсихиатрии. Татьяна Щитцова в своей статье «Что-то должно быть по-другому» отмечает, что «в отличие от Западного антипсихиатрического движения, критическое осмысление психиатрии в Беларуси не было явлением культуры в широком смысле этого слова» [2], заимствование новых веяний вылилось скорее в попытки естественного реформирования, приведшие к плавному переходу от традиционной психиатрии к психотерапии «новой волны». В 1985 г. принимается закон о психотерапевтической службе, по которому должность психотерапевта начинают вводить не только в специализированных медицинских учреждениях, но и в поликлиниках. Параллельно начинается деятельность по подготовке соответствующих кадров и разработке государственных учебных программ, и в эти, казалось бы, интеграционные процессы закрадывается зерно противоречия между структурным и содержательным. Если идейная сторона психотерапии «новой волны» предполагает субъект-субъектное взаимодействие, то жесткая позиция государства на предмет наличия у психотерапевта медицинского образования и, соответственно, права выписывать медикаменты, скорее, становится предпосылкой к формированию субъект-объектных отношений, где основополагающая цель воздействовать на пациента из институционально обусловленной властной позиции рискует столкнуться с необходимостью практической оптимизации процесса и утратить специфику «терапевтического альянса» в пользу фармацевтики. На сегодняшний день бесплатный прием у психотерапевта неспециализированного государственного медицинского учреждения довольно часто представляет собой 15-минутную консультацию, призванную диагностировать депрессивное состояние по набору проговоренных пациентом симптомов и назначить спектр препаратов, способных снизить тревожность и выровнять уровень серотонина в организме. Полноценные сеансы разговорной терапии, как правило, выводятся в спектр платных услуг и зачастую либо воспринимаются пациентами как

что-то факультативное, либо осознанно отвергаются в силу личных обстоятельств.

В связи с крушением господствовавшей идеологии постсоветский контекст оказался неспособен производить коллективные аффекты в той мере, в какой это делалось в советский период. Согласно теории Т. Щитцовой и других авторов монографического сборника «Ты хочешь поговорить об этом?», ставшего первой в белорусском контексте попыткой рассмотреть разговорную терапию как социальное явление, утрата коллективистской энергетике и героического пафоса повседневной жизни могла активизировать в индивидууме потребность в приватно-разделяемой эмоциональности – пресловутой интимности, которая, согласно психотерапевтическому нарративу, выступает в качестве базиса для здоровых личных отношений. Однако запрос на проникнутое интимностью принятие имеет мало шансов на реализацию в силу унаследованных от советской ментальности паттернов вины, долженствования и самопожертвования вкупе с неумением «проговаривать себя». Отсутствие понимания концепта *self* отмечала еще Юлия Лернер в ходе исследования особенностей становления психотерапевтической культуры в постсоветской России. «В отсутствие этих двух элементов – институтов капитализма и профессиональных терапевтических институтов – в российской культуре не сформировался терапевтический *Self* как остов практики и дискурса терапии, как дискурсивная форма изложения биографии, интерпретации отношений, карьеры, успеха и провала, счастья и страдания» [1]. В свою очередь, не сформировался и язык, способный внятно артикулировать переживания и проблемы эмоционального толка, а также сообщать индивидууму исчерпывающие возможности осмысления собственной идентичности. Схожая ситуация наблюдается и в постсоветском Минске, о чем на уровне дискурса пациента сигнализируют истории информантов:

«Но мне кажется, я полтора года втыкивалась вообще, как это делать. То есть, у нас же, сама знаешь, что у нас нету культуры и языка, чтобы об этом говорить. И способа обращаться. И, мне кажется, полтора года просто разго... какие-то отвлекающие истории просто рассказывала. И только потом я научилась, что такое быть в терапии» (Мария, 25 лет).

«...Я потом куда-то поехала и решила не продолжать это все. Потому что, на самом деле, не видела в этом для себя никакой пользы. По-

тому что... ну, единственная польза была в том, что я все-таки могу кому-то высказаться. Но так, чтобы это как-то кардинально сильно влияло на меня – не особо. Просто такое... посещение... Просто ты платишь за... за какие-то уши, а не за решение» (Алёна, 26 лет).

«Я ходила уже год на личную терапию, и я считаю, на самом деле, факапом своего терапевта. В какой-то степени то, что... ну, мне становилось все хуже и хуже, как бы, и я ждала от нее каких-то решений в этом смысле или советов. Потому что я не могла понять, ну, как бы, нормально то, что со мной происходит, или нет. Мне просто становилось хуже» (Вероника, 31 год).

«...Думаю, недаром все-таки заканчивал филологический факультет, что я люблю говорить, рассказывать. И когда я это делаю... я предполагаю, что это и есть примерный такой сеанс психотерапии. Но для меня он заключался именно в том, чтобы все высказать, возможно – услышать какую-то реакцию. Но скорее просто, чтобы все это высказать» (Александр, 25 лет).

Позиция всех проинтервьюированных лиц демонстрирует значительную концептуальную сложность нахождения в терапевтических отношениях. Ожидая авторитетного решения со стороны облеченного институциональной властью специалиста, информанты использовали сеансы как возможность высказаться и получить некоторую эмоциональную разрядку, однако осознанная «работа над собой» в том ключе, в котором ее понимает терапевтическая культура, либо начиналась спустя какое-то время (наглядный пример – Мария, находившаяся в терапии 4 года и признающаяся, что первые полтора года рассказывала «отвлекающие истории»), либо не начиналась вовсе (Алёна бросила терапию, поскольку та оказалась неспособна предложить готовое решение). Показательно и то, что все информанты приходили к психотерапевту с четким ожиданием оказаться в роли объекта, исполнителя указаний со стороны «человека в белом халате» (как это обычно происходит в случае приема любого другого врача), что возвращает нас к тезису о субъект-объектной системе отношений, присущей белорусскому медицинскому дискурсу и, таким образом, преломляющей глобальный психотерапевтический нарратив в нечто глокальное. В силу же неспособности индивидуума естественным образом осмыслять себя как психологического субъекта осо-

бенно интригующим видится его/ее решение обратиться за помощью к антидепрессантам.

Отвечая на вопрос о причинах, сподвигших информантов прибегнуть к медикаментозному лечению, те отмечали обеспокоенность непредсказуемостью и, зачастую, необъяснимостью реакций собственного тела и желание нормализовать свое состояние. В качестве «ненормальных», девиантных проявлений они упоминали сложность в контроле выражения эмоций, навязчивое ощущение бессмысленности жизни, неспособность чувствовать радость, психосоматические боли, панические атаки – словом, неспособность эффективно функционировать в обществе и уж тем более адаптироваться к уместному в той или иной ситуации эмоциональному стилю.

«Я просто себя ловлю на том, что в какой-то момент... не могу сказать просто, в какой промежуток... но меня настолько... трясло... У меня настолько был невроз поднят, что... если сейчас просто проанализировать, совершенно не контролировала своим эмоции. Абсолютно! Я просто была как сумасшедшая» (Алёна, 26 лет).

«То есть, все время, там, плохо себя... плохое настроение, там, горе-горе-горе – вот такое какое-то состояние. Потом я начала болеть, у меня с желудком начались проблемы. Это еще больше усугубило, у меня начались панические атаки...» (Вероника, 31 год).

Триггерами к развитию депрессии в жизни информантов в основном становились запущенные детские травмы (Александр в очень уязвимом возрасте столкнулся с непедагогичным поведением бабушки и запугиванием в школе; Вероника постоянно оказывалась жертвой манипуляций изменявшей отцу матери и знавшего об этом отца) и переживания, связанные с личной жизнью (Мария оказалась в состоянии любовной зависимости от человека, который не отвечал ей взаимностью; Алёна состояла в токсичных отношениях с молодым человеком и пережила жесткий разрыв). На фоне изобилующего негативными субъект-объектными связями опыта социализации (в частности, Алёна называет период учебы в школе 11-летним рабством; Мария с возмущением рассказывает о своей воспитательнице-манипуляторе в детском саду, неуравновешенной учительнице в младших классах и ее унижительной манере оценивания знаний; Александр признается, что его школьные годы были проникнуты страхом и постоянным ощущением угрозы),

постоянного воздействия на индивидуума стрессотворных факторов, сопряженных с социальными особенностями жизни в постсоветском городе (многообразие взглядов, возможность стать объектом дискриминации по признаку гендера, сексуальной ориентации и т.п., нелюбимая работа, сложности в учебе/карьерном продвижении, недостаток принятия в семейном окружении и пр.), и воспроизводимых раз за разом деструктивных паттернов поведения и выстраивания отношений («Но без всего [без терапии и антидепрессантов. – А. С.], я думаю, что я просто бы, возможно, до сих пор повторяла одни и те же сценарии. И... то есть, ну я почти уверена в этом», Мария) обращение к антидепрессантам становилось естественным и наиболее экономически оправданным решением, подкрепляемым вдобавок позицией представителей медицинского дискурса. Все герои наших интервью начали всерьез рассматривать медикаментозный путь преодоления депрессии в связи с рекомендацией врача – невролога, психотерапевта или психиатра. Несмотря на то что в некоторых случаях присутствовал определенный дискомфорт в связи с мыслью о приеме таблеток («Я не психованная!», вот это вот все у меня тогда было в голове», Вероника), мнение врача принималось на абсолютную веру и замещало собой индивидуальную позицию пациента («Она сразу предложила препараты, ну, собственно, мне тут уже было... она врач, я либо ей доверяю и принимаю ее решения, либо не доверяю и ищу другого врача», Елена, 36 лет).

Кроме того, убеждение в необходимости этой меры подкрепляли сильная обеспокоенность неконтролируемым состоянием собственного организма и сложность в том, чтобы найти подходящего специалиста для полноценных сеансов психотерапии. Хотя на сегодняшний день рынок психотерапевтических услуг в Минске развивается довольно уверенно, практически все информанты отметили сложность в подборе терапевта в силу отсутствия четких критериев оценки их работы и собственной неосведомленности о том, чего стоит ожидать от психотерапии. Вместе с тем звучало и сомнение в уровне подготовки специалистов в этой области. Для того чтобы с уверенностью утверждать, так это или нет, необходимо отдельное исследование, но для нас определенно существенен тот факт, что наличие такого сомнения не может не влиять на выбор индивидуума в пользу или против антидепрессантов.

Пациенты, страдающие продолжительной депрессией, зачастую рассматривают антидепрессанты как вынужденный и единственно доступный в финансовом отношении способ поддержания собственных эмоций в стабильном состоянии. Дороговизна сеансов частной психо-

терапии, недостаток информированности о симптоматике и специфике лечения депрессии, малая включенность в терапевтический нарратив и доминирование врачебного авторитета превращают антидепрессанты в своего рода «пиллюлю нормальности», позволяющую (после того, как уходят побочные эффекты) спокойно засыпать по ночам, эффективно взаимодействовать с социумом и выдерживать соответствующий той или иной ситуации эмоциональный стиль. Не имея доступных возможностей расширять эмоциональные компетенции за счет разговорной терапии, индивидуум вынужден обуздывать свои эмоциональные реакции медикаментозным способом. *«Ну это, скажем, для меня это был не очень возможный вариант в плане бюджета. Это дорого»,* – рассказывает Елена о том, почему не рассматривала вариант индивидуальной психотерапии. Мотивировала решение пойти в поликлинику в ее случае именно бесплатность приема у штатного психотерапевта. Психотерапевт же в рамках стандартной практики предложила пропить курс таблеток, что уже на раннем этапе нивелировало возможность появления в истории болезни информантки альтернативного пути. *«Но я не могу сказать... мне не с чем сравнивать. Может быть, если бы я пошла к кому платно, то я бы была такая звезда и огурчик, а может, и нет. Мне не с кем сравнить. С индивидуальными психотерапевтическими сеансами я не знакома, да, я не знаю, что это такое».* Не рассматривает саморазвитие в русле психотерапевтического нарратива как релевантного собственной ситуации и Александр: *«Скажем так, идти на сеанс, который минимум стоит 300 тысяч, к человеку, которого я не знаю... Зная, что на те же 300 тысяч я могу купить себе еще... своих антидепрессантов и сходить куда-нибудь, например [...] Это на меня, наверное, окажет большее влияние...».*

Опасение столкнуться с некомпетентным или просто неподходящим специалистом если и не присутствует изначально, то обречено на возникновение, если только опыт взаимодействия с первым же терапевтом не оказывается в полной мере удовлетворяющим. Редким примером подобного хода событий может послужить история Марии, которая работала с одним и тем же психотерапевтом 4 года и закончила терапию, почувствовав готовность самостоятельно справляться с жизненными неудачами. Немаловажен в свете этого тот факт, что информантка получила семейное воспитание в русле терапевтического нарратива. Антидепрессанты и в ее случае выступали инструментом поддержки, но: медикаментозные препараты были актуальны в ее состоянии лишь до того момента, когда она скорректировала свое расписание и вписала в него

еженедельные сеансы у психотерапевта. Остальные информанты оказались удовлетворены своим опытом психотерапии лишь частично, в ходе многих интервью звучали реплики о том, что, несмотря на регулярные сеансы, в какой-то момент их состояние ухудшалось; не менее часто проговаривалось недовольство искусственностью психотерапевтических отношений как таковых. Жесткий регламент сеансов, повторяющиеся раз за разом формальные фразы психотерапевта, свойственная некоторым из них манера неожиданно отменять или переносить сеансы в силу личных причин – рассказывая об этом, информанты как один переходили на иронический тон, демонстрируя, что психотерапия и обоюдная искренность, в их понимании, едва ли идут рука об руку.

«Ну суть в том, что она реально вот просто ограничивалась сугубо временем и бесила просто... выбивала из колеи. Потому что просто как часы, как будильник... она такая “Оп!”, у меня минутки закончились, до свидания, ты дальше не оплачивала...» (Алёна, 26 лет).

«И она сказала фразу, что “им за это тоже не платят”. Как бы... вероятно, это был тонкий намек, что вы говорите очень много, но, если вы хотите это делать, вам нужно за это заплатить. Как бы... это тоже, как бы, не сделало более приятным рядом с ней находиться (смеется)» (Александр, 25 лет).

Один из выводов, которые можно сделать на данном этапе исследования, на первый взгляд довольно иррационален: несмотря на то что экспертный дискурс не считает психотерапию и назначение антидепрессантов взаимоисключающими методами (как раз наоборот, государственные психотерапевты практикуют и то, и другое одновременно, а многие частные – рекомендуют обратиться за рецептом в поликлинику, если подозревают у клиента тяжелую форму депрессии), с точки зрения дискурса пациента именно такими они зачастую и оказываются. Это не означает, что пациенты не склонны совмещать одно с другим, речь идет скорее о противоречии на концептуальном уровне. Информанты, почувствовавшие полноценную поддержку в терапии, стремились прекратить принимать таблетки. Информанты, в силу разных причин столкнувшиеся со сложностями постижения психотерапевтического нарратива (первые терапевты Алёны и Вероники, «коуч» и «факап» соответственно²; послу-

² Именно так в ходе интервью охарактеризовали своих терапевтов информанты.

жившие превентивным фактором финансовые ограничения Александра и Елены), нашли эквивалент эмоциональной поддержки в таблетках и оценивали их назначение как шаг небесполезный (как минимум) и/или даже позитивный (как максимум).

«И вот это вот состояние, мне кажется, было бы сложно... выветрить просто так. Ну, то есть, скорее, именно физические показатели. [...] Потому что надо было хоть как-то успокоиться, а другого способа... [не было. – А. С.]» (Алёна, 26 лет).

«Я могу сравнить это только с тем, когда... я надел вместо очков контактные линзы. И это тоже такая метафора, что контактные линзы позволяют мне четко смотреть на мир. Антидепрессанты – тоже. Потому что первую пару дней... это не состояние эйфории, это было просто состояние... выдоха, как после хорошего выдоха. Или как... после хорошего приема пищи, когда очень голодно. Что как бы вот, я могу себя так чувствовать» (Александр, 25 лет).

«Но, с другой стороны, э-э... просто спасибо господи, что они есть вообще сейчас. Что они такого качества и такого поколения, как они сейчас. [...] Если б не они, я б вообще, наверное, не знаю, что бы со мной было. Реально, это... для меня это спасение» (Вероника, 31 год).

Второй вывод, следующий из теоретического и эмпирического материала касательно переживания депрессии в интересующей нас географической зоне, заключается в том, что жители Минска в принципе плохо представляют, что такое отношения принятия, и в ходе повседневных интеракций на бессознательном уровне создают вокруг себя токсичную психологическую среду. Не до конца вытесненные веяниями сегодняшнего дня остатки советской ментальности дают о себе знать не только стыдом и боязнью обратиться к психотерапевту, но и общей неуверенностью в правдивости индивидуальных чувств. *«Вот у нас заболела душа, и мы идем к психотерапевту. Обычно у нас заболела душа, и мы идем в церковь, – рассказывает Елена, долгое время находившаяся в тяжелом состоянии, сопровождавшемся клаустрофобией, агорафобией и гастроэнтерологическими проблемами психосоматической природы. – Вот, ты все-таки пытался народными средствами, туда-сюда. И еще в тебе этот страх живет какой-то... Ты пытаешься все-таки выкарабкаться сам. Знаешь, тоже такой момент... что, может быть, это то,*

что с тобой происходит, это не сочтется... Не воспримется серьезно». Ту же тенденцию отмечает в своем поведении Александр, рассказывая о своем первом визите к врачу по поводу депрессии и о том, как сильно его успокоила фраза невролога «у вас это есть, вы это не придумываете».

Однако далеко не всегда окружающая среда стремится помочь пациенту осознать и принять депрессию как болезнь. Довольно частой ситуацией в историях информантов были рекомендации со стороны как членов семьи и друзей, так и со стороны представителей медицинского дискурса найти работу, что тоже видится нам эдаким отзвуком коллективистского аффекта, заменявшего интимность в советский период. Собственно говоря, едва ли мы можем говорить о существовании в советском Минске социального конструкта болезни депрессии. На теоретическом уровне экспертный дискурс советского периода говорит о биологических причинах происхождения депрессии (отравления, техногенное воздействие, неблагоприятная экологическая среда и т.п.) и довольно естественным образом вписывает в нее антидепрессанты как наиболее логичное средство лечения. На практическом же уровне депрессия была чрезвычайно редким диагнозом. Тяжелым больным, как правило, приписывали шизофрению или органическое поражение мозга. Этот тезис, согласно Олегу Айзбергу, подтверждается и количеством тематических научных публикаций: если о шизофрении писали много, то работ о депрессии советская наука дала незначительное количество.

Безусловно, оценивая положение вещей в Минске 2017 г., мы обнаруживаем решительно новую ситуацию как в экспертном и публичном дискурсах, так и в дискурсе пациента. Общество коллективного аффекта ушло в прошлое, но что конкретно ему пришлось на смену? Отвечая на вопрос о том, к чему бы им хотелось прийти в результате лечения, информанты говорили о мире в душе, о способности соблюдать баланс между желаемым и доступным, о навыке самоподдержки и мотивации к действиям, направленным на самореализацию, – словом, о нормативном портрете индивидуума, принадлежащего к терапевтической культуре. Одновременно с этим, уже в контексте вопросов о субъективной оценке степени распространения депрессии и практики приема антидепрессантов в Минске, информанты единодушно сходились в том, что этот город имеет довольно негативный эмоциональный фон, а антидепрессанты принимает большее количество людей, чем кажется. Терапевтические идеалы и вынужденная реальность жизни на антидепрессантах на сегодняшний день являются основными слагаемыми переживания депрессии в Минске, городе постсоветской культуры, которая, в силу отсутствия

экономико-политического ресурса для масштабных изменений, имеет глубоко амбивалентную суть.

Литература

1. Лернер, Ю. Теле-терапия без психологии, или как адаптируют Self на постсоветском телеэкране. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/laboratorium/laboratorium-1-2011/10689-tele-terapiya-bez-psixologii-ili-kak-adaptiruyut-self-na-postsovetskom-teleyekrane.html> Дата доступа: 5.05.2017.
2. Ты хочешь поговорить об этом? Новая психологическая культура в постсоветской Беларуси и Украине / сост., науч. ред. Т.В. Щитцова. Вильнюс: ЕГУ, 2014. 358 с.
3. Illouz, E. Cold Intimacies: the Making of Emotional Capitalism. Online Access: <http://moodle.ehu.lt/mod/resource/view.php?id=158338> [5.05.2017].
4. Illouz, E. Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions and the Culture of Self-Help. University of California Press, 2008. 294 pp.

Елизавета Ковтяк
(Беларусь/Литва)

ДЕПРЕССИЯ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МИНЧАН О РАССТРОЙСТВАХ НАСТРОЕНИЯ И СПОСОБАХ БОРЬБЫ С НИМИ

The topic of depression is usually neglected in Belarusian public discourse, especially from the humanitarian point of view. The paper presents the results of a survey, which focuses on the attitudes and ideas about depression, its treatment and the effectiveness of psychotherapy shared by citizens of Minsk. The research focuses on the influence of the professional environment on the ideas about depression and aims at defining local peculiarities of an 'alternative' remedy for affective disorders that are formed in people's minds. The results presented in the article became a starting point for adjusting the approach to the study of public opinion about depression and the practice of its pharmaceutical treatment.

Исследование, которое легло в основу этой статьи, является предварительным этапом более масштабного исследования депрессии и практик употребления антидепрессантов. Поскольку обширных изысканий по этой теме с гуманитарной точки зрения не проводилось, то одной из главных задач ставилось выявление опорных точек и вопросов, с которыми было бы возможно продуктивно работать в дальнейшем. В центре внимания части исследования по теме «Жизнь без будущего. Фармакотерапия: употребление антидепрессантов в Минске» был публичный дискурс, или обывательское мнение касательно употребления антидепрессантов как способа борьбы с депрессивными состояниями.

В первую очередь ставилась задача определить отношение минчан к использованию медикаментов с целью лечения депрессии, а также к психологической и психотерапевтической помощи при депрессивных состояниях. Кроме того, важно было выявить наиболее распространенные способы борьбы с депрессивными состояниями, применяемые в качестве альтернативы антидепрессантам и психотерапии. Объектом исследования выступили совершеннолетние жители города Минска. Предмет исследования – отношение к депрессивным состояниям и способам

борьбы с ними. Поскольку обозначенная тема на данный момент практически не разработана белорусскими исследователями, наша задача во многом заключалась, так сказать, в предварительной «диагностике» отношения белорусов к этой проблеме. В контексте такого замысла была сформирована стихийная выборка, а методом изучения выбран интер-опрос.

Выборка составила 384 человека, при доверительном интервале 0,5 и доверительной вероятности 95%.

При подготовке к эмпирической части обследования минчан на предмет отношения к антидепрессантам исследовательская группа опиралась на наработки зарубежных социологов и психологов – Аллена Эренберга, Евы Иллус, Юлии Лернер, Арли Хохшильд.

Необходимость во введении термина «депрессия» связывают с появлением новых нормативных моделей поведения, которые исходят не из требований к индивиду просто выполнять правила и установленные обществом функции, но из расплывчатого требования «стать самим собой». Социологи связывают появление депрессии с расстройством, которое возникает на почве чувства неполноценности, когда индивиды не справляются с тем, чтобы выстроить гибкие отношения в пространстве между запрещенным и разрешенным, в столкновении с виной, в ситуации несоответствия своего поведения требованиям общества. Идеалы современного этапа капитализма совмещают принципы экономической гонки с идеями поиска себя и самосовершенствования [1]. Современный руководитель или же просто успешный работник должен совмещать свой внутренний баланс, открытость коллегам и подчиненным с высокой результативностью и сочетать все это с устраивающей его семейной или личной жизнью [2]. В состоянии депрессии человеку свойственно недостаточное ощущение чувства долга и дисциплины, что делает его дисфункциональным членом общества. Поэтому озабоченность темой депрессии со стороны СМИ, профсоюзов и корпораций, можно предположить, связана с финансовым ущербом, который терпит бизнес из-за неэффективной деятельности сотрудников с подобным диагнозом. Принимая во внимание наработки указанных выше авторов, нами был сделан акцент на профессиональную деятельность респондентов, с тем чтобы выяснить, существует ли в наших белорусских реалиях связь между сферой деятельности, занимаемой должностью и отношением к фармакотерапии или же в нашей ситуации эмоционального «пограничья» такая интерпретация не является актуальной.

Под профессиональной деятельностью в этом случае имеется в виду сфера занятости респондента и должность, которую он/она занимает в организации. Помимо этого, исследование затрагивало вопрос лечения депрессии и других расстройств с помощью психотерапии и психолога как дополнения к фармакотерапии либо же в качестве полноценной замены антидепрессантам. Заключительная часть статьи посвящена представлениям минчан об альтернативных, не связанных с фармацевтикой и психотерапией способах борьбы с депрессией.

Отношение к приему антидепрессантов

В целом среди минчан распространено видение, что антидепрессанты целесообразно принимать исключительно при диагностике тяжелых форм депрессий. Такое мнение высказали 47,6% респондентов, а 13,5% высказались против фармакотерапии любых форм депрессий (табл. 1). Главной причиной не принимать антидепрессанты, как среди тех, кто предлагает избегать этого вида терапии, так и среди других групп, респонденты называют «зависимость и привыкание» (32,7% из ответивших «не стоит принимать совсем» и 25,8% из группы «стоит принимать только в тяжелейших случаях»). На втором месте называют «побочные эффекты», которые в группе «стоит принимать только в тяжелейших случаях» набрали 24,2%, почти сравнявшись с «привыканием» (25,8%). Далее следуют причины «не сохраняется эффект» и «эмоции становятся ненастоящими»: если в группах опрошенных, высказавшихся за отказ от приема или о целесообразности приема только при тяжелейших формах депрессии, процент ответивших составил 11–14%, то в группе «стоит принимать при любых формах депрессии» – 6%.

Таблица 1. Ожидаемые недостатки приема антидепрессантов, %

Какие минусы от приема антидепрессантов вы видите?	
Затрудняюсь ответить	22,7
Привыкание/зависимость	25,0
Побочные эффекты	19,0
Не сохраняется эффект	12,0
Эмоции становятся ненастоящими	11,5
Нет минусов	4,4
Другое	1,8
Лечат симптомы, а не суть	2,1

Труднодоступность в РБ	0,3
Изменяет ощущение реальности	1,3

Если посмотреть на отношение к антидепрессантам по отраслям, в которых заняты респонденты, то наиболее лояльными оказались люди, занятые в сфере медицины, – 61% опрошенных из их числа высказались в пользу приема антидепрессантов при любых формах депрессии; их также поддержали специалисты по найму персонала – 33,3% и работники сферы промышленности. Против приема высказалось большинство занятых в сфере строительства – среди них 40% тех, кто рекомендует отказаться от фармакологической терапии вовсе (табл. 2).

Таблица 2. Отношение к приему антидепрессантов по родам деятельности, %

Род деятельности	Не стоит принимать вовсе	При тяжелых формах	При любых формах	При плохом настроении
Не работает	0,0	60,0	0,0	0,0
Специалист	9,0	51,0	23,9	0,6
Руководитель отдела	24,5	41,5	17,0	0,0
Руководитель организации	6,5	51,6	16,1	0,0
Служащий	0,0	71,4	28,6	0,0
Студент	26,5	44,1	17,6	2,9
Научный сотрудник	5,3	57,9	15,8	0,0
Рабочий	0,0	100,0	0,0	0,0
Фрилансер	13,5	40,4	28,8	0,0
Домохозяйка	37,5	25,0	12,5	0,0
Медработник	0,0	25,0	75,0	0,0
Преподаватель	0,0	100,0	0,0	0,0
Другое	30,0	30,0	20,0	0,0

Что касается должности, или вида занятости, то наиболее категорически против антидепрессантов высказались домохозяйки (37%), студенты (26%) и руководители отделов (24,5%). За прием антидепрессантов при любых формах депрессии высказались фрилансеры (28,8%), служащие (28,6%) и специалисты (23%), но наиболее поддерживающими оказались медработники (не тождественно работающим в сфере медицины) – 75%

медперсонала поддерживает прием антидепрессантов при любых формах депрессии (табл. 3).

Таблица 3. Отношение к антидепрессантам по сферам деятельности, %

Сфера деятельности	Не стоит принимать вовсе	При тяжелых формах	При любых формах	При плохом настроении
Медицина	7,7	30,8	61,5	0,0
Образование	6,1	66,7	12,1	0,0
IT	11,8	50,0	19,7	1,3
Наука	9,5	47,6	23,8	0,0
Финансы	8,3	66,7	25,0	0,0
Культура	16,4	46,3	14,9	0,0
Журналистика	8,7	47,8	26,1	0,0
Маркетинг	10,8	40,5	21,6	2,7
Промышленность	4,8	52,4	33,3	0,0
Индустрия красоты	25,0	37,5	25,0	0,0
Торговля	15,0	45,0	20,0	0,0
Строительство	40,0	20,0	20,0	0,0
HR	66,7	0,0	33,3	0,0
Другое	20,0	43,3	26,7	0,0

Отношение к психотерапии

В ходе данного опроса выяснилось, что более половины опрошенных минчан, а именно 51,3%, считает и депрессию, и личные кризисы поводом обратиться к психотерапевту или психологу, 65,6% опрошенных посоветовали бы другу обратиться к специалисту (табл. 4) и лишь 1% не считает аффективные расстройства поводом обращаться к психотерапевту (табл. 5). Причем сфера занятости и занимаемая должность не имели влияния на распределение ответов.

Таблица 4. Совет другу, страдающему от депрессии, %

Если ваш друг говорит, что страдает от депрессии, что вы посоветуете ему?	
Затрудняюсь ответить	3,1
Обратиться к психологу или психотерапевту	65,6
Встретиться с друзьями	13,3
Быть более занятым на работе	3,1
Побольше гулять	8,3
Обсудить с близкими	1,6
Сделать над собой усилие	0,3
Медитация, йога	1,6
Не обращать внимания	0,5
Принимать антидепрессанты	1,0
Сходить с друзьями выпить	1,3

Таблица 5. Оценка целесообразности обращения к психотерапевту в различных состояниях, %

В каких случаях, на ваш взгляд, целесообразно обращаться к психотерапевту?	
При депрессии и личных кризисах	51,3
При депрессии	21,4
При личных кризисах, но не депрессии	5,5
Расстройства настроения не являются поводом	1,0
Затруднились ответить	20,8

Альтернативные способы борьбы с депрессией

Среди наиболее популярных альтернативных фармакотерапии способов борьбы с депрессивными состояниями оказался спорт, который выбрали 75,5% респондентов, и прогулки на природе (75%). Неожиданным ответом стала медитация, которую выбрали 54,2% отвечающих, хотя среди тех, кто предложил бы другу медитацию и йогу, было только 1,6% респондентов. Среди других способов борьбы с депрессией названы пассивный отдых дома и поход в кино. Что касается распития алкогольных напитков, которое традиционно считается способом борьбы с житейскими проблемами, то слишком большой популярности этот вариант не получил – всего 17,4% опрошенных рассматривают распитие алкогольных напитков с друзьями как решение проблемы, а вариант

«полностью отказаться от алкоголя» оказался даже более популярным – 18,5% (табл. 6).

Таблица 6. Альтернативные способы борьбы с депрессией, %

От депрессии помогает...	
спорт	24,1
прогулки на природе	23,8
здоровое питание	7,9
поход в кино	9,1
пассивный отдых дома	6,5
медитация	17,2
полный отказ от алкоголя	5,9
досуг, проведенный с друзьями, включающий распитие алкогольных напитков	5,5

Заключение

Результаты опроса дают повод переосмыслить подход к изучению депрессии и практикам приема антидепрессантов среди минчан, так как оптика, разработанная преимущественно западными исследователями, не принесла ожидаемого результата. Несмотря на то что некоторые гипотезы касательно влияния сферы деятельности, опасений по поводу антидепрессантов и альтернативных способов борьбы с депрессией подтвердились, сила влияния этих факторов не слишком велика. Подобная ситуация побуждает к постановке вопроса о возможных отличиях причин аффективных (в частности, депрессивных) расстройств у белорусов, а также о некоторой несхожести содержания публичных дискурсов относительно депрессии и антидепрессантов в Беларуси и за рубежом, что при исследовании этой темы требует учета помимо глобальных процессов локальных социальных и политических особенностей Беларуси.

Литература

1. Ehrenberg, A. *La Fatigue d'être soi* / Editions Odile Jacob. 1998.
2. Illouz, E. *Saving The Modern Soul. Therapy, Emotions, and the Culture.*

Елена Огорельшева
(Беларусь/Литва)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ ПРОТИВ РАКА ГРУДИ КАК ВЫЗОВ ТРАДИЦИОННЫМ ПОДХОДАМ В МЕДИЦИНЕ

The body has become the core subject for discussions and research since the 1980s. In ex-USSR countries, corporeality and breast cancer are still unpopular topics in social studies. This cancer type and the patient's body are researched mostly from a medical perspective. Paternalistic attitude toward the patient has prevailed in medical discourse for a long time. It means that the patient is perceived as a body that is incapable to make its own decisions, whereas a doctor acts as a key expert in patient treatment. Now it is replaced by the 'partnership model' focused on respecting the patient's personality and taking care of his/her mental, physical and psychological well-being. The treatment process is a dialogue between the doctor and the patient. The number of public narratives made by breast cancer survivors and information campaigns against breast cancer have turned breast cancer from the medical perspective into a social phenomenon. Breast cancer movement corporeality changed public history, cultural codes, the habitual boundaries of 'normality', and led to the recognition of other types of female corporeality and subjectivity.

На данный момент рак молочной железы (РМЖ) является одной из самых распространенных причин смерти среди женщин в мире и занимает лидирующее место по количеству больных по сравнению с другими видами рака. Долгое время о раке молочной железы писали и говорили преимущественно в медицинской сфере. Внимание было сфокусировано на самой болезни и вариантах ее лечения. С появлением общественных движений против рака молочной железы и организаций по защите прав пациентов отношение в раку молочной железы в медицине и обществе изменяется.

Целью работы является анализ общественных движений и кампаний против рака молочной железы и их влияние на медицинские подходы применительно к данной болезни.

Задачи: 1) проанализировать, как менялись представления и подходы применительно к раку молочной железы в медицине, проследить

эволюцию взаимоотношений врач – пациент; 2) рассмотреть общественные движения и кампании по борьбе с раком молочной железы, вклад этих кампаний в изменение публичных нарративов о раке молочной железы и критические замечания в их адрес; 3) определить специфику белорусского публичного дискурса рака молочной железы и причины, которые на него повлияли.

Рак молочной железы – это группа злокачественных опухолей из эпителия паренхимы молочных желез, сосков груди и их ареол. Опухоли характеризуются разнообразным и агрессивным клиническим поведением [5]. Исследования антропологов и археологов, а также записи врачей прошлого позволяют сделать вывод, что данная болезнь известна человечеству с древнейших времен. С XIX в. в связи с увеличением продолжительности жизни болезнь приобретает большее распространение. Заболеваемости раком молочной железы подвержены в основном женщины старше 50 лет, до XIX в. большинство женщин просто не доживали до этого возраста. Долгое время рак груди был предметом дискуссий в большей степени медицинского сообщества. Хотя первые организации по проведению исследований и популяризации информации были созданы в 1930–1940-х гг., а группы поддержки онкопациентки начинают создавать в 1950-х, тема все же не получает распространения среди широкой общественности. Сами онкопациентки стыдились и скрывали свой опыт.

Формирование публичного дискурса о РМЖ начинается с 80–90-х гг. XX в. Связано это, с одной стороны, с информационными кампаниями медиков по профилактике заболевания и скрининговыми программами, а с другой – с массовыми движениями онкопациенток (информационные, образовательные кампании, появление тематических общественных организаций, группы поддержки и др.) и активистов, заинтересованных в данном вопросе. Таким образом, повестка формировалась представителями медицины и общества, большинство из которых были причастны к проблеме в силу личного опыта [4].

Общественное движение рака молочной железы (breast cancer movement) стало возможным благодаря увеличению численности онкопациенток (количество больных и продолжительность их жизни увеличивается на фоне снижения процента смертности), а также на волне общественных феминистских движений [3]. Движение рака груди получило свое распространение в Америке на волне общественных движений 1960–1970 гг., а также адвокационной активности больных СПИДом начала 1990-х.

Активистская и адвокационная деятельность по вопросу рака молочной железы позволила открыть широкой общественности женский опыт преодоления болезни и травмы, лоббировать интересы онкопациенток перед медицинскими институтами и правительством, поднимая вопросы, связанные с внешностью, процессом принятия решений, влиянием на ход лечения и др., которые до этого не осознавались медиками как важные. Так, за последние 30 лет получили распространение органосохранные операции (позволяющие сохранить большую часть груди); реабилитационные процедуры и пластические операции вошли в состав лечения с покрытием затрат за счет страховки (в большинстве европейских стран и США), а скрининговые обследования становятся частью национальных программ здравоохранения [13]. «Женщины имеют право быть активными участниками в принятии решений об их лечении, могут открыто репрезентировать себя в обществе как выжившие, а не оставаться скрытыми жертвами» [4]. Адвокационные кампании в 1990-х гг. в США способствовали увеличению сумм, выделяемых на финансирование исследований рака груди, с 81 до 400 млн долларов, а в Германии добились изменения политики государства и внедрения обязательной скрининговой программы [1].

Общественные организации, коммерческие компании и правительства разных стран проводят программы по повышению осведомленности общества о раке груди и сбору средств для исследований. Самые известные из них – «Месяц борьбы с раком молочной железы» и «Розовая лента». «Месяц борьбы с раком молочной железы» ежегодно проходит в октябре и служит поводом актуализировать в обществе тему рака молочной железы с помощью различных информационных и общественных кампаний. Первый «Месяц борьбы с раком молочной железы» был проведен в 1985 г. международной фармакологической компанией «Астра-Зенек» для популяризации маммографии как наиболее эффективного средства борьбы с раком. Розовая лента служит символом рака молочной железы во всем мире. Появилась она в 1992 г. [12]. На данный момент «Pink Ribbon International» – это название международной организации, которая занимается информированием и поддержкой онкопациенток. Также коммерческие компании активно используют розовую ленту для маркирования товаров, сумма от продажи которых пойдет на борьбу с раком [12]. Критике программы «Розовая лента» посвящена книга Г. Сулик «Тоска по розовой ленте: Как культура рака молочной железы подрывает женское здоровье» (2011), где она анализирует индустрию потребления, которая сложилась вокруг символа рака груди.

Согласно Г. Сулик, ношение розовой ленты может быть расценено как бессмысленный активизм (*slacker + activism = slacktivism*) и не имеет никакого практического эффекта. Исследовательница подвергает критике лицемерие, с которым некоторые люди носят розовую ленту, чтобы проявить солидарность по отношению к женщинам с раком молочной железы, но потом выступают против их прав как пациентов и против законов по борьбе с загрязнением окружающей среды (загрязнение окружающей среды – одна из причин, вызывающих рак) [3, с. 366–368].

Крупные производители в месяц по борьбе с раком молочной железы маркируют часть своей продукции розовым цветом и украшают ее розовыми лентами, что способствует не только информированию о раке, но и повышению потребления этих продуктов. Вместо реальных действий общество носит ленты и покупает больше продуктов. Активисты по борьбе с раком груди запустили кампанию «Подумай, прежде чем одеть розовый» (*Think Before You Pink*), чтобы привлечь внимание к недобросовестным действиям производителей [14].

Г. Сулик критикует культуру розовой ленты (*pink ribbon culture*) за актуализацию гендерных стереотипов и объективацию женщин и их груди. Кампания «Розовая лента» феминизирует и инфантилизирует женщин, навязывает онкопацинткам стереотипные гендерные роли. Культура розовой ленты навязывает ролевую модель «героини» (*she-go* от *she* и *hero*) и делает акцент на популяризации оптимизма, надежды и прогресса, позитивном мышлении, которое, как маска, скрывает страшные истории преодоления и боли. Женщинам с раком груди отказано в праве оплакивать их телесные изменения, выражать гнев, боль и страх смерти в публичном дискурсе.

Вопросы гендера, болезни и медиа затрагивали в своей книге «Активизм в отношении рака груди: гендер, медиа и публичная политика» (2007) К. Кедровски и М. Саров. Авторы сравнивают, каким образом представлены в медиа рак грудной железы и рак предстательной железы. Они говорят о том, что информационные кампании по борьбе с разными болезнями так или иначе конкурируют за внимание лидеров мнений. И кампании по борьбе с раком груди оказываются в более выигрышном положении [2, с. 67]. Больная женщина чаще вызывает сострадание, а мужчина – в лучшем случае недоумение. Важно сказать об отсутствии мужского опыта в активистских кампаниях: мужчины и общество не готовы говорить о мужском опыте боли и страдания, воспринимая болезнь и телесные изменения как уязвление мужественности. Так, на исследования рака простаты в Британии выделяется в два раза меньше средств,

чем на исследования в области рака груди. Также тема рака груди у мужчин практически отсутствует в публичном дискурсе. В Беларуси даже не публикуется статистика по заболеваемости мужчин раком груди, несмотря на наличие таких случаев (около 1% от всех заболевших раком груди) [7].

В медицинском дискурсе для обозначения субъектов используются определения «женщина» (если говорится о профилактических мероприятиях), «больная» или «пациентка», что формирует отношение принадлежности онкопациентов к медицинской сфере. В публичном обращении в русскоязычных странах принято использовать определения «онкопациент/ка» или «онкобольной/ая», и это указывает на тот факт, что тело онкопациентки производится и дисциплинируется медицинским дискурсом. Именно медицинские протоколы определяют, кого и с какой опухолью считать онкобольным, производят документы, подтверждающие этот факт. После лечения онкопациент не считается выздоровевшим. Болезнь переходит в стадию ремиссии, и пациент подлежит обследованию через определенные промежутки времени на протяжении всей жизни [5, с. 18]. Врачи не исключают вероятность возвращения рака после проведенного лечения. Таким образом, пациенткой женщина, пережившая рак, остается на всю жизнь. Примечательно, что в английском языке в не медицинских текстах закрепилось определение «выжившие от рака груди» (breast cancer survivors), что отстраивает женщин, перенесших рак, от медицинского дискурса. На постсоветском пространстве ввиду практики утаивания диагноза и подходов к реабилитации (предполагалось, что женщина, прошедшая курс лечения и сохранившая трудоспособность, является здоровой обычной женщиной) идентичность онкопациенток существовала исключительно в медицинском дискурсе. Сейчас ввиду роста публичности онкопациенток за пределами больницы активистки-онкопациентки поднимают вопрос о поиске оптимального определения для собственного жизненного опыта. Однако полностью оборвать связи с медициной невозможно: риск возобновления болезни вынуждает находиться под постоянным медицинским контролем.

В Беларуси активистские движения и адвокационные кампании представителей общественности во время и после распада СССР не получили своего распространения в связи с врачебной практикой скрывания от пациенток их диагноза и низким уровнем гражданской активности населения в целом.

Условно смену дискурсов в отношении рака груди можно разделить на три этапа: советский (1950 – конец 1990-х), эпоха перестройки (начало

1990-х – нулевые), когда происходило активное знакомство с зарубежным опытом и пересмотр советского подхода к лечению, и современное состояние (нулевые – 2015). В советском медицинском дискурсе преобладало патерналистское отношение к пациенту, когда пациент воспринимается как тело, неспособное принимать решения, а врач выступает основным экспертом в лечении больного. Согласно советской традиции, пациентки не принимают участие в принятии решений о своем теле и ходе болезни, до недавнего времени они даже не были проинформированы, от какой болезни их лечат и что будет происходить с их телом. В соответствии с положениями о врачебной тайне врач говорил о диагнозе только родственникам, от больной диагноз скрывали, мотивируя это необходимостью избежать лишнего стресса во время лечения. Для неинформированной пациентки последствия лечения оказывались большим шоком. До сих пор в Беларуси женщины не могут повлиять на процесс лечения, целиком полагаясь на опыт и знания врача. На этапе перестройки происходит пересмотр основного дискурса и артикуляция основных значений по-новому. На современном этапе устанавливается модель, с которой связаны реализация информационных и скрининговых программ, общественные кампании против рака, переход к партнерским отношениям с пациентами, уважение их прав и свобод. Изменение объективного дискурса проявляется на уровне подходов к лечению (превалирование органосохранных операций совместно с химиотерапией и гормонотерапией) и правил коммуникации с пациентами и коллегами, особенностей в построении своих нарративов [9].

Успехи в сфере борьбы с раком – результат совершенствования методов лечения и профилактики, а также кампаний по информированию населения и пациентов. Из исключительно медицинской темы рак груди становится предметом публичных дискуссий и споров, а тело онкопациентки – символом борьбы и победы над болезнью. Повышение публичности в отношении рака груди явилось одним из факторов изменения взаимоотношений врач – пациент, а также косвенно повлияло на уменьшение процента смертности от данного заболевания.

В 1961 г. в Беларуси было зарегистрировано 7700 заболевших раком груди за год, и с тех пор наблюдается ежегодный прирост. За 25 лет (1990–2014) было выявлено 77 772 случая рака молочной железы среди женщин и 598 – среди мужчин [7].

С 1985 г. рак груди занимает первое место по заболеваемости среди всех разновидностей онкологий у женщин. С 1982 по 1996 г. показатели смертности выросли в два раза – с 22,2 до 49% соответственно [8], что

частично связано с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС [6]. С 2000 г. показатель смертности начал снижаться. На данный момент наблюдается рост заболеваемости раком, однако снижается процент смертности, увеличивается продолжительность жизни и происходит выявление рака на более ранних стадиях. За 25 лет произошло снижение годичной летальности с 14,3% в 1990 г. до 4,8% в 2014 г. [65, с. 260], за 15 лет показатели смертности снизились по отношению к заболеваемости с 47,9% в 2000 г. до 25,5% в 2014 г. [7, с. 250].

С 1990-х гг., когда рост заболеваемости и снижение уровня смертности привели к увеличению количества онкопациентов, появляются группы поддержки, объединяющие пациентов, перенесших рак (без указания локализации рака). Публичный нарратив о раке стал складываться в результате каминг-аутов отдельных женщин, как правило, уже знаменитых в какой-либо сфере деятельности, а также проектов художников, фотографов. В начале нулевых наблюдается поворот к коллективным нарративам, которые объединяют опыт нескольких онкопациентов, и, как правило, они же становятся авторами этих проектов. Участие женщин в активистских проектах можно рассматривать как попытку поиска новой идентичности, переосмысление и переопределение представления о собственной внешности, создание нового нарратива о себе. На постсоветском пространстве активистские кампании по борьбе с раком и нарративы о женской телесности репрезентируют восстановленное «нормальное» тело, общество и сами пациентки пока не готовы к пересмотру взглядов на женскую телесность.

В Беларуси лидерами общественных организаций по противодействию раку груди являются преимущественно женщины, как и основная их аудитория. Мужчины предпочитают не афишировать свою боль и слабость, идентифицировать себя с болезнью и травмой. Тематические акции в Беларуси приурочены к месяцу борьбы с раком молочной железы. В это время медицинские учреждения проводят бесплатное обследование грудных желез, а организации онкопациентов организуют информационные лекции и флешмобы. Например, #моварук, когда онкопациентки и равнодушные к этой теме люди писали на руках, что могут сделать для борьбы с раком, и распространяли фото с руками через социальные сети [15]. Таким образом, человеческое тело выступает в несвойственной ему функции материала для выражения своего мнения, приобретая политическое звучание в мире медиа.

Два года назад появилась общественная инициатива «Руками трогать», популяризирующая регулярные обследования как метод профи-

лактики и раннего выявления рака молочной железы. Одной из самых известных ее акций была попытка превратить минские статуи в наглядное пособие по самообследованию груди. Власти Минска отказали в проведении акции, мотивируя это некорректным отношением к произведениям монументального искусства [16].

Выводы

Рак молочной железы из болезни, о которой знал лишь узкий круг людей, превратился в социальное явление, имеющее международное значение и мировой охват. Рак груди поставил современную медицину перед необходимостью переосмысления вопросов гендера, представлений о норме, использования нестандартных методов информирования и работы с населением. Эффективность лечения от рака зависит от того, насколько медицина будет открыта к диалогу с обществом и способна реформироваться.

Результатом активистских кампаний стал пересмотр представлений о раке груди и людях, его переживших, в обществе (публичность онкопациентов развеяла мифы о смертности рака), у представителей бизнеса (увидели в онкопациентках отдельную группу потребителей), в медицинских и государственных институтах (мнение пациентов стало учитываться и влиять на процесс лечения, повысился размер дотаций на лечение и исследования рака груди, приняты государственные программы по профилактике). Нарративы о телесности изменяют публичную историю, вовлекая читателей и зрителей политически, этически и эстетически переосмыслить представления о возможностях женщин и женском теле. В то же время рост популярности данной темы ведет к ее коммерциализации, когда рынок использует ее для привлечения внимания к своим продуктам.

В Беларуси рак груди долгое время был табуированной темой, диагноз больным не говорили, что привело к появлению онкофобии в обществе. Общественные движения и кампании занимаются информированием населения и психологической поддержкой онкопациентов. В отличие от западных стран, прецедентов публичного лоббирования интересов пациентов и отстаивания их прав в Беларуси не было.

Литература

1. Braun, S. The History of Breast Censer Advocacy // Breast Journal. 9 s/2. 2003. P. 101–103.
2. Kedrowski, K.M., Sarow, M.S. Cancer Activism: Gender, Media, and Public Policy. University of Illinois Press, 2007 – Business & Economics. P. 288. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.se/books/about/Cancer_Activism.html?id=FLotMzgdvA8C&redir_esc=y Дата доступа: 10 сентября 2016 г.
3. Sulik Gayle, A. Pink ribbon blues: how breast cancer culture undermines women's health. OUP USA: Psychology, 2010. 424 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.by/books?id=7WG5VzIzOAwC&pg=PR11&source=gs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false Дата доступа: 15 сентября 2017 г.
4. Weberling, B. Framing breast cancer: Building an agenda through online advocacy and fundraising // Public relations review. 3/2012. Vol. 38(1). P. 108–115.
5. Антоненкова, Н.Н. и др. Онкология: учебное пособие / под. ред. И. В. Залуцкого. Минск: Вышэйшая школа, 2007. 703 с.
6. Материалы IV съезда онкологов. Республики Беларусь. 3–5 ноября 2011 года, г. Минск // Онкологический журнал. Т. 5. № 3 (19). 2011.
7. Океанов, А.Е. и др. 25 лет против рака. Успехи и проблемы противораковой борьбы в Беларуси за 1990–2014 годы / под ред. О.Г. Суконко. Минск: ГУ РНМБ, 2016. 415 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rep.med.by/handle/data/127> Дата доступа: 7 сентября 2017 г.
8. Путьрский, Л.А. Рак молочной железы: учебное пособие. Минск: Вышэйшая школа, 1998. 95 с.
9. Руководство по онкологии: в 2 т. / под ред. профессора О.Г. Суконко. Минск: Беларуская энцыклапедыя, 2015–2016.
10. Ялом, М. История груди. М.: Эксмо, 2011. С. 424. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rulit.me/author/yalom-merilin/istoriya-grudi-download-free-341638.html> Дата доступа: 10 сентября 2017 г.

Список интернет-источников

11. Landman, A. Pinkwashing: Can Shopping Cure Breast Cancer? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.prwatch.org/node/7436> Дата доступа: 15 сентября 2017 г.
12. Pink Ribbon International. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pinkribbon.org/about/history/> Дата доступа: 15 сентября 2017 г.
13. Riter, B. History of breast cancer advocasy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.crcfl.net/index.php/history-of-breast-cancer-advocacy/> Дата доступа: 15 сентября 2017 г.
14. Think Before You Pink®, a project. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.thinkbeforeyoupink.org/about-us/> Дата доступа: 15 сентября 2017 г.

15. Ключевые послания #МоваРук: Я могу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oncopatient.by/klyuchevye-poslaniya-movaruk-ya-mogu/> Дата доступа: 17 сентября 2016 г.
16. Мингорисполком запретил трогать столичные статуи за грудь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.tut.by/society/468627.html> Дата доступа: 17 сентября 2016 г.